

СИБИРСКАЯ
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА,

издаваемыя подъ редакціей

К. Н. Бестужева-Рюмина.

1864. Кн. 22. Типография Общества.

1864.

2.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1864.

ИЗСЛЕДОВАНИЯ II МАТЕРИАЛЫ.

ШАМАНСТВО ВЪ СИБИРИ.

Шаманская религія владычествовала нѣкогда надъ всѣми народами финскаго и тюрко-монгольскаго племени. Остатки ея видны еще по нынѣ между инородцами европейской Россіи и Сибири, — бурятъ и якутъ, остыкъ и тунгусъ, самоѣдъ и камчадаль, манжуръ и гилякъ, корякъ и минусинскій татаринъ еще до сихъ поръ сохранили шаманскія вѣрованія своихъ отцевъ, еще до сихъ поръ они благоговѣйно внемлютъ неистовымъ воплямъ шамановъ и заунывнымъ звукамъ ихъ бубновъ. Но при всемъ томъ, шаманство не сохранилось до сей въ своемъ первоначальномъ видѣ, — многое измѣнилось въ немъ отъ частыхъ столкновеній съ будуизмомъ, христіанствомъ и магометанствомъ. Весьма трудно, почти невозможно представить древнее состояніе шаманской религіи. Не легки также изслѣдованія и о современномъ состояніи шаманства, потому что его послѣдователи, при своемъ антагонизмѣ къ русскимъ, плохо дѣлятся съ ними свѣдѣніями о своей религіи. Шаманы, которымъ известна ихъ миѳология во всей ея полнотѣ, ни за что не посвящаютъ изслѣдователя въ тайны своей мудрости. При такой трудности изученія шаманской религіи понятны та неполшота, поверхность и ошибки

бочность, которыми отличается большая часть сочинений о шаманстве. Укажемъ на главныя изъ нихъ.

1. *Черная вѣра или шаманство у монголовъ* Д. Банзарова. Авторъ занимается изслѣдованиемъ о древнемъ шаманстве и почти ничего не говоритъ о современномъ состояніи этой религіи.

2. *Шаманство у Сибирскихъ народовъ* и *Шаманство у народовъ Сѣверной Азии* — Н. Щукина. Эти статьи основаны на сочиненіи Банзарова; автору принадлежать только свѣдѣнія о шаманскихъ обрядахъ, богослуженіи, ворожбѣ.

3. Въ извѣстномъ *Описаніи земли Камчатки*, Крашениниковъ довольно подробно говорить о шаманствѣ у камчадаловъ.

4. *Vorlesungen über die finnische Mythologie, Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844* — Кастрена, и *Путешествие къ Ледовитому морю. Фр. Бѣлявскаго*. Въ этихъ сочиненіяхъ много свѣдѣній о шаманствѣ у остяковъ и самоѣдовъ; о томъ же говоритъ довольно простиранно и *Гутри* въ *Abregé de la nouvelle geographie, tom. II.*

5. Іакинѣ въ своемъ „*Китаѣ*“ оставилъ нѣсколько свѣдѣній о шаманствѣ въ Пекинѣ; а въ „*Исторіи о народахъ Средней Азии*“, онъ сообщаетъ много извѣстій о вѣрованіяхъ древнихъ азіатскихъ племенъ.

Кромѣ этихъ сочиненій, свѣдѣнія о шаманствѣ разбросаны во многихъ статьяхъ и книгахъ этнографического содержанія. Независимо отъ нихъ, мы имѣли случай приобрѣсть много новыхъ свѣдѣній о шаманствѣ у монголовъ. Считаемъ нужнымъ предварить читателя, что мы, боясь впасть въ повторенія, не всегда говорили подробно объ извѣстномъ миѳѣ или обрядѣ, которые у разныхъ народовъ различаются только названіями и незначительными частностями, а не сущностью дѣла. О финской миѳологіи, во многомъ отличной отъ шаманской, мы говорили только отчасти, хотя Кастренъ считаетъ ее принадлежащею къ шаманизму. Но она, своими богатыми рунами, съ своей *Калеваловой* достойна особой статьи.

На первомъ планѣ стоитъ въ шаманствѣ обожаніе природы; оно потеряло нынѣ прежній характеръ фетишизма и занѣнилось поклоненіемъ духамъ — „хозяевамъ“ различныхъ предметовъ природы. Каждое естественное явленіе, каждая форма міровой жизни, имѣютъ своего духа-владѣтеля. Пространства воздуха, воды, горы, лѣса, планеты, самая внутренность земли, — все это наполнено легіонами духовъ.

Рядомъ съ духами въ шаманской религіи стоять души умершихъ людей и фетиши — идолы естественные и искусственные. Одни изъ этихъ идоловъ представляются существами живыми, личными; другіе же считаются только вмѣстилищемъ, мѣстопребываніемъ известныхъ духовъ, которые такимъ образомъ дѣлаютъ для человѣка удобнымъ непосредственное сношеніе съ ними.

Всѣ упомянутыя божества дѣлятся на два разряда — добрыхъ и злыхъ. Если влияніе послѣднихъ и слабѣе первыхъ, за то числомъ злыхъ божества превосходятъ добрыхъ. Вездѣ, куда бы ни пошелъ шаманистъ, ему грозить опасность отъ сатаны; во всѣхъ своихъ дѣлахъ онъ думаетъ встрѣтить препятствія отъ легіоновъ злыхъ духовъ. Вдыхаетъ ли онъ воздухъ, — ему чудится, что въ его внутренности устремляются черти; видѣть ли непріятный сонъ, ему грезится, что это дѣйствіе дьявола, заблудится ли въ лѣсу, — значить водить „хозяинъ лѣса“, заболѣть ли, сойдетъ ли съ ума, — всѣ признаютъ, что въ немъ поселился бесъ. Нетолько въ настоящей, но и въ будущей жизни ждутъ человѣка демоны и ужасныя отъ нихъ муки. Словомъ, адъ — атмосфера шаманиста, черти — его *idée fixe*.

Чтобы умилостивить духовъ и отклонить вредное влияніе ихъ, шаманисты задобираютъ ихъ жертвами. Но такъ какъ духи остаются часто недовольны этими приношеніями или уже до того раздражены, что никакія взятки не въ состояніи утолить ихъ гнѣва, тогда обращаются къ добрымъ духамъ. Послѣдніе, неизвѣдя тьму и зло, постоянно борются съ демонами и умѣ-

ряютъ вредное ихъ, вліяніе на человѣка, но окончательно уничтожить ихъ не въ состояніи.

Такъ какъ духи могутъ быть умилостивлены жертвами, то нужно знать—какой хотятъ они жертвы; такъ какъ инстинктъ самосохраненія побуждаетъ охранять себя отъ вредныхъ вліяній природы, или воображаемыхъ духовъ,—предузнавать эти пагубныя дѣйствія,—то нужно знать и имѣть средства къ избавленію отъ нихъ. Разныя обстоятельства жизни требуютъ для блага общаго и частнаго, знанія многихъ вещей, недоступныхъ для обыкновеннаго ума человѣческаго. Все это влекло за собою волшебство, заклинанія, предсказанія. Люди, посвятивши сеѧ этой профессіи, образовали особую касту шамановъ, жрецовъ-кудесниковъ.

Шаманисты не имѣютъ священныхъ книгъ; вся ихъ религія, вся обрядность, заключаются въ преданіи. Только въ Пекинѣ въ 1747 г. изданъ уставъ манчжурскаго шаманскаго служенія. Древніе обряды шаманской религіи, изложенные въ упомянутомъ уставѣ, представляютъ, по словамъ Іакинѣа, стройную систему, основанную на понятіяхъ чисторелигіозныхъ (¹). Но съ этимъ уставомъ знакомы одни пекинскіе шаманисты, для прочихъ онъ неизвѣстенъ.

Есть буддійское сказаніе, что во времена древности, когда шаманство было всеобщею религіею Азіи, оно имѣло многія магическія книги (²). По монголо-бурятскому пародному преданію, родоначальники бурятъ *Хори* и *Бурятб*, руководствовались писаннымъ шаманскимъ закономъ, но однажды, переплывая черезъ рѣку, Бурятъ уронилъ его въ воду, что и подало поводъ къ введенію ворожбы по жженой лопаткѣ. Мы не можемъ отвергать истинности этихъ преданій: у народа, имѣвшаго письменность, каковы были монголы, могли быть и священныя книги. Въ настоящее время въ Монголіи и Восточной Си-

(¹) „Китай“, ч. IV, стр. 55.

(²) Улигерунъ-Далай; Буддизмъ А. Нила, стр. 219.

быв есть много народныхъ книжекъ о шаманствѣ, писанныхъ буддистами. Но послѣдніе, съ цѣлью удобнѣйшаго распространенія своихъ вѣрованій между шаманистами, примѣщали къ шаманству много буддійскаго и такимъ образомъ исказили народную религію. Нѣкоторыми изъ подобныхъ книгъ руководствовался Банзаровъ, при составленіи своей диссертациіи о „Черной Вѣрѣ“.

ГЛАВА I.

Небо.

Первое мѣсто въ ряду обожаемыхъ шаманистами предметовъ природы, занимаетъ *небо*. Въ періодъ фетишизма, слѣды котораго не изгладились еще до сихъ поръ, шаманисты почитали одно видимое небо, не придавая ему никакого высшаго, духовнаго значенія. Хотя Плано Карпини, Рубруквісъ, Гайтонъ Армянскій и многіе другіе старые и новые путешественники говорятъ о поклоненіи монголовъ, татаръ и другихъ шаманистовъ Единому Богу, но все, что рассказываютъ эти писатели о вѣрованіи въ Бога, должно относить къ *небу*. Ошибка произшла здѣсь отъ неправильнаго перевода словъ, означающихъ небо. Такъ напр. монгольское *тэнгри*, иностранцы переводили *Богъ*, а оно прежде всего значитъ *небо*. Но такъ какъ этому *тэнгри* монголы поклонялись и приписывали божескія свойства, то путешественники признали его тожественнымъ словомъ Deus, Deus, Алла (¹). Подобное же случилось съ католическими миссионерами въ Китаѣ, которые слово *тиань* (небо), приняли за имя Бога.

Но дѣйствительно ли *тэнгри* значитъ небо? Чингисъ-Ханъ, какъ видно изъ разсказовъ монгольского историка Цананъ

(¹) Черная Вѣра, стр. 62.

Цэцэна, часто называлъ себя сыномъ тэнгри; онъ величался и гордился этимъ именемъ. Но подъ тэнгри здѣсь очевидно разумѣется небо, по волѣ котораго рождаются и отъ котораго непосредственно зачинаются великие люди. Такъ напр. служанка одного долисского владѣтеля въ отсутствіе его очреватѣла; возвратившійся владѣтель хотѣлъ убить ее, но она сказала ему: „Я видѣла на небѣ воздухъ, спустившійся на меня въ видѣ куриного яйца“ (¹). Въ вариантахъ этого миѳа разсказывается—въ первомъ, что женщина зачала отъ упавшей съ неба ей въ ротъ градинки, а во второмъ — отъ падавшихъ на нее солнечныхъ лучей. Эти миѳы указываютъ на вѣрованіе монголовъ въ то, что великие и замѣчательные люди рождаются отъ неба, слѣдовательно, должны называться сынами его. У соседей монголовъ-китайцевъ и родственныхъ имъ японцевъ, еще до сихъ поръ каждый государь носитъ почетный титулъ *сына неба*. Послѣ этого становится отчасти уже яснымъ, что Чингисъ называлъ себя сыномъ неба и слѣдовательно, съ *тэнгри* соединялось понятіе *неба*, а не *Бога*. А что Чингисъ-ханъ дѣйствительно родился отъ тэнгри, или по крайней мѣрѣ, по его волѣ, обѣ этомъ свидѣтельствуетъ данное ему при рождении имя — *тэнгринъ оюксэнъ*, — „вымоленный у тэнгри“ (²).

Когда Чингисъ умеръ, разсказываетъ Ц. Цэцэнъ, то положенное на одноколку тѣло его отвозилось на родину. Поданные въ глубокой печали сопровождали гробъ государя. Когда поѣздъ достигъ топкаго мѣста *Муна*, одноколка завязла и всѣ усилия сдвинуть ее съ мѣста остались тщетными. Тогда нѣкто Килукэнъ Богатуръ пропѣлъ слѣдующее: „отъ синяго, вльчаго неба (*тэнгри*) чудесно рожденный, левъ людей, сынъ неба, государь мой и прои. (³). Эти слова падгробной пѣсни ясно уже

(¹) Истор. народовъ Средней Азіи, Іакинеа ч. II, стр. 15.

(²) Geschichte d. O. Mongolen, von SS. Ssetzen, S. 63.

(³) Тамъ же. S. 107.—Алтанъ Тобчи, въ Запискахъ Русскаго Археологическаго Общества, т. XIV, стр. 30.

указываютъ на поклоненіе монголовъ видимому небу (тэнгри), потому что оно называется *синимъ*. А что синое небо—божество древнихъ монголовъ, это подтверждаетъ эпитетъ *вѣчное* и то, что Чингисъ родился отъ него. Послѣднее уже окончательно подтверждаетъ то, что Чингизъ, называя себя сыномъ тэнгри, разумѣлъ подъ этимъ словомъ *небо*, а не *бога*.

Отъ монгольского *тэнгри* происходитъ якутское *танарапа*, *танарапа*, — название неба и въ послѣднее время Бога. Чувашское *тара* тоже происходитъ отъ монгольского *тэнгри*, *танири*, потому что носовой звукъ *an* при переходѣ въ чувашскій языкъ, измѣняется на *o* (¹) тунгусы главнаго своего бога зовутъ *Шевати Окжари*, т. е. икона—небо, что свидѣтельствуетъ даже о современномъ поклоненіи тунгусовъ видимому небу (²). Китайцы почитаютъ небо подъ именемъ *тиань*, поклоняются ему, какъ высшему божеству и приносятъ жертвы (³).

Шаманисты финского происхожденія также считали и считаютъ небо высшимъ божествомъ. Главное божество финской миѳологии *юмала*, по изслѣдованію А. Кастрена, значитъ *небо и бог неба* (⁴).

Слово *юмала*, какъ состоящее изъ трехъ слоговъ, есть слово производное. Окончаніе *ла* указываетъ на какоенибудь мѣсто, мѣстожительства. Оставленное безъ *ла юма* до сихъ поръ, принимается черемисами въ значеніи Бога. Въ другихъ же родственныхъ съ финскимъ языкамъ понятіе Бога, выражается черезъ производную форму, зстонск. *юммалъ*, лопарск. *юбмель*, *ибмель*, *иммель*, зырянское *иен*. Но и *юма* не первоначальный корень; буква *a* есть ничто иное, какъ придатокъ, ибо по свойству финского языка *m*, не можетъ одна заключать слова, но принимаетъ вспомогательный звукъ. Поэтому корень

(¹) Чуваши, Савельева. Въ Ж. М. Вн. Д. ч. XXXVI, стр. 401.

(²) Енисейскія губ. вѣдомости 1860 г. № 3, стр. 10.

(³) Китай, соч. Іакинеа, ч. IV.

(⁴) Vorlesungen über die finnische Mithologie. St. Petersb. 1853.

юмала будетъ *юм*, пазваніе, которое самоѣды, по свидѣтельству прежнихъ путешественниковъ, давали Богу. Вместо *юмъ*, вышѣ самоѣды употребляютъ *нумъ*, по это слово одно и тоже, что *юмъ*: перемѣна и па и въ самоѣдскомъ языкѣ не рѣдкость.

Какое же понятіе выражаетъ у разныхъ народовъ упомянутое слово? — Лопарское *юбмель*, по словамъ Гегстрема, болѣе соответствуетъ латинскому *Jupiter*, чѣмъ *deus*. Эстонское *юмалъ* и зырянское *іенъ* употребляется какъ эпитеты для обозначенія всѣхъ боговъ вообще и христіанского въ частности.

Какъ у упомянутыхъ народовъ, такъ и у самоѣдовъ, понятіе, соответствующее *юмали* перемѣшано съ христіанскими представлѣніями. Если же отѣлить послѣднія, то выйдетъ, что самоѣды почитали въ *нумъ небо*. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и самый языкъ ихъ, въ которомъ понятія Бога и неба выражаются однимъ и тѣмъ же словомъ *нумъ*. Такое словоупотребленіе основывается на томъ, что небо считалось богомъ, существомъ божественнымъ. Для выраженія идеи Бога, иѣкоторые самоѣдскія племена употребляютъ *Ийлеулибаертье*, но это слово только эпитетъ *numa*, какъ защитника и хранителя стадъ, и употребляется большею частію племенами, обращенными къ христіанству. Некрещенные же племена говорятъ *нумъ*, разумѣя подъ этимъ словомъ почти всегда небо. Небо же они считаютъ не мертвую вещью, а живымъ, личнымъ существомъ, посылающимъ громъ, молнию, дождь, снѣгъ и т. д. Тоже самое значеніе имѣютъ лопарское *юбмель*, черемисское *юма* и финское *юмала*.

Небо, по понятію шаманистовъ, вѣчно: „силою вѣчного неба“.... такъ обыкновенно начинались граматы монгольскихъ хановъ. Въ своихъ обращеніяхъ къ небу, монголы придавали ему эпитетъ *вѣчнаго*: „да будетъ известно это тебѣ, высокое, *вѣчное небо*“; „отъ синаго, *вѣчнаго неба* рожденный государь“.... и т. п. Камчадалы тоже сохранили темную вѣру въ вѣчность

неба; они, по свидѣтельству Крашениникова, считаютъ небо несotвореннымъ, не знаютъ кто сотворилъ его ⁽¹⁾.

Будучи вѣчнымъ, небо правитъ міромъ. По волѣ его рождаются люди; это творческое дѣйствіе неба извѣстно у монголовъ подъ именемъ *дзаяга*. Такъ чингисъ родился по повелѣнію неба. Такъ одинъ хюннускій владѣтель посвятилъ небу двухъ своихъ дочерей, не считая никого изъ людей достойными быть ихъ мужьями. Онъ заключилъ дочерей въ высокомъ теремъ и просилъ небо принять ихъ. Небо приняло приношеніе и послало къ царевнамъ волка, который денно и ноцно стерегъ теремъ, производя вой. Младшая сестра сошла къ волку, совокупилась съ нимъ и родила сына ⁽²⁾. Иногда небо посыпаетъ мѣсяцъ, чтобы онъ, совокупившись съ извѣстной женщиной, произвелъ дитя. Такъ въ лѣтописи *Алтанъ Тобчи* одна монголка разсказываетъ: „бывало въ темную почь мѣсяцъ въ видѣ мальчика входить въ мою юрту и озаряется свѣтомъ; погладивъ животъ мой, онъ, выходя изъ юрты, превращается въ рыжую, лысую собаку. Сообразивъ все это, я думаю, что мои дѣти родились по опредѣленію неба“ ⁽³⁾. Преданіе говоритъ, что одинъ изъ предковъ Чингиса зачался во чревѣ своей матери посредствомъ чудеснаго вліянія солнечныхъ лучей ⁽⁴⁾. Служанка солисскаго владѣтеля очреватѣла отъ воздуха, который она видѣла на небѣ, и который спустился на нее въ видѣ куриного яйца ⁽⁵⁾. О Чингисъ - ханѣ монголы говорили, что онъ родился по повелѣнію неба; и небо посыпаетъ не только великихъ людей, но и обыкновенныхъ государей и владѣтелей. Китайскіе и японскіе государи всѣ безъ исключенія носятъ название сына неба; хюннускіе шаньюи называли себя рож-

⁽¹⁾ Описаніе Камчатки, ч. III, стр. 71.

⁽²⁾ Исторія народовъ Ср. Аз. Іакинеа, ч. 1, стр. 249.

⁽³⁾ Алтанъ-Тобчи, въ „Зап. Археол. общества“ т. XIV, стр. 5.

⁽⁴⁾ Сибирскій Вѣстникъ 1824 г., ч. IV, стр. 253.

⁽⁵⁾ Исторія народовъ. Ср. Аз., ч. 1, стр. 71.

денными небомъ⁽¹⁾. Представляя небо виновникомъ появленія на земль великихъ людей, шаманисты выражаютъ тѣмъ свое вѣрованіе въ его заботливость о славѣ и счастіи народовъ, устроенныхъ знаменитыми государями.

Заботясь о благѣ народовъ, неба наблюдаетъ за поведеніемъ людей; оно видитъ всѣ поступки и помыслы человѣка. Въ силу такого вѣрованія монголы призывали небо въ свидѣтели и представляли ему на судъ свои поступки. Они говорили „отець и царь мой, небо, да будетъ мнѣ судія и свидѣтель!“ „небо, тебѣ это известно“ и т. п. (2). И дѣйствительно, небо судить людей, наказываетъ и вразумляетъ ихъ. Въ XV в. монголы взяли въ плѣнъ одного китайского императора и осудили его на тяжкое рабство. Но однажды ночью, изъ чашки, изъ которой пилъ плѣнnyй императоръ, выходило багровое сіяніе. Это было сочтено за повелѣніе неба выпустить плѣнника, и онъ былъ препровожденъ въ Китай съ честю (3). Моганъ-ханъ изъ дома Тугю долго задерживалъ у себя китайскихъ пословъ. Небо изъявило на это гнѣвъ свой продолжительной грозой, вслѣдствіе чего послы были отпущены и съ императоромъ ихъ заключенъ миръ (4). Китайцы и другие жители Средней Азіи; естественные бѣдствія: наводненія, неурожаи, засухи и т. п. объясняютъ гнѣвомъ неба на людей за ихъ беззаконія (5). Если государи, которые посылаются небомъ и должны быть отцами народа, лишаютъ себя любви народной, то небо наказываетъ ихъ бунтами, изменою слугъ и подданныхъ (6).

Какъ начало добра, небо врагъ злыхъ духовъ и всего нечистаго. Оно преслѣдуетъ и поражаетъ демоновъ громовыми

(1) Ibid., ч. 1, стр. 28.

(2) Ss. Ssetzen's Geschichte d. O. Mongalen, S. 149 und 190.

(3) Черная Вѣра, Банзарова, стр. 66.

(4) Ibid; Deguin: Histoire d'Huns, t. 1, p. 292.

(5) Черная Вѣра, стр. 66.

(6) Stuhr's Religions-System. des Orients, B. 1, s. 13.

ударами и молнией. Если молния поразить животное, человека, дерево или другую вещь, то значитъ въ нихъ скрылся отъ громовой стрѣлы злой духъ или есть что нибудь нечистое. Но объ этомъ мы поговоримъ еще ниже.

Такимъ образомъ древніе шаманисты признавали небо высохшимъ и первымъ божествомъ. Съ течеиемъ времени боготвореніе неба уступило мѣсто поклоненію небожителямъ и наконецъ христіанскому Богу. Этотъ переходъ совершился, разумѣется, не вдругъ, а постепенно, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Сперва же понятіе о личномъ Богѣ и небѣ сливалось. Монголы, напр., по словамъ Д. Банзарова, безотчетно воображали небо иногда духомъ, который являлся имъ въ формѣ синяго неба (¹). Когда небо, какъ высшее божество, замѣнили небожители, боги, тогда шаманисты стали поклоняться небу ужъ не какъ самостоятельному божеству, а только какъ священному мѣстопребыванію небожителей. Въ этотъ періодъ небо, въ понятіи шаманистовъ, раздѣлилось на нѣсколько частей, соотвѣтственно различному достоинству небожителей. Туруханскіе и, какъ намъ извѣстно, другіе якуты, признавали нѣкогда существованіе девяти небесъ (²); изъ которыхъ на семи обитаютъ разныя животныя, употребляемыя въ пищу покойниками, на восьмомъ живеть богъ грома, на девятомъ главный богъ Ар-тоёнд и жена его (³). Изъ нѣкоторыхъ молитвъ бурятскихъ шамановъ видно, что по ихъ понятію небо раздѣляется на двѣ части: *великое и малое небо*: „призываю я *малое, малое небо*; призываю *великое, великое небо* со всею его ясностью“.

Мы изложили только монгольское ученіе о небѣ, какъ божествѣ; о поклоненіи же небу другихъ шаманскихъ народовъ не можемъ сообщить никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Почти

(¹) Черная Вѣра, стр. 67.

(²) Младшая Эdda насчитываетъ тоже девять небесъ.

(³) Записки Сибир. Отдѣла Геогр. Общества, кн. IV, с. 142. 1857 г.

у всѣхъ шаманистовъ, кромѣ монголовъ, не осталось никакихъ свидѣтельствъ о прежнемъ ихъ обожаніи видимой тверди. Оно давпо уже перешло къ духамъ-небожителямъ, которые замѣнили собою небо и даже называются, если не всѣ, то главные изъ нихъ, тѣмъ же имѣемъ, какъ и прежнее божество небо. Монголы называютъ *тэнри* и небо, какъ божество, и духовъ-небожителей. Самоѣды называютъ *нумомб* не только небо, но и другія божества—солнце, луну, море, громъ. Въ самомъ характерѣ шаманскихъ духовъ большая часть свойствъ и качествъ тѣ же, какія приписывались нѣкогда высшему божеству-небу.

Небесныя свѣтила и воздушныя явленія.

О боготвореніи солнца и луны народами Азіи, мы имѣемъ свидѣтельства гораздо раньшія христіанской эры. Ханы хунинскіе выходили, по словамъ китайскихъ лѣтописей, ежедневно утромъ—для поклоненія солнцу, а вечеромъ—лунѣ (¹). Тоже дѣлали ханы другихъ народовъ. Входъ въ ставку владѣтелей Тугю былъ съ востока, изъ уваженія къ странѣ солнечнаго восхода (²). Плано Карпини говоритъ о монголахъ, что они почитаютъ солнце и луну, которую называютъ великимъ императоромъ (³). Это поклоненіе свѣтиламъ сохранилось между шаманистами до настоящаго времени. Только въ древности боготворили свѣтила въ ихъ материальной непосредственности, а нынѣ фантазія народа создала божества, владѣющія небесными тѣлами. Но личность этихъ божествъ до того еще невыяснена, что сливается съ самыми свѣтилами, такъ что они, безъ всякаго отношенія къ духамъ, представляются существами столь же живыми, разумно-свободными, какъ и духи ихъ. Поэтому мы о свѣтилахъ и ихъ духахъ мы излагаемъ вмѣстѣ.

Солнце, по вѣрованію шаманистовъ, сынъ неба. Азіатскій

(¹) Deguin, tom. 1, part. 2, p. 26.

(²) Исторія народовъ Ср. Аз. ч. 1, стр. 269.

(³) Путешествія къ Татарамъ, стр. 93.

владѣтель, сынъ неба, называетъ себя братомъ солнца. (1); разумѣется, не по матери, а по общему ихъ отцу — небу. Въ какихъ отношеніяхъ солнце находится къ другимъ свѣтиламъ, неизвѣстно. Хотя Плано Карпини и говоритъ, что татары считали солнце матерью луны, потому что она заимствуетъ свой свѣтъ отъ солнца (2); но вѣроятно, это личное мнѣніе П. Карпини, приписанное имъ полудикимъ татарамъ. Откуда могъ узнать средневѣковойnomадъ эту астрономическую истину? Кромѣ того, изъ нѣкоторыхъ легендъ монгольскихъ и финскихъ народовъ прямо вытекаетъ, что шаманисты считаютъ свѣтила принадлежащими къ мужскому полу. Въ финской легенды солнце, луна и звѣзды, сватаются на дѣвушкѣ и имѣютъ женъ, въ монголо-бурятскомъ сказаніи луна и солнце спорятъ о дѣвушкѣ, желая имѣть ее своею супругою (3). Азіатскіе ханы называютъ солнце своимъ братомъ; отъ его лучей зачался одинъ изъ предковъ Чингиса. Дѣти одной монголки, по словамъ ея, прижиты съ мѣсяцемъ, входившимъ по ночамъ въ ея юрту подъ видомъ мальчика. Многія звѣзды извѣстны въ бурятской миѳологіи подъ именемъ *старцевъ*. Въ этомъ отношеніи миѳология тюрко-монгольскихъ и финскихъ народовъ, прямо противоположна индо-европейскимъ миѳологіямъ, въ которыхъ солнце представляется женщиной, а мѣсяцъ мужчиной, или на обратъ (4). Только одни лопари сходятся въ этомъ отношеніи съ народами индо-европейскими. По ихъ вѣрованію, луна — женщина, а солнце — супругъ ея (5).

Солнце имѣеть огромное влияніе на судьбу человѣка и по

(1) Іакинеа исторія народовъ Ср. Аз.

(2) Черная Вѣра.

(3) Все это впрочемъ не доказательство: въ нашей миѳологіи подъ небесныхъ свѣтилъ постоянно перемѣшиваются. Едва ли миѳы первоначальныхъ народовъ могутъ имѣть ту прочность, которую приобрѣтаютъ впослѣдствіи въ твореніяхъ поэтовъ.
Ред.

(4) Grimm: Deutsche Mithologie, s. 666.

(5) Eckermann: Relegionsgeschichte B. IV.

этому пользуется большимъ уваженіемъ у всѣхъ шаманистовъ; лопари считаютъ его матерью всего живущаго. Когда житель сѣверной Америки коняга собирается на промыселъ въ море, то вставши до солнечнаго восхода, садится на свой шалашъ или на пригорокъ и смотря на то, какъ поднимается солнце, рѣшаетъ ѿхать или нѣтъ⁽¹⁾. Самоѣдъ старается высказать солнцу свое повиновеніе и слѣдованіе законамъ его. При восходѣ солнца онъ обращается къ нему и говорить: „какъ ты, Ийлеумбаертье, выходишь, такъ и я встаю!“ при закатѣ же самоѣдъ произноситъ: „какъ ты, Ийлеумбаертье, заходишь, такъ и я отправляюсь отдыхать!“⁽²⁾. Древніе финны съ особыніемъ уваженіемъ и любовію обращались къ солнцу; финскій пастухъ поетъ: „о, солнце, покажи мнѣ свои очи, блесни своими бровями! А я покажу тебѣ твою *хозяйку* изъ пещеры; она ткетъ золотую ткань, она трудится надъ серебряною тканью. Перервала она по поламъ золотую нить, разодрала на двое серебряную пряжу. Плачетъ обѣ этомъ дѣвица; не плачь, молодая дѣвушка!“⁽³⁾. Хозайка солнца его богиня, золотыя и серебряные нити-лучи, солнечные; они разрываются, — значитъ приходитъ ночь.

Солнце и мѣсяцъ, иногда вступаютъ въ брачный союзъ съ женщиныами. Вотъ что разсказывается, напр., бурятская легенда⁽⁴⁾.

„Въ глубокой древности, въ дремучемъ лѣсу жилъ съ женой и дѣтьми одинъ человѣкъ, кормившійся трудами рукъ своихъ. Однажды, въ его отсутствіе, мать послала свою дочь за водою на ключъ, находившійся далеко отъ юрты. Дѣвушка пришедши на ключъ, заслушалась тамъ пѣнія пташекъ, прилетавшихъ пить. Мать, долго ждавши свою дочь, наконецъ потеряла терпѣніе и вскричала: „чтобъ взяло ее солнце!“ Едва она успѣла произнести это, какъ солнце и мѣсяцъ стали быстро спускаться со своихъ

⁽¹⁾ Путешествіе въ Русскую Америку Хвостова, ч. II, стр. 25.

⁽²⁾ Письма Кастрена: Современникъ 1845 г. № 7, стр. 61.

⁽³⁾ Eckermann: Religionsgeschichte B. W., s. 167.

⁽⁴⁾ Сообщена Н. С. Б—ымъ.

мѣстъ на небѣ, стараясь опередить другъ друга. Дѣвочка одной рукой укрѣпилась за кустъ, а другою держала кувшинъ. Солнце схватило ее, но она держалась такъ крѣпко, что выдернула кустъ. „Теперь, говорить солнце, есть у меня спутница, съ которой я могу весело проводить время!“ Но луна стала просить у солнца дѣвушку себѣ: „Я хожу одна, сказала она, да и при томъ ночью, а ночной путь опасенъ, ты же ходишь днемъ и можешь обойтись безъ спутницы!“ Солнце уступило дѣвушку и тихо, вмѣстѣ съ луною, поднялось на небо. Но на лунѣ показались съ тѣхъ поръ темныя пятна, которыхъ прежде не было.⁽¹⁾ По вѣрованію тунгусовъ, луна изъ любви къ дѣтямъ, береть ихъ живыми отъ родителей⁽²⁾. Одна монголка въ лѣтописи Алтанъ Тобчи⁽³⁾, говоритъ: „бывало, въ темную ночь, мѣсяцъ, въ видѣ мальчика, входитъ въ мою юрту, и она озаряется свѣтомъ; погладивъ животъ мой, онъ, выходя изъ юрты, превращался въ рыжую, лысую собаку, которая, облизываясь, выходила въ правую дверь. Соображая это, я думаю, что дѣти мои родились по опредѣленію неба,“ т.-е. прижиты съ мѣсяцемъ, посланнымъ небомъ.

Финская легенда говоритъ, что солнце, мѣсяцъ и звѣзды сватаются на прекрасной дѣвѣ *Киликки* за своихъ сыновей. Невѣста даетъ такие отвѣты: „не хочу я идти къ мѣсяцу, потому что лицо его постоянно измѣняется: то является узкимъ, то полнымъ и широкимъ. Ночью онъ въ движениіи, а днемъ отдыхаетъ, поэтому его хозяйство не устроено“. Солнцу невѣста отвѣчаетъ: „не хочу я идти къ солнцу, потому что оно походитъ на злаго человѣка: лѣтомъ мучить оно зноемъ, зимой же — холодомъ. Во время жатвы оно посыпаетъ продолжитель-

⁽¹⁾ Поразительно-сходно объясняетъ лунныя пятна древне-германскія міѳология: „луна взяла съ земли двухъ дѣтей, которые черпали воду изъ источника и несли на коромыслѣ ведро. — *Altdeutsche Religion, von Müller. 1844. s. 161.*

⁽²⁾ Georgi Bemerkungen einer Reis. im Russ. Reich. Th. 1, s. 276.

⁽³⁾ Записки Археолог. Общ. т. XIV. Алтанъ-Тобчи, стр. 5.

ные дожди, а при всходѣ хлѣба производить засуху.⁴ Благоприятный отвѣтъ получаетъ только звѣзда: „охотно пойду я къ звѣздѣ, потому что она добра; постоянно дома и прелестна въ своемъ отечествѣ, на плечахъ Большой Медвѣдицы, на спинѣ семизвѣздія⁽¹⁾.“

Лапландцы приписываютъ лунѣ вліяніе на зачатіе и рожденіе дѣтей⁽²⁾. Беременная женщина уподобляется у нихъ полной лунѣ; по лунѣ же предсказываютъ судьбу и качества ребенка. Если ближайшая къ лунѣ звѣзда надъ нею, то родится мальчикъ, если же звѣзда стоитъ подъ луною, — то дѣвочка. Если звѣзда предшествуетъ лунѣ, то дитя выростетъ высокимъ и здоровымъ, если же звѣзда находится позади луны, то ребенокъ будетъ слабый или вскорѣ послѣ рожденія умреть. Звѣзда, сопровождающая луну, исполняетъ у послѣдней должность слуги и вѣстника.

Солнце, луна и звѣзды представляются существами всезнающими, любящими правду и истину. Присягающей якутъ обращается къ солнцу и говоритъ: „если я присягнулъ несправедливо, то да лишить меня солнце свѣта и теплоты.“ Бураты и шаманисты и даже христіане призываютъ солнце въ свидѣтели своей невинности; они говорятъ: „видитъ солнце“, „видитъ Богъ и солнце.“ Тунгусы вѣрятъ, что солнце наблюдаетъ за поведеніемъ человѣка и наказываетъ его за худыя дѣла⁽³⁾.

Солнцу и лунѣ некоторые азіатскіе государи приписывали свое поставленіе на царство. Хуннускіе шаньюи, такъ обыкновенно начинали свои грамоты къ китайскому императору: „родденый небомъ и землею, поставленный солнцемъ и луною“⁽⁴⁾.

Луна имѣла еще то значеніе у среднеазіатскихъ народовъ,

⁽¹⁾ Kastren, Vorlesungen über d. fin. Mith. S. 54.

⁽²⁾ Eckermann, Religionsgeschichte B. IV, S. 166; Schefferi Lapponia, pag. 296.

⁽³⁾ Georgi, Bemerkungen. S. 275.

⁽⁴⁾ Исторія народовъ Средней Азіи. Іакиневъ, ч. I, стр. 28.

что служила указательницею времени имѣла вліяніе на дѣла людѣй. Народы тугу обыкновенно предъ полнолуніемъ производили набѣги и грабительства ⁽¹⁾. Монголы выступали въ походъ и начинали другія важныя дѣла иначе, какъ въ полнолуніе или пололуние ⁽²⁾. Хуны тоже предпринимали дѣла, сообразуясь съ положеніемъ луны и звѣздъ: въ полнолуніе шли на войну, при ущербѣ отступали ⁽³⁾.

Кромѣ того, луна имѣетъ вліяніе на нѣкоторыя нравственныя отправленія человѣка. Она посылаетъ людямъ, по мнѣнию тунгусовъ, вѣщіе, пророческіе сны ⁽⁴⁾.

Звѣзды—предметъ поклоненія всѣхъ шаманистовъ древнихъ и новыхъ. Древніе монголы особенно уважали и поклонялись созвѣздію *семи старцевъ*, или Большой Медвѣдицѣ; этому созвѣздію приносили въ жертву молоко, кумысъ и посвящали животныхъ. Монголы поклонялись также созвѣздію *девяти старцевъ*, что было, безъ сомнѣнія, причиною явившагося впослѣдствіи обожанія девяти тэнгріевъ, *югоzapадныхъ царей* ⁽⁵⁾. Девять большихъ звѣздъ и созвѣздіе Большой Медвѣдицы пользовались особыннмъ почитаніемъ у многихъ народовъ. Такъ напр. на о—вѣ Цейлонѣ десять звѣздъ считались до того сильными, что ихъ опредѣленія не могъ отмѣнить никакой богъ ⁽⁶⁾.

Особенное уваженіе самоѣды, лопари и финны чувствуютъ къ полярной звѣздѣ; древніе финны называли ее перломъ между всѣми звѣздами ⁽⁷⁾. Буряты и якуты съ особыннмъ благоговѣніемъ поклоняются планетѣ *солбонъ* (Венерѣ). Остяки, по

⁽¹⁾ Ibid. стр. 269.

⁽²⁾ Банзаровъ; Плано-Карпини, стр. 87.

⁽³⁾ Исторія Іакинеа, ч. I, стр. 16.

⁽⁴⁾ Georgi Bemerkungen, th. I, S. 275.

⁽⁵⁾ Черная Вѣра, стр. 73.

⁽⁶⁾ Stuhr Religionsgeschichte der Orients, B. I, S. 283.

⁽⁷⁾ Kastren Vorlesungen, S. 59.

словамъ Бѣлявскаго, обожаютъ и звѣзды, которая имъ служать путеводителями въ неизмѣримыхъ степяхъ (1).

Звѣзды, по понятію древнихъ и нынѣшнихъ монголовъ, имѣютъ власть доставлять людямъ здоровье и долголѣтіе, увеличивать ихъ богатства, умножать стада (2). Тунгусы вѣрятъ, что каждый человѣкъ имѣеть на небѣ свою звѣзду-покровительницу, оказывающую большое влияніе на судьбу его (3). На вѣрѣ въ это влияніе звѣздъ основывалось занятіе миѳологіей у древнихъ шаманистовъ. Такъ напр. татарскіе шаманы изучали положеніе и значеніе звѣздъ и предсказывали по нимъ будущее (4). Лапландцы, какъ уже сказано, по звѣздамъ предсказываютъ свойства, полъ, здоровье ребенка, находящагося въ утробѣ матери.

Ни одно изъ естественныхъ явлений, такъ не страшно для язычника, какъ затмѣніе солнца и луны. Причиною этого явленія всѣ язычники считаютъ темную силу, которая хочетъ погубить благодѣтельныя свѣтила. По индійскому вѣрованью, солнце и луну глотаетъ змѣй, по древне-немецкому — за свѣтилами гонятся и стараются проглотить ихъ два волка. Китайцы говорятъ, что на солнце и луну нападаетъ драконъ. Во время затмѣнія, съ цѣлью испугать чудовище, овладѣвшее свѣтиломъ, язычники производятъ крикъ, стукъ, шумъ. Гренландцы при лунномъ затмѣніи выносятъ на крышу дома огонь. Африканскіе Мавры бѣгаютъ, стрѣляютъ въ солнце изъ ружей, кричатъ на чудовище, которое, по ихъ словамъ, „хотѣть пожрать свѣтило дня“ (5).

Буддійскій миѳъ, принятый отчасти и монголами-шаманистами, такъ разсказываетъ о затмѣніи. *Rаха*, одинъ изъ злыхъ

(1) Путешествіе къ Ледовитому морю, стр. 102.

(2) Черная Вѣра, стр. 73.

(3) Georgi Bemerkungen, th. I, S. 276.

(4) Сибирскій Вѣстникъ, 1824 г., кн. IV, стр. 246.

(5) Jacob Grimm. Deutsche Mithologie, S. 669, 670.

духовъ, однажды хлѣбнуль украдкой *расаяны*, блаженного напитка небожителей, но былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія солнцемъ и луною. Поступокъ Рахи былъ доведенъ до свѣдѣнія Вишну. Чародерjeцъ однимъ взмахомъ своего страшного оружія отсѣкъ голову дерзскому святотатцу. Пылая mestio къ солнцу и лунѣ, Раха старается проглотить свѣтила и тѣмъ производить затмѣнія. Съ цѣлью испугать Раху и отогнать его отъ свѣтила, монголы производятъ страшную кутерьму. „Представьте себѣ, говоритъ очевидецъ, крикъ и вой во все горло болѣе 800 дикарей, при громѣ, визгѣ и пискѣ отвратительной музыки, бѣснующихся на пространствѣ какихъ-нибудь двухъ верстъ; прибавьте къ этому пальбу изъ ружей, стрѣльбу изъ луковъ, бросанье къ небу копій, топоровъ, ножей и палокъ, лай собакъ, ржанье коней, мычанье коровъ, блеянье овецъ, какъ бы дополнявшихъ тысячами голосовъ оглушительный оркестръ неистовыхъ хозяевъ,—наконецъ, паль,пущенный старухами, которые кидали головнями въ страшнаго Раху (1).

Буряты-шаманисты объясняютъ затмѣніе еще тѣмъ, что какой-то огромный ракъ старается съѣсть свѣтила. Камчадалы, по словамъ Крашенинникова, не знаютъ причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній; но когда они случатся, то выносятъ на крышу огонь и приказываютъ свѣтилу сіять по прежнему. Миѳическія сказанія о затмѣніяхъ у остальныхъ шаманистовъ почти тѣ же самыя, какъ и приведенные выше.

Утренняя и вечерняя заря, вѣтеръ, дождь, туманъ; все это считается у шаманистовъ или божествами или дѣйствіями, произведеніями ихъ. Въ настоящее время впрочемъ эти божества замѣнены духами и почти не сохранилось сказаній о нихъ, какъ о божествахъ самостоятельныхъ; поэтому мы будемъ говорить о нихъ въ отдѣлѣ о богахъ.

Земля и вода.

За небомъ, въ ряду шаманскихъ божествъ, слѣдуетъ земля.

(1) Амуръ 1860 г. № 7, стр. 99 и 101.

Народы Азии, въ периодъ своего младенчества, почитали землю благодѣтельнымъ божествомъ и представляли ее подъ образомъ милосердой матери, дающей бытіе и пропитаніе всѣмъ живущимъ на ней существамъ. Народы хунну и тугу, по словамъ китайскихъ лѣтописей, приносили жертвы земли (¹). Монголы издавна боготворили землю; они олицетворяли ее въ богинѣ Этугэнѣ, которую называли владычицей природы. Ей приносили въ жертву молоко, кумысъ и чай, умоляли о плодородіи, боялись и благоговѣли передъ ней, называя, въ знакъ производительности и сокровищъ ея, золотою (²). Это обожаніе сохранилось до сихъ поръ между монголо-бурятами, которые приносятъ ей жертвы и называютъ ее „мать“, „мать протяженная земля.“ Землю монголы олицетворяютъ въ богинѣ Этугэнѣ, которая представляется преклонною старухою и живеть во внутренности земли. Вотъ что разсказываетъ обѣ этой богинѣ одна бурятская легенда (³): „Разъ три брата охотились вмѣстѣ, и нашли въ Болхонской горѣ (Иркут. губ. Идинскаго вѣдомства) отверстіе, дна котораго не было видно. Они рѣшились изслѣдоватъ это подземелье и спустили въ него старшаго брата Мадая. Онъ очутился въ подземной пещерѣ и примѣтилъ въ стѣнѣ ея дверь, черезъ которую Мадай вошелъ въ великолѣпную комнату, облитую яркимъ свѣтомъ. Около стѣнъ этой комнаты стояли не закрытые сундуки, полные золота и серебра; по срединѣ было возвышеніе, на которомъ лежала старуха, Мать Земли. Послѣ усерднаго ей моленія, Мадай набралъ сколько могъ золота, подалъ братьямъ условный знакъ и былъ поднятъ. Желая приобрѣсть себѣ и доставить братьямъ богатство, онъ нѣсколько разъ спускался въ подземелье и возвращался съ грудой золота. Но корыстолюбивые его братья захотѣли одни завладѣть золотомъ и, обрубивши веревку, на ко-

(¹) Чернан Вѣра; стр. 75.

(²) Ibid.; стр. 75—77.

(³) Иркутск. Губерн. Вѣдомости 1857 г., № 8, стр. 4.

торой спускался Мадай, ушли домой. Мадай, брошенный въ подземельѣ, считалъ себя погибшимъ; три дня и три ночи провелъ онъ въ молитвѣ и такъ изнурился, что упавъ, не имѣлъ силы подняться. Вдругъ камень, на которомъ онъ лежалъ, сталъ пошевеливаться, потомъ двигаться по направленію къ отверстію и скоро вынесъ Мадая изъ пещеры.¹ Эта легенда показываетъ, что богиня Этугэнъ владѣеть сокровищами земли, покровительствуетъ несчастнымъ, любить добрыхъ и поклоняющихся ей. Земля, по вѣрованію тунгусовъ, божество благодѣтельное, по дающее человѣку всякія блага (¹). Народы финскаго племени также обожаютъ землю. Древніе финны поклонялись ей и называли ее „мать-земля.“ Финны также, какъ и монголы, олицетворяли землю въ богинѣ ея — „матери земли,“ „хозайкѣ земли.“ Ганандеръ разсказываетъ, что древніе финны считали мать-земли сильною богиней и просили ее о дарованіи людямъ силы и крѣпости: „поднимись изъ земли, Мать-Земля, и даруй мнѣ силу и крѣпость!“ Въ Калевалѣ, мать земли призывается вмѣстѣ съ другими божествами послѣдить на помощь угнетеннымъ (Rune X, Vers 217). Въ другомъ мѣстѣ той же поэмы, ее молятъ сообщить земль питательную силу, при чёмъ молящій обращается и къ самой землѣ: „Древняя, живущая подъ нами, мать земли, хозяйка земли, ускори растеніе травы, побуди къ тому землю! Встань, земля, отъ сна, очнись отъ дремоты, поле; произрашай полнѣе и выше стебли, заставь тысячи колосьевъ подняться и пустить сотни вѣтвей, на моихъ пашняхъ, на моихъ посѣвахъ (²)!“

Финской *Маа-еммь* соответствуетъ лопарская *Мадеракка* и эстонская *Маа-Эмма*. Послѣдняя заботится не только о плодоносіи земли, но и о плодородіи женщинъ (³). Самоѣды почита-

(¹) Georgi. Bemerkungen eines Reis. S. 276.

(²) Rune II, V. 301; Kastren's Vorlesungen S. 86—88.

(³) Ibid, S. 89.

ютъ землю въ олицетворенномъ геніи ея, носящемъ название „пупа земли (1)“.

Какъ отъ обожанія неба вообще, шаманистъ перешелъ къ обожанію частей его — свѣтиль, такъ и поклоняясь землѣ вообще, онъ обожаетъ ея частности — воды, горы, лѣса, скалы, острова. Въ настоящее время весьма немногіе шаманисты считаютъ эти предметы самостоятельными, личными божествами, а только — мѣстами пребыванія духовъ. Но личность многихъ изъ послѣднихъ до того еще не выяснена, что они известны только по имени и понятіе о нихъ сливаются съ понятіемъ объ упомянутыхъ предметахъ. Другіе же духи „владѣтели“ лѣса, водъ и т. п. отчетливо представляются шаманистами существами живыми, дѣйствующими и совершенно отдѣльными отъ предметовъ. О первыхъ духахъ мы будемъ говорить здѣсь, а о послѣднихъ — въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Горы и скалы почитались народами Азіи, и въ томъ числѣ монголами, съ глубокой древности; изъ китайскихъ лѣтописей видно, что жертвоприношеніе и поклоненіе горамъ, было обыкновеннымъ дѣломъ у азіатскихъ государей. „Сынъ неба принесъ жертву горѣ,“ „сынъ неба отправился для жертвоприношенія горѣ,“ — вотъ обыкновенные выраженія объ этомъ почитаніи китайскихъ лѣтописей (2). Древніе Монголы поклонялись и дѣлали возліяніе кумыса многимъ горамъ и скаламъ, напр. *Бурханъ-Халдану*, горѣ, около которой кочевали предки *Чингиса*, *Мона-Хану*, *Гэктэй Хуну* и другимъ (3). Нынѣ монголо-буряты поклоняются и присягаютъ передъ одною скалою на байкальскомъ островѣ Ольхонѣ, на которой, по преданію, лежитъ одинъ изъ котловъ Чингисъ-хана. При истокѣ Ангары изъ Байкала изъ воды возвышается скала, известная подъ именемъ *шаманскаю камня*. Этому камню буряты поклоняются

(1) Письма Кастрена въ Соврем. 1845 г. № 7, стр. 61.

(2) Исторія народовъ Средн. Азіи, ч. I, стр. 464 и друг.

(3) Черная вѣра, стр. 82.

до нынѣ и присягають на немъ. Подозрѣваемаго въ преступлѣніи бурата, сажаютъ въ легкій стружѣкъ и одного отправляютъ къ камню, около котораго шумитъ и бурлитъ, разбивая о него свои волны, необыкновенно быстрая въ этомъ мѣстѣ Ангара. На этомъ камнѣ подозрѣваемый долженъ присягнуть въ своей невинности, и если онъ невредимо вернется на берегъ, то признается совершенно невиноватымъ. На этомъ камнѣ живеть душа знаменитаго шамана *Мунуту Зарина* (¹).

Камчадалы, курильцы и алеуты имѣютъ много священныхъ горъ и скалъ. Такъ обѣ островѣ Алаидѣ, состоящемъ изъ одной только горы, курильцы имѣютъ слѣдующую легенду: эта гора стояла прежде посреди озера, но такъ какъ она была выше прочихъ горъ и отнимала у нихъ свѣтъ, то между ними были частыя ссоры, во избѣжаніе которыхъ Алаидѣ удалилась отъ горъ и стала въ уединеніи на морѣ. Въ память же своего пребыванія на прежнемъ мѣстѣ, она оставила тамъ свое сердце,— это конической формы камень, возвышающійся посреди озера (²). Обѣ одной священной горѣ, имѣющей видъ членка, камчадалы рассказываютъ, что богъ Кутху, въ бытность свою въ Камчаткѣ, ъздилъ на этомъ членокѣ по морю и озерамъ для ловли рыбы. Эту гору камчадалы такъ уважаютъ, что боятся подходить къ ней (³). Огнедышащія горы (сонки), которыхъ такъ много въ Камчаткѣ, пользуются особыеннымъ уваженіемъ и внушаютъ туземцамъ благоговѣйный страхъ (⁴).

Кромѣ горъ и скалъ, шаманисты почитаютъ небольшіе камни, почему нибудь замѣчательные. Нѣкоторыя сибирскія племена имѣютъ обыкновеніе носить съ собою маленькие камешки, считая ихъ божествами. Каменные сейды, идолы лопарей, обыкновенно состоять изъ грубыхъ и необдѣланныхъ камней, которые

(¹) См. о немъ въ слѣд. отдѣлѣ.

(²) Крашенинникова описаніе Камчатки ч. I, стр. 108.

(³) Ibid. стр. 68.

(⁴) Ibid. ч. II, стр. 177.

лопари вытаскиваютъ изъ воды. Гегстремъ говоритьъ⁽¹⁾, что онъ не замѣтилъ въ каменныхъ сейдахъ никакого подобія человѣка или животныхъ, они, впрочемъ, имѣютъ необыкновенный видъ и представляютъ собою шероховатые и негладкіе камни. Кастренъ имѣлъ случай видѣть нѣсколько древнихъ каменныхъ сейдъ и говорить, что онъ состоять изъ обыкновенныхъ камней, только въ формациіи ихъ есть что-то особенное⁽²⁾. Древніе финны поклонялись и камнямъ. Божество моря имѣло свое сѣдище на пестромъ камнѣ, на днѣ моря⁽³⁾. На одномъ холмѣ сѣверной Финляндіи лежитъ плоскій камень, обтесанный на подобіе стола. До сихъ поръ холмъ этотъ внушаетъ туземцамъ страхъ и ни одинъ входившій на него, говорятъ финны, не спускался здоровымъ⁽⁴⁾.—Буряты также покланяются до сихъ поръ необыкновеннымъ по чѣму нибудь камнямъ, считая ихъ спустившимися съ неба. Около г. Балаганска (иркутск. губ.) лежитъ огромный бѣлый камень, которому буряты приносятъ жертвы, особенно во время засухи, и утверждаютъ, что во время жертвоприношенія или вскорѣ послѣ него бываетъ дождь. Этотъ камень, говорить легенда, спустился съ неба на одну гору, потомъ перешелъ къ югу, въ Харгапайскій улусъ; Харгапайскіе буряты тотчасъ принесли ему жертву, но она, вѣроятно, не была принята, и камень снова перешелъ къ сѣверу, гдѣ лежитъ и нынѣ.

Лѣса, рощи и деревья считаются также божествами или, по крайней мѣрѣ, священными мѣстопребываніями духовъ. Эти рощи известны у бурятъ Иркутской губерніи, какъ жилища *бумалъ бурхановъ*,—т. е. „сошедшихъ (съ неба) божествъ“. Въ 15 верстахъ отъ Баендаевской станціи по обѣимъ сторонамъ

⁽¹⁾ Reskrifaing ofver de til. Sver krona lydand Lapmark. стр. 182., Kastren Vorlesungen.

⁽²⁾ Этногр. Сборн. вып. IV.

⁽³⁾ Vorlesungen üb. finn. Meth. S. 200.

⁽⁴⁾ Religionsgeschichte von Eckermann, B. IV, S. 120.

дороги, есть двѣ такихъ рощи. Буряты говорятъ, что *бумалъ-бурханъ* благоволилъ избрать ихъ своимъ жилищемъ. Вообще, между бурятами кудинского и верхоленского вѣдомствъ, сильно распространена вѣра въ *бумалъ-бурхановъ* и ихъ рощи. Прѣзжая мимо ихъ, бурятъ останавливаетъ лошадь, закуриваетъ трубку и поднимаетъ ее вверхъ, принося табачную жертву богу рощи; этотъ обрядъ называется: *поднять табакъ вверхъ (табахи дэши бариху)* Бумаль-бурханамъ приносятся общественные и частные жертвы; во время засухи ихъ просятъ о дождѣ, а во время продолжительного ненастя о ведрѣ. Дурная погода бываетъ оттого, что мимо этихъ мѣсть проходить какая нибудь женщина и, какъ существо нечистое, оскверняетъ ихъ. Поэтому бурятки всегда обходятъ и обѣзжаютъ рощи *бумаль-бурхановъ*. — Буряты и монголы поклоняются и деревьямъ. Такъ на вершинѣ высочайшей изъ байкальскихъ горъ, *Хамардабанъ* стоятъ три березы, которыми єдущіе мимо буряты поклоняются и приносятъ жертвы. Березы и пихты особенно уважаются бурятами. Священная палочка *эсодо*, необходимая шаману при жертвоприношеніяхъ, дѣлается изъ березы. На священное значение этого дерева указываетъ слѣдующая легенда сибирскихъ туземцевъ и въ частности монголовъ: „въ Сибири прежде не было березъ, и никто не зналъ—что это за дерево. Незадолго до прихода русскихъ, появилось въ Сибири бѣлое дерево (береза); тогда шаманы предсказали народу, что его покорить бѣлый царь.“ — На священное значение пихты и вереса указываютъ слова одной, имѣющейся у меня шаманской пѣсни: „изъ деревьевъ лѣсныхъ лишь отъ пихтоваго дерева, и отъ вереса идетъ священный дымъ“. Кромѣ этихъ, всѣми шаманистами почитаются еще тѣ деревья, на которыхъ развѣшиваются шкуры жертвенныхъ животныхъ. Еще Калевала разсказываетъ о Венемейненѣ, что онъ, убивъ медвѣдя, привезъ его домой. Во время пира, голову медвѣдя повѣсили на дерево и Венемейненъ пожелалъ, чтобы такими удовольствіями впредь

ублажалась Финляндія ⁽¹⁾. Въ Калевалѣ упоминается одинъ дубъ, который носилъ название *божъяго дерева* ⁽²⁾. Финны и до вынѣ еще питаютъ къ нѣкоторымъ деревьямъ какое-то особенное уваженіе, такъ что неохотно срубаютъ ихъ, напр. такъ называемое *дерево лышаю*, т. е. сосну безъ смолы, *пень лышаю*, т. е. пень съ молодымъ отросткомъ ⁽³⁾.

У остальныхъ шаманистовъ у всѣхъ безъ исключенія есть священные рощи и деревья. Камчадалы почитаютъ напр. пихтовый лѣсь, растущій по берегу р. Шемеча, не смѣютъ не только рубить, но и прикасаться къ нему, подъ опасеніемъ смерти. Этотъ лѣсь выросъ, по преданію, надъ тѣлами камчадаловъ, которые во время одного похода, питались листваничною корою и умерли съ голода ⁽⁴⁾—чуваши и черемисы называютъ свои священные рощи *кереметь*, здѣсь приносять жертвы злымъ духамъ. Прежде у каждой чувашской деревни была своя кереметь, въ многолюдныхъ же селахъ было ихъ по двѣ, по три и болѣе ⁽⁵⁾. Женщины ни подъ какимъ видомъ не смѣютъ входить въ эти рощи ⁽⁶⁾.

Вмѣстѣ съ горами и лѣсами въ шаманской миѳологіи стоитъ еще стихійное божество — вода. Всѣ шаманисты боготворятъ эту стихію, молятся ей и приносятъ жертвы. Клокочущая поверхность моря, спокойные волны рѣки, шумный водопадъ, зеркальное озеро, цѣлебный ручей — все это поражаетъ дѣтски-поэтическое чувство дикаря, наполняетъ его сердце страхомъ и благоговѣніемъ къ бурной и въ тоже время прекрасной и полезной стихіи.

Монголы покланяются многимъ рѣкамъ; одна рукопись пред-

⁽¹⁾ Kalevala, rune. XLVI, vers. 585.

⁽²⁾ Ibid. Rune II, Vers 50.

⁽³⁾ Этнографич. Сборникъ, вып. IV, стр. 252.

⁽⁴⁾ Крашенинникова опис. Камчатки, ч. I, стр. 44.

⁽⁵⁾ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1851 г., ч. XXXVI, стр. 409.

⁽⁶⁾ Georgi Bemerkungen ein. Reis. im Russland. S. 846.

писываетъ имъ дѣлать возліянія изъ кумыса слѣдующимъ рѣкамъ: Онону, Селенгѣ, Кэрэлэну, Желтой рѣкѣ и другимъ ⁽¹⁾. Кромѣ рѣкъ, монголы большія озера, напр. Байкалъ, Гузакуль, и воду ихъ, считаютъ святою и цѣлебною. Монгольскіе курьи, почти каждый годъ прѣезжающіе въ Иркутскъ, берутъ изъ Байкала воду и увозятъ съ собою въ Монголію. Воду оз. Гузакула, пограничные буряты также употребляютъ вмѣсто лекарства, отъ боли въ животѣ ⁽²⁾. Нѣкоторыя рѣчки и ручьи, по мнѣнію бурята, могутъ производить дожди. Около крѣпости Тунки (Иркутской губ.), есть ручей *Аршанб-усунъ*. Стѣпть побывать у него, и на другой день начинается ненастье; оттого во время сѣнокоса никто не смѣеть приближаться къ этому ручью ⁽³⁾. Минеральные источники пользуются особыннымъ уваженіемъ шаманистовъ; нынѣшніе буряты считаютъ ихъ мѣстами пребыванія *бумалб-бурхана*. Въ Идинскомъ вѣдомствѣ, Шаралдайскомъ родѣ, былъ одинъ источникъ, водою которого лечили глазныя болѣзни. Но лѣтъ тридцать назадъ, онъ скрылся и вышелъ изъ-подъ земли съ совершенно противопожной стороны. Скрылся же онъ потому, говорять буряты, что оскверненъ одной женщиной развратнаго поведенія, которая, будучи больна глазами, умылась въ этомъ ручье и перешагнула черезъ самыи истокъ. Въ маѣ мѣсяцѣ около источника приносится общественная жертва *бумаль-бурхану*. Отправляясь на минеральныя воды, буряты берутъ съ собою вина, мяса, сметаны, вереса и пихтовой коры. Всякій буряты долженъ у истока минеральнаго ручья привязать какой-нибудь лоскутокъ, потомъ брызгать въ ручей виномъ, а когда сварится мясо, то бросить кусокъ самаго жирнаго мяса въ воду и три ложки сметаны въ огонь. По совершении этихъ жертвъ, начинается пирушка.

Точно такъ же какъ буряты, поклоняются водѣ и всѣ дру-

⁽¹⁾ Черная Вѣра. Банзарова, стр. 82.

⁽²⁾ Щукина. Шаманство у народовъ Сѣв. Аз. ст. I, стр. 38.

⁽³⁾ Ibid. стр. 39.

гие шаманисты. Вотяки приносятъ ей въ жертву козу и пѣтуха (¹); остяки и многія племена самоѣдовъ особенно почитаютъ р. Обь и приносятъ ей въ жертву оленей; татары южной Сибири имѣютъ обыкновеніе бросать въ воду передъ прішествіемъ или обѣдомъ кусокъ мяса или другой пищи. Финны, эсты и лопари, почитали и почитаютъ воду. Многія рѣки и озера въ Финляндіи еще до нынѣ называются — *св. озеро, святая рѣка, святая вода*. По вѣрованію всѣхъ шаманистовъ, вода, — какъ божество чистое и святое, не терпитъ пчего не чистаго и преступнаго. По словамъ бурятовъ, *святое море Байкалъ*, выбрасываетъ изъ себя всѣ нечистоты; нѣкоторые ручьи, почитаемые шаманистами, производятъ грозу и ненастье, если въ нихъбросить какую-нибудь нечистоту (²); другія воды скрываются изъ за этого, удаляются отъ людей. Вотъ что разсказываетъ одна эстонская легенда о священномъ озерь *Еймѣ*. На берегу его жили дикие, злые люди; они не косили луговъ, которые орошало озеро, не засѣвали полей, которыя оно оплодотворяло, — они только разбойничали, убивали, и кровь убитыхъ мутала свѣтлымъ волнамъ озера. Озеро оскорбилось этимъ. Однажды вечеромъ оно собрало всѣхъ своихъ рыбъ и вмѣстѣ съ ними поднялось на воздухъ. Когда разбойники услышали шумъ, то закричали: „Еймъ поднялось и оставило намъ свои сокровища и рыбу!“ но рыбы поднялись вмѣстѣ съ озеромъ и на сухомъ днѣ его не наплосъ ничего, кромѣ змѣй, ящерицъ и жабъ, которые вышли на берегъ и поселились въ сосѣдствѣ разбойниковъ. Еймъ же поднималось все выше и подобно бѣлому облаку летало въ воздухѣ. Цѣлую ночь висѣло оно надъ землею, поутру жецы увидѣли, какъ оно стало опускаться... Наконецъ, оно спустилось на новое мѣсто. Жители устроили его русло, сдѣлали плотины, по берегамъ насадили деревьевъ. Озе-

(¹) Georgi Beschreibung all. russisch. Nation. S. 62.

(²) Iac. Grimm. Deutsche Mithologie, S. 565.

ро оплодотворило страну; пашни зеленѣли, и жители плясали вокругъ озера; даже старики сдѣлались юношески веселыми (¹).

Происхождение мира и человѣка.

Небо считается шаманистами *отцомъ мира*, а земля — *матерью мира*. „Отецъ, плѣшивое небо, мать, — протяженная земля!“ часто слышится въ молитвахъ бурятскихъ шамановъ. „Отецъ и мать всѣхъ вещей“, — говорить китайская религія — „небо и земля“ (²). Представляя небо мужскимъ, оплодотворяющимъ, а землю женскимъ, оплодотворяемымъ началомъ, шаманисты вѣрили нѣкогда, что отъ нихъ произошла вселенная. Хотя мы мало знаемъ объ этомъ вѣрованіи, однакожь можемъ догадываться — въ чёмъ оно состояло, по намекамъ нѣкоторыхъ молитвъ и заклинаній шаманскихъ. Изъ монгольской молитвы къ огню видно, что небо и земля были нѣкогда слиты, т.-е. составляли хаосъ. Неизвѣстно отъ какихъ причинъ произошло отдѣленіе неба отъ земли, что и дало бытіе огню и, по всей вѣроятности, прочимъ вещамъ. Кромѣ монголовъ это вѣрованіе въ первобытный хаосъ и отдѣленіе неба отъ земли сохранили камчадалы. Кутху, говорить ихъ миѳологія, *снесъ землю съ неба*, т.-е. отдѣлилъ отъ него, и утвердилъ на морѣ (³). Гораздо опредѣленнѣе говорить японская сага:“ въ началѣ небо и земля были слиты; было только мужское и женское начало; ни одно изъ нихъ не произошло изъ другаго. Въ хаосѣ, имѣвшемъ видъ яйца были сѣмена всѣхъ вещей. Чистыя и свѣтлые частицы поднялись вверхъ и образовали небо, а тяжелыя и темныя опустились внизъ и образовали землю (⁴).

Съ паденiemъ фетишизма, мнѣніе шаманистовъ о происхож-

(¹) Ibid. стр. 566.

(²) Le Chou-King, pag. 150.

(³) Крашенинникова, Опис. Камчатки.

(⁴) Migne, Dictionnaire des toutes religions, том. IV, p. 1181.

деніи міра отъ союза неба и земли уступило мѣсто върованію въ сътвореніе его тѣми богами, которые замѣнили собою небо и землю, какъ божества. Дошедшія до насъ легенды объ этомъ сътвореніи хотя и носятъ на себѣ слѣды библейскаго вліянія, однакожъ въ нихъ преобладаетъ элементъ шаманско-міѳическій. Важную роль здѣсь играетъ у однихъ народовъ *птица*, у другихъ *яйцо*, понятія очевидно родственныя, а у некоторыхъ — огонь. Приведемъ эти легенды.

Бурятская (¹). Въ началѣ было одно безпредѣльное море, на днѣ котораго лежали черноземъ и глина. Захотѣвши сътворить міръ, Богъ велѣлъ бѣлой гагарѣ нырнуть и достать глину со дна океана. Нырнувъ, гагара вынесла на носу красную глину и черноземъ. Она разбросала ихъ во всѣ стороны, отчего образовалась земная поверхность и начала производить всѣ роды растеній. Такъ-какъ земля лежитъ на поверхности моря, то ее поддерживаетъ на своемъ боку огромная рыба (²). Имѣя на себѣ такую тяжесть, рыба иногда поворачивается съ боку-на-бокъ: вотъ причина землетрясений.

По финскому эпосу вначалѣ ничего не было, кроме моря. Но орелъ, прилетѣвшій изъ Туріи, свилъ гнѣздо на колѣнахъ Вейнемайнена и положилъ въ него семь яицъ. Вейнемайненъ, почувствовавъ теплоту, пошевелился, — яйца упали на дно моря и разбились; изъ ихъ обломковъ Вейнемайненъ сътворилъ небо, землю, солнце, мѣсяцъ и звѣзды. При этомъ онъ говорилъ: „изъ нижней половины яйца да будетъ кора земная, изъ верхней половины — высокое небо, бѣлокъ да блеститъ на небѣ солнцемъ, желтокъ сіяетъ прелатною луною! Изъ остальныхъ частей яйца да будутъ небесныя звѣзды!“ (³).

Мысль о сътвореніи земли и неба отъ птицы или изъ

(¹) Записана въ Иркутскѣ, отъ Н. С. Болдоноva.

(²) Т.-е. *китъ*, по бурятски *экэ джшасунъ* — огромная рыба.

(³) *Kalevala alte, Rune I, V. 306 — 315. Kastren's Vorlesungen, S. 289.*

яйца, была еще у древнихъ восточныхъ народовъ. По древне-индійскому сказанию, Богъ сотворилъ воды и положилъ въ нихъ слья, изъ котораго вышло яйцо, блестащее, какъ солнце. Въ этомъ яйцѣ возродилось высочайшее существо подъ формою брамы. По истеченіи года, Богъ раздѣлилъ яйцо на двѣ части, изъ которыхъ сотворилъ небо и землю (¹). По ассирийско-аввилонскому миѳу, въ началѣ положено было въ Ефратъ яйцо неба, рыба выбросила его на берегъ, голубь высадѣлъ это яйцо и изъ него началъ рождаться міръ. Основаніемъ всѣмъ этимъ миѳамъ, можетъ быть, служило представленіе міра существомъ живымъ, которое по этому должно было родиться изъ яйца.

Но не всѣ народы вѣровали въ происхожденіе міра изъ яйца или отъ птицы, нѣкоторые приписываютъ происхожденіе вселенной, дѣйствію огня или молніи. Такъ по египетской миѳологии супруга *Фты* (неба) *Кабира* произвела землю изъ ила и тины, бывшей въ первоначальной водѣ, а Фта оживотворилъ земную глыбу огнемъ жизни (²). У Карпатскихъ руссовъ есть сказаніе, что свѣтъ творилъ царь-огонь вмѣстѣ съ царицей-водой. Подобнымъ же образомъ объясняютъ твореніе и Забайкальские тунгусы.

Все пространство, занимаемое теперь землею, первоначально было покрыто водою. *Буга* (Богъ) послалъ на эту воду огонь, который сожегъ часть ея. Послѣ этого образовалась твердь, явилась земля, море и другія водныя вмѣстилицы. Затѣмъ Буга произвелъ свѣтъ и отдѣлилъ его отъ тьмы. Но сошедшіи на землю, онъ встрѣтился съ *Бунинкою* (сатаною), который присвоивалъ твореніе міра себѣ. Стали они спорить. Буга истребилъ Бунинку, но не совсѣмъ. Послѣдній, желая отомстить Бугу, испортилъ сдѣланныя имъ двѣнадцати-струнныя

(¹) Lois de Manou, въ Livres sacr. de l'Orient, trad. par Pauthier, page 333, 334.

(²) Rinek. Religion d. Hellen. I, S. 66, 67.

гусли. Разгневанный Буга согласился признать могущество Бунинки только въ томъ случаѣ, если онъ велить вырости изъ озера соснѣ; если же это сдѣлаеть Буга, то Бунинка долженъ признать его могущество. Послѣ обоюдного согласія, Буга вѣль вырости изъ озера соснѣ, и она прекрасно выросла; Бунинкина же сосна не могла стоять прямо и постоянно качалась. Сатана призналъ тогда превосходство и могущество Буги и послѣдній, въ наказаніе Бунинкѣ, превратилъ черепъ его въ желѣзный. Чувствуя отъ этого нестерпимую боль, демонъ просилъ Бугу снять наказаніе; Буга исполнилъ его просьбу, только запретилъ ему вредить сотворенному тогда человѣку⁽¹⁾.

Верховный духъ, говорить древнеяпонскій миѳъ, возникшій изъ первобытнаго хаоса, водворился на высотахъ небесъ и успокоился въ своемъ величіи. Потомъ явились два духа съ творческою силою, и началось небесное мірозданіе, но земля оставалась еще въ хаосѣ. Послѣдній изъ семи духовъ, управлявшихъ преемственно міромъ, вступилъ въ бракъ. Однажды онъ сказалъ своей женѣ: „надо же гдѣ нибудь быть обитающей землѣ, поищемъ ее въ водахъ, кипящихъ подъ нами.“ Онъ погрузилъ въ воды копье, осыпанное дорогими каменьями, и когда вынулъ его, то скатившіяся съ него капли сгустились и образовали величайшій изъ 8 острововъ, составившихъ потомъ міръ⁽²⁾.

Чувствуя зависимость человѣка отъ природы, сознавая тѣсную связь между ними,— первобытные люди выразили это понятіе объ отношеніи человѣка къ природѣ въ легендахъ о сотвореніи міра. Эдда всю природу создаетъ изъ трупа убитаго великана Имира: изъ крови—моря и всѣ воды, изъ тѣла—землю, изъ костей—горы, изъ зубовъ—утесы и скалы, изъ че-ре-па—небо, изъ мозга—облака, изъ бровей—вселенную⁽³⁾.

⁽¹⁾ Сибирскій Вѣстникъ 1822 г. ч. XIX, стр. 33.

⁽²⁾ Японія, въ Современникѣ т. XXXV.

⁽³⁾ Буслаева о вліяніи Христ. на славян. языки, стр. 77.

Нѣкоторые камчадалы говорять, что Кутху сотворилъ міръ изъ тѣла своего сына (1).

Древнихъ шаманскихъ преданій о сотвореніи человѣка въ настоящее время отыскать весьма трудно. Изъ известныхъ намъ легендъ, обѣ этомъ самая древняя — тунгусская. „Намѣреваясь сотворить человѣка, Буга принесъ отъ востока желѣзо, отъ юга — огонь, отъ запада — воду, отъ сѣвера — землю, и сотворилъ мужа и жену. Мясо и кости онъ создалъ изъ земли, сердце изъ желѣза, кровь изъ воды, а теплоту изъ огня“ (2).

Въ этомъ сказаніи видѣнъ осколокъ общаго сѣвернаго и многимъ изъ южныхъ народовъ миѳа о сотвореніи тѣла человѣка изъ различныхъ частей міра. Приведемъ здѣсь сказаніе древне-русской легенды: „отъ осми частей Адамъ сотворенъ бысть,—отъ земли—тѣло, отъ моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облакъ—мысли, отъ камени—кости, отъ вѣтра—дыханіе, отъ огня—плотъ“ (3).

Бурятское сказаніе о сотвореніи человѣка составлено изъ библейского. „Богъ, сотворивши человѣка, положилъ его въ свѣтлой комнатѣ, а самъ поднялся на небо за душою. Стражемъ у дверей упомянутой комнаты Богъ поставилъ собаку, которая была сотворена голою, между тѣмъ какъ человѣкъ — мохнатымъ. Пришелъ дьяволъ и сталъ просить собаку — впустить его къ человѣку; но она была вѣрна повелѣнію Бога — никого не впускать. Тогда, по волѣ дьявола поднялась ужасная буря и устрашенная ею собака, оставила свой постъ. Дьяволъ вошелъ и наплевалъ на тѣло человѣка, вслѣдствіе чего оно лишилось волосъ и сдѣлалось смертнымъ. Собаку же Богъ наказалъ, покрывъ её перстью“ (4).

Подобное же сказаніе въ ходу между русскими крестьянами.

(1) Крашенинникова, Опис. Камчатки. ч. III, стр. 71.

(2) Сибирскій Вѣстникъ 1822 г. ч. XIX, стр. 34.

(3) Буслаева: Прибавл. къ Ск. Русс. Нар. Сахарова, стр. 34.

(4) Записана въ г. Балаганскѣ Иркутской губерніи.

ми и черемисами Казанской губерніи. „Юма, — говорять по-
следние, — сътворивъ тѣло человѣка, пошелъ въ другое мѣсто
для сътворенія души, и велѣлъ псу караулить тѣло. Кереметь
не замедлилъ явиться у тѣла; чтобы склонить на свою сторону
караулившаго пса, онъ произвелъ такой холодъ, что песъ чутъ
не замерзъ, а когда кереметь далъ ему шерсть, то онъ изъ
благодарности допустилъ его къ тѣлу. Кереметь охаркалъ его,
чѣмъ и положилъ въ немъ зачатокъ всѣхъ болѣзней“ (1).

Здѣсь считаемъ не лишнимъ привести нѣкоторыя шаманская
легенды о потопѣ, о происхожденіи народовъ, о кончинѣ міра.
Всѣ эти легенды носятъ на себѣ ясные слѣды библейскаго
вліянія, но при всемъ томъ въ нихъ много чисто народной,
шаманской фантазіи. Вотъ что рассказываютъ, напр., буряты
Иркутской губерніи о потопѣ: „когда въ древности народъ
сильно размножился и грѣшилъ, Богъ захотѣлъ погубить этихъ
грѣшниковъ потопомъ, оставивъ одного праведнаго человѣка
для продолженія рода человѣческаго послѣ потопа. Спустился
Богъ на землю и нашелъ здѣсь праведнымъ одного только
Ноя, велѣлъ ему строить судно. Когда Ной выстроилъ, по-
шелъ дождь. Животныя по парѣ изъ каждого рода вошли въ
судно Ноя по одному его свисту. Вода поднималась выше и
выше, люди и животныя начали тонуть. Корабль Ноа поплылъ.
Дьяволъ превратился въ морскую мышь, которая прогрызла дно
и бока корабля, вода начала заливаться въ него. Ной молился
Богу, который спустилъ съ неба белую кошку, тотчасъ зада-
вившую мышь. Дьяволъ оставилъ судно, а Ной вылилъ изъ
него воду и законопатилъ дыры. По этому, говорятъ буряты,
кошка чиста, кромѣ рыла“ (окончаніе легенды — чисто библей-
ское).

Послѣ столпотворенія вавилонскаго, говорятъ буряты, яви-
лось 73 народа и языка; чуваші Казанской губерніи возвы-
шаютъ это число до 77. О своемъ происхожденіи нѣкоторые

шаманисты сохранили до сихъ поръ преданія и легенды. Вотъ что рассказываютъ буряты: „въ глубокой древности около верхоленскихъ бурятъ жилъ одинъ человѣкъ. Онъ имѣлъ семерыхъ дѣтей и великое множество скота. Онъ до того притѣснялъ своихъ дѣтей, что они убѣжали за Байкалъ и угнали съ собою скота своихъ родителей, не оставивъ имъ ни головы. Томимые печалью и голодомъ, отецъ и мать, долго искали своихъ дѣтей. Вотъ, однажды прибѣжалъ къ нимъ изъ Хоринска любимый ими сивый порозъ. Обрадованный стариkъ принялъ его какъ сыновей и забылъ половину прежняго горя, говоря: „ай-да, сивый нашъ порозъ, не забылъ ты насъ, покинутыхъ своими дѣтьми!“ Они ухаживали за нимъ, гладили его по шерсти. Однажды силою небожителя Эцэгэ Малана (¹) тотъ порозъ притащилъ домой съ пастбища желѣзнную зыбку, скованную желѣзными обручами и привязанную ему на шею. Стариkъ испугался, увидѣвъ зыбку и предчувствуя, что заключала она въ себѣ. Онъ пытался было открыть ее, но не могъ, потому что она была окована нѣсколькими желѣзными обручами. По внушенію Эцэгэ Малана, стариkъ принесъ восемь жертвъ и зыбка открылась сама собою. Тутъ увидѣлъ стариkъ дитя въ пеленкахъ и взялъ его себѣ на воспитаніе. Старуха воспитывала дитятю со всею материнскою любовью и заботливостью. Такимъ образомъ мальчикъ все росъ да росъ. На третьемъ году своей жизни мальчикъ все ходилъ для игръ на рѣку, изъ которой выходили и играли съ нимъ нѣсколько подобныхъ ему мальчиковъ, а потомъ уходили снова въ воду. Мальчикъ рассказалъ все это старику, который велѣлъ ему удержать одного изъ этихъ мальчиковъ, говоря: „когда выйдутъ они изъ воды, то поймай ихъ посредствомъ невода.“ Такимъ образомъ, неводомъ пойманъ былъ одинъ изъ мальчиковъ, а прочие убѣжали въ воду. Пойманного мальчика привели домой и начали воспитывать. Отъ пріобрѣтенного отъ Эцэгэ Малана произошли ку-

(1) Головной небожитель. см. отдѣлъ о духахъ.

шаманисты сохранили до сихъ поръ преданія и легенды. Вотъ что рассказываютъ буряты: „въ глубокой древности около верхоленскихъ бурятъ жилъ одинъ человѣкъ. Онъ имѣлъ семерыхъ дѣтей и великое множество скота. Онъ до того притѣснялъ своихъ дѣтей, что они убѣжали за Байкалъ и угнали съ собою скота своихъ родителей, не оставивъ имъ ни головы. Томимые печалью и голодомъ, отецъ и мать, долго искали своихъ дѣтей. Вотъ, однажды прибѣжалъ къ нимъ изъ Хоринска любимый ими сивый порозъ. Обрадованный стариkъ принялъ его какъ сыновей и забылъ половину прежняго горя, говоря: „ай-да, сивый нашъ порозъ, не забылъ ты насъ, покинутыхъ своими дѣтьми!“ Они ухаживали за нимъ, гладили его по шерсти. Однажды силою небожителя Эцэгэ Малана (¹) тотъ порозъ притащилъ домой съ пастбища желѣзную зыбку, скованную желѣзными обручами и привязанную ему на шею. Стариkъ испугался, увидѣвъ зыбку и предчувствуя, что заключала она въ себѣ. Онъ пытался было открыть ее, но не могъ, потому что она была окована нѣсколькими желѣзными обручами. По внушенію Эцэгэ Малана, стариkъ принесъ восемь жертвъ и зыбка открылась сама собою. Тутъ увидѣлъ стариkъ дитя въ пеленкахъ и взялъ его себѣ на воспитаніе. Старуха воспитывала дитя со всею материнскою любовью и заботливостью. Такимъ образомъ мальчикъ все росъ да росъ. На третьемъ году своей жизни мальчикъ все ходилъ для игръ на рѣку, изъ которой выходили и играли съ нимъ нѣсколько подобныхъ ему мальчиковъ, а потомъ уходили снова въ воду. Мальчикъ рассказалъ все это старику, который велѣлъ ему удержать одного изъ этихъ мальчиковъ, говоря: „когда выйдутъ они изъ воды, то поймай ихъ посредствомъ невода.“ Такимъ образомъ, нѣдомъ пойманъ былъ одинъ изъ мальчиковъ, а прочие убѣжали въ воду. Пойманного мальчика привели домой и начали воспитывать. Отъ пріобрѣтенного отъ Эцэгэ Малана произошли ку-

(¹) Главный небожитель, см. отдѣлъ о духахъ.

динскіе, идинскіе и балаганскіе бураты; отъ втораго — верхоленскіе; первый называется Буха Ноеномъ, а послѣдній — Ихиритомъ.⁽¹⁾

ОГОПЬ.

Слѣды почитанія огня мы находимъ у народовъ Средней Азіи съ глубокой древности. Византійскіе лѣтописцы говорятъ, что *Тую*, или алтайскіе турки, боготворили огонь⁽¹⁾. Въ донесеніи посольства, посланного Юстиніаномъ къ кагану, жившему при источникахъ Иртыша, упоминается о томъ, что пословъ очищали, проводя ихъ между двумя огнями. Русскіе князья во времена монгольского ига также подвергались этому обряду, прибывши въ орду.

Монголы еще въ древности олицетворили огонь въ богинѣ *Утѣ*, царицѣ огня. Но личность этой богини не выяснена и понятіе о ней сливается съ понятіемъ объ огнѣ. Вотъ какъ изображается Уть въ шаманской свадебной молитвѣ: „матерь Уть, царица огня, сотворенная изъ дерева Ильма, ростущаго на вершинахъ горъ Хангай-Хана и Бурхату-Хана! Ты, которая родилась при отдѣленіи неба отъ земли, произошла отъ стопы матери Этугэнъ и создана царемъ тэнгріевъ! Матерь Уть, коей отецъ — твердая сталь, мать — кремень, предки — ильмовые деревья; которой блескъ достигаетъ до неба и проникаетъ всю землю! Огонь, высѣченный тэнгріемъ и разведенный царицею Улукхэнъ! Богина Уть, которой приносимъ въ жертву желтое масло и бѣлаго барана, имѣющаго желтую голову! у которой бодрый сынъ, прекрасная невѣстка и стройная дочь! Тебѣ, матерь Уть, всегда взирающая вверхъ, приносимъ вино чашами и жиръ пригоршнями. Даруй благополучіе царевичу (*жениху*), царевнѣ (*невѣстѣ*) и всему народу. Поклоняемся!“⁽²⁾.

(1) Бавзаровъ, стр. 84.

(2) Черная Вѣра, стр. 89.

Огонь, по понятію монголовъ произошелъ при отдѣлениіи неба отъ земли. У финновъ же богъ огня *Пану* считался сыномъ солнца. Представляя солнце огненною массой, древніе финны принимали огонь за истеченіе изъ этой массы, или говоря словами руны, за „дитя матери солнца.“ Такъ какъ солнце и огонь по сущности своей одно и тоже, то почитаніе огня совпадало у финновъ съ почитаніемъ солнца и Пану поклонялись никакъ самостоятельному божеству, а только какъ сыну солнца (¹).

Огню шаманисты приписывали и приписываютъ большое вліяніе на участъ ихъ. Огонь очага считается у монголовъ необходимою принадлежностью каждого дома, а богиня *Уть*—хозяйкою. Новое лицо, вступающее въ семейство, должно прежде всего поклониться Уть и поручить себя ея покровительству. Женихъ и невѣста въ день свадьбы поклоняются и приносятъ жертву огню. Это дѣлается съ цѣллю испросить молодымъ благословеніе чадородія. У камчадаловъ есть слѣдующій религіозный обрядъ: дѣлаютъ изъ соломы идолъ *Пома* (богъ огня) и придѣлываютъ ему membrum virile сажени въ двѣ съ лишнимъ. Головой Пома кладутъ къ огню, а membrum привязываютъ къ потолку. Немного погодя, membrum virile отвязываютъ, свишаютъ кольцомъ и обжигаютъ конецъ его въ огнѣ. Потомъ начинаютъ махать имъ на стоящихъ въ юртѣ, приговаривая *уфай* (*подай!*)! (²).

У якутовъ во время свадьбы, женихъ входитъ въ юрту и становится по правую сторону комелька, а отецъ и мать невѣсты—по лѣвую. Женихъ бросаетъ въ огонь коровьяго масла, становится на правое колѣно и преклоняетъ голову надъ выходящимъ отъ масла дымомъ. Шаманъ въ это время сидитъ на кровати и во всеуслышаніе призываетъ на жениха благополучіе, чадородіе и т. п. (³).

(¹) Kastren's Vorlesungen. S. 55 und 57.

(²) Описаніе Камчатки, ч. III.

(³) Якуты, въ Ж. М. Вн. Д. 1854 г. гл. VIII, стр. 27.

Огонь считается поборникомъ истины. Подозрѣваемый въ чёмъ нибудь якутъ клянется передъ огнемъ, что если онъ солжетъ, то лишится отца, матери, жены, дѣтей, жизни, что душа его сойдетъ въ преисподнюю. По совершениіи клятвы шаманъ поливаетъ на огонь масло, а присягающей шагаетъ черезъ шаманское платье и бубенъ, лежащіе передъ огнемъ, и глотаетъ дымъ горящаго на кострѣ масла (1).

Огонь очищаетъ людей, животныхъ и вещи отъ всего нечистаго. Послѣ смерти монгола, юрту очищали въ древности огнемъ, а бывшія въ ней вещи проносили между двумя огнями. Если громомъ убивало человѣка или животнаго, гдѣ нибудь около юрты, то она освящалась огнемъ съ особенными обрядами (2). Иноземные послы къ монгольскимъ ханамъ проводились между двумя огнями, чтобы очистить ихъ преступныя намѣренія. Нынѣ буряты, похоронивъ покойника и возвращаясь въ юрту, скачутъ, для очищенія, черезъ разложенный передъ нею огонь. Женщины послѣ родовъ очищаются огнемъ. Подобный обычай водится и у самоѣдовъ, при чёмъ очищаемая окуривается скеною шерстью оленя (3).

Накопецъ, огонь считается у шаманистовъ божествомъ, карающимъ человѣка за его проступки. Многія, особенно наружные болѣзни почитаются слѣдствіемъ гнѣва богини Уть. Якуты приписываютъ болѣзни гнѣву огня, а потому для излеченія больнаго стараются прежде всего умилостивить эту стихію.

Начавъ поклоняться огню, шаманисты въ то же время должны были установить и жертвы ему. Огонь на очагѣ можно поддерживать только удобосгараляемыми веществами: отсюда явились жертвы огню, такъ частыя у шаманистовъ. Жертвы приносятся ежедневно, какъ только хозяева начинаютъ есть. Было, сверхъ того, у монголовъ торжественное ежегодное жертвоприношеніе

(1) Ibid. стр. 19.

(2) Черная Вѣра, Плано Карпини, гл. III.

(3) Vorlesungen über die fenn. Mithol. стр. 58.

огню, вѣроятно во время поворота солнца на лѣто, какъ это дѣлалось у другихъ народовъ. Въ жертву приносились вещества удобосгараляемыя — „вино чашами и жиръ пригоршнями.“ Запрещалось бросать въ огонь такія вещества, отъ которыхъ худой запахъ и дымъ; не позволялось плевать и лить воду на него, перешагивать, замахиваться оружіемъ; считалось грѣхомъ рубить возлѣ огня топоромъ, вынимать ножемъ мясо изъ котла, стоящаго на огнѣ, втыкать ножъ въ горящея дрова (¹).

Въ такой же степени уважаютъ огонь и нынѣшніе шаманы. Огонь до того считается священнымъ, что многіе шаманы не выбрасываютъ изъ костра ни головень, ни углей, а даютъ имъ превратиться въ пепель.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Боги и духи.

Идея о двухъ начальахъ — добромъ и зломъ, возникшая во времена фетишизма, вполнѣ развилаась и олицетворилась въ учении о богахъ. Всѣ миѳологии признаютъ два рода боговъ — добрыхъ и злыхъ, покровителей и враговъ, благодѣтельныхъ и зловредныхъ. Два эти лагеря, будучи различны по своей природѣ и по отношеніямъ къ человѣку, находятся между собою въ постоянной враждѣ. Кастренъ не допускаетъ такого дѣленія духовъ, говоря, что у алтайскихъ народовъ одни и тѣ же духи становятся въ различные отношенія къ людямъ. Но миѳология монгольскихъ племенъ прямо говоритъ, что злые духи совершенно другіе существа, чѣмъ духи добрые. Тѣ и другіе постоянно борются между собою. Шаманы дѣлятся на *черныхъ и бѣлыхъ*, — первые служатъ злымъ духамъ, послѣдніе — добрымъ.

(¹) Плано Карпини, стр. 89.

Все это ясно показывает присутствие въ шаманствѣ идеи дуализма.

1. Первое мѣсто въ ряду добрыхъ божествъ занимаютъ *небо и земля*, олицетворенные въ божественной четѣ. Это монгольские — Эцээ *Маланъ тэнри* и жена его Экэ *Юренъ тэнри* (¹). Они живутъ на небѣ, въ огромныхъ палатахъ, съ не сколькими тысячами оконъ и сотнями дверей; занимаются скотоводствомъ и имѣютъ безчисленное множество табуновъ. Они оказываютъ благотворное влияніе на всѣхъ бурятъ; если же захотять кого особенно осчастливить, то открываютъ двери неба, изъ которыхъ недолгое время льется необыкновенный, чудный свѣтъ. Если человѣкъ успѣеть взглянуть на него и попросить чего нибудь, то молитва его будетъ непремѣнно исполнена.

У якутовъ два первыхъ небожителя называются *Арь-Тоенъ* и *Кубей-Хатунъ* (²). Послѣдняя, равно какъ и бурятская Экэ-Юренъ спускалась нѣкогда, на землю въ видѣ лебедя.

У камчадаловъ главное божество *Кутху*, а жена его — *Ильехумъ*. Кутху до сотворенія міра жилъ на небѣ, потомъ снесъ съ неба землю (³), поставилъ ее на морѣ и поселился въ Камчаткѣ. Здѣсь у него родился сынъ Тыжиль Кутху и дочь Сидуку, которые вступили между собою въ супружество. Кутху и жена его долго жили въ Камчаткѣ, носили платье, сшитое изъ древесныхъ листьевъ, питались березовою и таловою корой, потому что звѣрей еще не было, а рыбы ловить не умѣли. Кутху изобрѣлъ только лодки и лыжи. Вскорѣ послѣ этого, оставивъ свое семейство, Кутху ушелъ куда-то на лыжахъ. Во время его путешествія, земля гнулась подъ нимъ, какъ тонкій ледъ — и такимъ образомъ явились горы, пади и долины — Кутху считается богомъ неба и грома. Когда гремитъ громъ,

(¹) „Престарѣлый отецъ небожитель“ и „мать Юренъ небожительница.“

(²) „Свѣтлый господинъ“ и „почтенная госпожа.“

(³) По другому сказанію — онъ сотворилъ землю изъ своего сына.

то камчадалы говорять, что это Кутху перетаскивает лодки съ рѣки на рѣку.

Послѣ отбытія Кутху изъ Камчатки, у Тыжилъ Кутху родились сынъ Амлѣя и дочь Сидукамишичъ, которые, подобно своимъ родителямъ, вступили въ бракъ. При размноженіи людей Тыжилъ Кутху сталъ заботиться объ ихъ благосостояніи: онъ сотворилъ звѣрей, началъ шить изъ кожъ ихъ одежду, ловить рыбу сѣтями, связанными изъ крапивы (¹).

Боа, Буга (у тунгусовъ) — великий богъ неба. Онъ живеть надъ облаками и раздѣлилъ управление міромъ между подчиненными божествами. Онъ знаетъ все, но ничто не въ состояніи опечалить его; онъ благодѣтеленъ и незлобивъ. Если люди обращаются къ нему съ просьбою, то онъ посыпаетъ къnimъ на помощь низшія божества. Его нельзя ни видѣть, ни сдѣлать его изображенія (²).

Самоѣдскій *Нумъ* возсѣдаєтъ на воздухѣ и посыпаетъ оттуда громъ и молнию, дождь и снѣгъ, ведра и бури. Радуга — край плаща Нума. Этотъ богъ хранитъ оленей, почему и называется *стражемъ скота*. Нумъ все видѣтъ и знаетъ: онъ награждаетъ и наказываетъ людей по достоинству.

Остякскій *Турмъ* говорить съ людьми гнѣвнымъ голосомъ грома и вѣтровъ. Онъ всюду слѣдитъ за человѣкомъ и за все воздаетъ по заслугамъ. До него не достигаютъ никакія мольбы; онъ править по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Его милости нельзя заслужить никакими жертвами, онъ смотритъ только на внутреннее достоинство человѣка (³). Очевидно, что здѣсь языческій элементъ перемѣшанъ съ христіанскими представленіями о Богѣ. То же замѣчается въ ученіи о вышнемъ богѣ у чуваший, мордвы, черемисъ, вотяковъ.

(¹) Крашенинникова описание Камчатки, ч. III, стр. 71, ч. II, стр. 167, ч. III, стр. 73.

(²) Georgi, Bemerkungen, стр. 275.

(³) Этнографич. Сборникъ, вып. IV, стр. 293, 306.

2. *Хуа Солбонб* (у бурятъ) — пастухъ Эцэгэ Малана, имѣющій большое влияніе на скотъ. У камчадаловъ и якутовъ Конышевскаго округа этотъ богъ известенъ подъ именемъ *Пиляучч*, который исправляетъ должность пастуха Тыжиль Кутхи. Онъ живеть на облакахъ, весьма малъ ростомъ, ходить всегда въ рассомачьемъ платьѣ, ъздитъ въ саняхъ, запраженныхъ куропатками, и счастливъ человѣкъ, увидѣвшій слѣдъ его⁽¹⁾. Но не смотря на то, этого духа боятся, потому что онъ уносить вихрями дѣтей и употребляетъ ихъ въ свое жилище вмѣсто подставокъ подъ жировыя плошки, которыми освѣщается его жилище. Кроме того, Пиляучч производить громъ и молнию, а радуга — подзоръ на его платьѣ⁽²⁾.

У якутовъ Пиляуччя, какъ повелителя грома замѣняетъ *Сюрдяхъ Сюя Тоенб* — „страшный топоръ господинъ“.

3. *Буха Ноенб* (у бурятъ) — порозъ главнаго небожителя; на третьемъ году жизни, отставши отъ стадъ своего небеснаго хозяина, онъ заблудился. Восемь разъ окруживъ все небо и не нашедши потерянныхъ имъ изъ виду стадъ, Буха Ноень спустился на землю. „Спустился онъ“ — говоритъ шаманская молитва — „со средины голубо-серебристаго неба, свѣтло-серебряною спиной касаясь высокаго неба, а серебряными копытами ступая по лицу земли. Онъ поправляетъ шерсть свою, поворачиваясь на синемъ пескѣ; чешетъ шею свою о бѣлую, прямую березу. Рога у него величайшиe, а подшейникъ волочится по земли. Онъ размножилъ потомство Бурята и Булгута, подобно водному источнику, подобно снѣгу“.

Буха Ноень, спустившись на землю для непосредственнаго управления шаманистами, остановился на сѣверномъ берегу Байкала и сталъ мычать такъ сильно, что затряслась земля и всколебалось море. Услышавъ этотъ ревъ, пестрый порозъ за-

(1) Слѣдомъ Пиляуччя называются струйки на поверхности снѣга, производимыя вѣтромъ.

(2) Описаніе Камчатки, ч. III, с. 75.

байкальского владыки пришелъ къ Буха Ноену и сталъ бодать его. Буха ушелъ отъ него въ Тунку и здѣсь на гольцахъ, волшебною силою, поставилъ свое каменное изображеніе (¹). Затѣмъ онъ пошелъ на Саянскія горы къ девяти югозападнымъ царямъ и женился на сестрѣ ихъ Буданѣ. Отъ этого брака родилась вскорѣ дѣвушка, названная Шанданъ и отличавшаяся злымъ и жестокимъ характеромъ, почему и отдана замужъ за Эриэнга, начальника злыхъ духовъ.

Въ то время, какъ Буха Ноѣнъ жилъ у югозападныхъ царей, пестрый порозъ пришелъ въ Тунку и отыскавъ здѣсь статую Буха Ноѣна, сталъ бодать ее, но не могъ повредить истукану. Потерявъ силы и своротивъ правый рогъ, пестрый порозъ возвратился къ стадамъ своего хозяина.

Буха Ноѣнъ считается непосредственнымъ правителемъ шаманистовъ, распорядителемъ ихъ жизни, подателемъ всякаго счастія. Вмѣстѣ съ женою своей Буданъ онъ призывается при бракосочетаніяхъ. Тогда просятъ у нихъ жениху и невѣсту счастья, богатства, чадородія.

Есхейтъ (у якутовъ) принимаетъ отъ людей молитвы, возносить ихъ къ главнымъ богамъ и возвѣщаетъ повелѣнія ихъ людямъ. Есхейтъ живеть въ каждомъ родѣ якутовъ, подъ видомъ бѣлогубаго или косматаго жеребца, вороны, орла, журавля. Каждый родѣ не убиваетъ олицетворенія своего ходатая (²).

Непосредственными правителями людей и посредниками между ними и небожителями, считаются *Лонгъ* и *Еляль*. Первый — помощникъ главнаго божества, посланникъ его и богъ здоровья. Еляль считается тоже исполнителемъ воли главныхъ духовъ (³).

4. *Дзолъ Дзаячи* — „счастіе Дзаягачи“, почитается у

(¹) Буряты увѣряютъ, что это изображеніе сохранилось до сихъ поръ и находится на одномъ изъ тункинскихъ гольцовъ.

(²) Ж. М. В. Д. 1854 г. кв. VIII, стр. 17.

(³) Путешествіе къ Ледов. морю Бѣляевскаго, стр. 98.

монголовъ съ древности. Этотъ геній заботится о здоровыи и богатствѣ своего любимца, охраняетъ его отъ опасностей, удаляетъ отъ всего дурнаго. „Дзаягачи выкалываетъ глаза и перешиваетъ хребетъ злодѣю избраннаго, опускаетъ пальцы въ молоко и бросаетъ арканъ въ стадо своего любимца“. Дзаягачи бываетъ свой у каждого человѣка ⁽¹⁾.

Другой видъ Дзаягачи—Эмэльдэжи, богиня дѣтей, ихъ здоровья и счастья. Этотъ духъ то же самое, что у якутовъ Жаютай Тоенб. Послѣдній считается подателемъ дѣтей, богатства, виновникомъ счастливыхъ промысловъ. Жену его зовутъ Айситб,—„подательница“.

Гельбанъ и *Ноабулаканъ* (у тунгусовъ) почитаются за защитниковъ женскаго пола, способствуютъ или препятствуютъ чадородію, охраняютъ беременныхъ и стерегутъ невинность дѣвушекъ.

Сюда же должно отнести тунгузскихъ *Мунди* и *Микинб*—покровителей дѣтей и *Гумомбу*—устроющаго домашнее счастье ⁽²⁾.

5. Древніе монголы во время своей славы и постоянныхъ войнъ, давали на своеи олимпъ одно изъ главныхъ мѣстъ тремъ геніямъ войны. Это—*Боатурб тэнри*—богъ храбрости. Въ одномъ гимнѣ онъ представляется могучимъ и важнымъ для всѣхъ людей, хранителемъ царей, покровителемъ простолюдинъ, главою храбрыхъ и источникомъ богатства. Онъ—начальникъ небесныхъ войскъ, вооруженъ мечемъ и имѣть такую силу, что скалы превращаетъ въ равнины. Участіе его въ войнѣ состоитъ въ томъ, что онъ вселяеть въ воиновъ мужество.

Дайчинб тэнри—богъ воитель. Ему монголы молились въ походахъ и приносили даже человѣческія жертвы.

Кисаганб тэнри—богъ побѣды. Покровительствуемый имъ

⁽¹⁾ Черная Вѣра, стр. 93.

⁽²⁾ Georgi Bewerkungen, S. 277.

„убиваетъ непріятеля, снимаетъ съ него платье, ведеть за собою коня его. Въ дорогѣ Кисаганъ тэнгри не оставляетъ побѣдителя, коню его не даетъ спотыкаться, въ опасныхъ мѣстахъ бережетъ воина, въ тѣсныхъ — доставляетъ ему свободный проѣздъ“ (1).

Девять югозападныхъ царей почитаются монголами съ древности. Нося общее название *сульдэ*, они изображаются воинственными, въ видѣ всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, вооруженными мечами и копьями; на головѣ у нихъ шлемъ, въ одной руцѣ нагайка, а въ другой флагъ (2). О происхождении югозападныхъ царей буряты говорятъ различно. Одни рассказываютъ, что все они дѣти Эцэгэ Малана, посланные имъ на землю управлять бурятами въ то время, когда послѣдніе поселились на сѣверномъ берегу Байкала. Другіе же утверждаютъ, что эти цари были знаменитые шаманы, служившіе тэнгріямъ, и родились въ одномъ мѣстечкѣ между рр. Иркутомъ и Тагной. Одинъ изъ югозападныхъ царей обитаетъ при истокахъ Иркута, другой — при верховьяхъ Оки, третій на берегахъ Тагны, а прочіе — на вершинахъ Саянскихъ горъ. Кромѣ *сульдэ* эти цари носятъ еще название *эжиновъ* (хозяинъ), а каждый въ отдельности получилъ свое имя отъ приносимой ему жертвы, напр.—*юсподинъ чалаю жеребенка*. Всѣ эти цари заботятся о счастіи и благополучіи человѣка въ продолженіе всей его жизни, но некоторые съ особеною милостью хранять его только въ извѣстномъ возрастѣ, послѣ котораго человѣкъ поступаетъ подъ покровительство другаго уже патрона. Покровителю каждого возраста приносится особая жертва, по которой онъ и называется. Такъ защитнику младенцовъ приносится *будля*, почему онъ и носить имя *будля эжинъ*; покровитель отрочества — *эжинъ бѣлаю барана*, юности — *эжинъ желтую*

(1) Черная Вѣра, Банзарова, стр. 91 и 92.

(2) Ibid. стр. 96.

„убиваетъ непріятеля, снимаетъ съ него платье, ведеть за собою коня его. Въ дорогѣ Кисаганъ тэнгри не оставляетъ побѣдителя, коню его не даетъ спотыкаться, въ опасныхъ мѣстахъ бережетъ воина, въ тѣсныхъ — доставляетъ ему свободный проѣздъ“ (1).

Девять югозападныхъ царей почитаются монголами съ древности. Нося общее название *сульдэ*, они изображаются воинственными, въ видѣ всадниковъ, одѣтыхъ въ латы, вооруженныхъ мечами и копьями; на головѣ у нихъ шлемъ, въ одной руцѣ нагайка, а въ другой флагъ (2). О происхожденіи югозападныхъ царей буряты говорятъ различно. Одни разсказываютъ, что всѣ они дѣти Эцэгэ Малана, посланные имъ на землю управлять бурятами въ то время, когда послѣдніе поселились на сѣверномъ берегу Байкала. Другіе же утверждаютъ, что эти цари были знаменитые шаманы, служившіе тэнгріямъ, и родились въ одномъ мѣстечкѣ между рр. Иркутомъ и Тагной. Одинъ изъ югозападныхъ царей обитаетъ при истокахъ Иркута, другой — при верховьяхъ Оки, третій на берегахъ Тагны, а прочіе — на вершинахъ Саянскихъ горъ. Кроме *сульдэ* эти цари носятъ еще название *эжиновъ* (хозяинъ), а каждый въ отдельности получилъ свое имя отъ приносимой ему жертвы, напр.—*юсподинъ чалаю жеребенка*. Всѣ эти цари заботятся о счастіи и благополучіи человѣка въ продолженіе всей его жизни, но нѣкоторые съ особенною милостью хранять его только въ извѣстномъ возрастѣ, послѣ котораго человѣкъ поступаетъ подъ покровительство другаго уже патрона. Покровителю каждого возраста приносится особая жертва, по которой онъ и называется. Такъ защитнику младенцовъ приносится *будля*, почему онъ и носить имя *будля эжинъ*; покровитель отрочества — *эжинъ бѣлаю барана*, юности — *эжинъ желтую*

(1) Черная Вѣра, Банзарова, стр. 91 и 92.

(2) Ibid. стр. 96.

козленка, два защитника мужескаго возраста зовутся — эзинъ барана и козла и эзинъ чалаю жеребенка.

Изъ девяти царей известны еще *Сагадай Убурунъ* и жена его *Сакилза Хатунъ* ⁽¹⁾. Но они неимъютъ большаго вліянія на бурятъ, по этому имъ приносятся въ жертву не животныя, а молоко и вино.

Девять югозападныхъ царей, по словамъ нѣкоторыхъ балаганскихъ (Иркут. губ.) шамановъ, произошли отъ „владытеля кузницы“ — *бълаю кузнеца*, который живеть теперь на Саянскихъ горахъ. Онъ такъ изображается въ одной шаманской молитвѣ, читаемой при жертвоприношениі въ кузницѣ: „владѣтель кузницы, кривой господинъ, владѣтель наковальни, высокорослый господинъ, отъ краснаго камня выжавшій мягкое желѣзо, призывавшій серебряное небо *Удай!* отъ черно-краснаго камня выжавшій укладъ, призывавшій 55 югозападныхъ тэнгріевъ и происшедшіе отъ него девять кузнецовъ! Этотъ человѣкъ (*имя хозяина кузницы*) ради здоровья тѣлеснаго тебѣ молится!“

Есть еще на Саянскихъ горахъ *Черный Кузнецъ*; этотъ, первый изъ кузнецовъ молился сатанѣ. Ему не молятся и онъ называется *Чернымъ Владытелемъ*. Кроме того, существуетъ еще *Желтый Владытель*, занимающій среднее мѣсто между чернымъ и бѣлымъ. Всѣ они были,—говорять буряты,—люди и первые стали заниматься кузничнымъ ремесломъ.

Гуйэши (бѣгающій), называющійся также *исправникомъ* и *курьеромъ* бѣгаеть съ вѣстями отъ югозападныхъ царей къ Эриэну и обратно. Ему приносять жертву, называемую — *подарокъ исправнику*.

55 Югозападныхъ и 99 Сверловосточныхъ царей. Эти духи управляютъ всѣми частями свѣта,—востокомъ, западомъ, сѣверомъ и югомъ. Изъ числа ихъ особенно известны „*Владыка*

(1) Т. е. старикъ Сагадай и госпожа Сакилза.

истока Амары, господинъ Мунгуту Заринъ⁽¹⁾, обитающей на шаманскомъ камнѣ, и „Имѣющій подъ своею властью Иркутскаго царя (т. е. генер.-губернатора), господинъ Имнегъ Саганъ⁽²⁾“.

Древніе монголы молились еще *Манихану*, богу лѣсовъ и звѣриной ловли. Онъ имѣеть видъ огромнаго человѣка, владѣеть лѣсами и обитающими въ нихъ животными⁽³⁾.

Въ миѳологии Сибирскихъ шаманистовъ, кроме исчисленныхъ нами добрыхъ боговъ, есть еще множество духовъ, владѣтелей и покровителей отдельныхъ предметовъ природы. Каждый холмъ, каждое дерево, каждая гора, каждый домъ имѣеть своего хозяина (*эжинъ*). Всѣ эти духи имѣютъ большое влияніе на людей, какъ видно изъ слѣдующей бурятской молитвы: „дѣжащіе эхо высокой горы, дѣжащіе вътерь широкаго мора; цари мои, живущіе на горахъ, божества мои, обитающіе на урочищахъ! Въ бѣствіяхъ вы бываете для насть опорою, въ скучные годы являетесь милостивыми, въ тяжелые мѣсяцы доставляете обиліе. Когда сидимъ въ юртѣ,—вы не опасны для насть, когда находимся на улицѣ, — нѣть отъ васъ препятствія. Въ темную ночь вы даете свѣтъ, а въ жаркій полдень доставляете тѣнь. Худое удаляете отъ насть, приближаете одно доброе. Сдѣлавшіеся сами творцами, избавляющіе насть отъ опасности! Вы не даете потѣть нашимъ тарелкообразнымъ лицамъ, содрогаться пуговицеобразнымъ сердцамъ нашимъ; вы хранители головы, приготовители для рта. Черезъ двери вы пускаете въ юрту лучи свѣта, въ трубу показываете солице“.

Якутская миѳология говоритъ тоже, что духи обитають на урочищахъ, горахъ, деревьяхъ; каждая мѣстность имѣеть своего хозяина. Къ этимъ же духамъ должно отнести и камчадальскихъ камулей; живущихъ по высокимъ горамъ и сопкамъ.

(1) Ангара — йнъ амани эжинъ, Мунгуту Заринъ иоэнъ.

(2) Иркутъ хави эжилхэнъ, Имнегъ Саганъ иоенъ.

(3) Черная Вѣра, стр. 84.

Они питаются рыбой, для чего летаютъ почью на море и приносятъ на каждомъ пальцѣ по рыбѣ, которую варять и пекутъ, употребляя вмѣсто дровъ китовое сало и кость (¹).

Для объясненія миѳа обѣ этихъ *хозяевахъ*, приведемъ учение о нихъ финской миѳологии (²). Всякій предметъ въ природѣ имѣть своего духа покровителя—*haltia*. Эти *haltiat* были творцами обладаемыхъ ими предметовъ, равно какъ и бурятскіе *эжини*, которые по словамъ приведенной выше молитвы, „сами сдѣлались творцами“. Эти геніи не были связаны съ извѣстными предметами, но были существами личными, свободно движущимися; они имѣли видъ и форму, тѣло и душу. Ихъ бытіе нисколько не зависитъ отъ бытія обладаемыхъ ими предметовъ: съ одного предмета они могутъ переносить свою власть на другой того же рода; предметъ можетъ разрушиться, а духъ будетъ существовать въ предметахъ, однородныхъ съ исчезнувшимъ.

Какъ у монголовъ птицы, звѣри и люди имѣютъ своихъ эжиновъ, такъ и въ финской миѳологии каждый человѣкъ имѣть своего *haltia*. Особенно шаманы, во время своихъ заклинаній находятся подъ влияніемъ *haltia*. Состояніе экстаза, въ которомъ часто бываютъ шаманы, называется по фински *alla haltiaissa*, т. е. быть у духовъ. Впрочемъ, это выраженіе свидѣтельствуетъ, что одинъ человѣкъ можетъ имѣть нѣсколько *haltia*, какъ думаютъ, кроме финновъ, лопари и самоѣды. Замѣчательно, что *haltia* рѣдко встрѣчается въ древне-финскихъ рунахъ; но что древніе финны имѣли понятіе обѣ этихъ духахъ,—видно изъ слѣдующаго, напр., мѣста Калевалы (³): „выйтите на верхъ вы, мужи меча, герои—отъ старца земли, изъ источниковъ, носители серпа, изъ рѣкъ,—защищающіеся лукомъ! приди лѣсь, со своими мужьями, роща, со своими толпами, старецъ горы со

(¹) Описаніе Камчатки, ч. III, стр. 75.

(²) Kastren's Vorlesungen über die finn. Mithologie, стр. 163.

(³) Rune XII, Vers 225.

своими сынами, *тизи*⁽¹⁾ воды со страхомъ, мать воды — съ силами, старецъ земли — съ толпами! дѣвы изъ всѣхъ долинъ, покрытыя пѣною, изъ всѣхъ источниковъ (поспѣшите) на помощь къ одному человѣку!“

Въ числѣ призываемыхъ здѣсь существа были, безъ сомнѣнія, и *haltia*. На нихъ же намекаютъ и слѣдующія слова Калевалы: „призываю женъ земли, старыхъ хозяекъ съ поля, мужей меча отъ земли, конныхъ героевъ съ песка, призываю ихъ на помощь мнѣ⁽²⁾“. Каждый охотникъ или человѣкъ, предпринимающій важное дѣло, призывалъ своего *haltia* слѣдующими словами: „поднимись мое существо изъ пещеры, съ блестящими глазами, — изъ-подъ камня, приди съ пестрыми щеками, духъ мой, съ сосны! Приди въ шлемъ, полномъ огня!“ Изъ этого отрывка видно, что *haltia* жили подъ деревьями, на скалахъ, въ пещерахъ. За свою силу они назывались *имѣющими огненные глаза* (*kilusilmä*), каковое название прилагается и къ медвѣду. Огненный шлемъ указываетъ на пламенную натуру *haltia*.

Финскимъ *haltia* и монгольскимъ эжинамъ, соответствуютъ лопарскіе *сайвокѣ*, самоѣдскіе *сартье*, вотяцкіе *мудорѣ*, чувашскіе *ирихѣ*.

Воды наполнены, по вѣрованью шаманистовъ, богами и разными родами духовъ. Изъ добрыхъ сюда относятся.

Ухунъ хатъ (бурятскіе) цари водъ. Они живутъ въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, озеръ, также и въ Байкалѣ, пишутъ видѣ старцевъ и постоянно занимаются чтеніемъ книгъ. Жилищами для нихъ служатъ огромные дворцы. Ухунъ хатъ имѣютъ на людей благодѣтельное влияніе и всеми мѣрами стараются о благополучіи ихъ. Видѣть ихъ во снѣ, предзначаетъ несомнѣнное счастіе.—Кромѣ *царей водъ*, монголы чтутъ еще другихъ добрыхъ духовъ, обитающихъ въ целебныхъ ключахъ.

(¹) *Гизи* — духи.

(²) Rune XVII, Vers 261.

Митиб—морской богъ камчадаловъ—имѣеть видъ огромной рыбы. Въ его владѣніи море, которое онъ самъ сотворилъ и всѣ живущія въ немъ существа. Рыбы исполняютъ у него должность слугъ, онъ посыпаетъ ихъ въ рѣки, за лѣсомъ себѣ на баты⁽¹⁾.

Дланда—божество воды у тунгусовъ. Оно изображается на шаманскихъ платьяхъ въ видѣ лодки.

При частыхъ столкновеніяхъ шаманистовъ съ христіанами, первые прияли отъ послѣднихъ много религіозныхъ сказаний и представлений, передѣлавъ ихъ по своему. Христіанскій богъ и святые пользуются поклоненіемъ многихъ, даже некрещеныхъ шаманистовъ; иѣкоторые библейскія сказанія въ ходу между шаманистами. Вотъ нѣсколько бурятскихъ легендъ, содержаніе которыхъ заимствовано отъ христіанъ.

а) Однажды Богъ, принявъ видъ человѣка, прїехалъ на поле къ одному земледѣльцу, съявшему хлѣбъ, и сказалъ ему *Богъ-помочь!* Свѣтель сказалъ Богу: „и безъ божьей помощи, земля сильно удобренная и хорошо обработанная, будетъ плодоносна!“ Богъ, видя, что этотъ человѣкъ больше надѣется на землю, чѣмъ на Бога, сказалъ, что ни колоса не взойдетъ изъ земли, и проѣхалъ далѣе. Послѣ Бога пришелъ къ свѣтлю *Михола-богъ* ⁽³⁾ и спросилъ его: „зачѣмъ ты сказалъ Богу, что и безъ божьей помощи земля даетъ урожай? онъ проклять твой хлѣбъ!“ Потомъ Михола велѣлъ этому земледѣльцу продать свой хлѣбъ въ казну. Тотъ, только что посѣявъ, продалъ его, а Михола пришелъ къ Богу и сказалъ ему: „человѣкъ, хлѣбъ котораго ты проклялъ, продалъ его въ казну“. Богъ сказалъ: „да вымолотить онъ съ овина только одинъ мѣшокъ!“ Хлѣбъ у этого человѣка, по благословенію Михолы, родился

⁽¹⁾ Описаніе Камчатки, ч. III, стр. 57.

⁽²⁾ Georgi Bemerkungen, S. 276.

⁽³⁾ *Бурханъ-Михола*—такъ зовется у бурятъ чудотворецъ Николай.

отлично. Богъ сказалъ: „хотя хлѣбъ и родился у него, но съ овина онъ вымолотить не болѣе одного мѣшка“. Михола, научилъ земледѣльца, чтобы онъ садилъ въ овинъ только четыре спопа, въ четырехъ углахъ его и изъ четырехъ споповъ вымолачивалъ цѣлый мѣшокъ. Такимъ образомъ человѣкъ вымолотилъ по цѣлому мѣшку съ каждыхъ четырехъ споповъ, и вымолотилъ огромное количество хлѣба. Михола опять пришелъ къ Богу и сказалъ ему: „ты велѣлъ тому человѣку вымолотить не болѣе мѣшка съ цѣлаго овина, а онъ вымолачиваетъ по мѣшку изъ каждыхъ четырехъ споповъ“. Богъ сказалъ: „хотя онъ вымолотилъ огромное количество мѣшковъ, однако этотъ хлѣбъ обратится въ ничто, если онъ будетъ продавать его че-резъ двери анбаровъ“. Михола велѣлъ человѣку сдѣлать отверстіе въ стѣнѣ и черезъ него продавать хлѣбъ; онъ продалъ весь хлѣбъ. Когда Михола доложилъ объ этомъ Богу, то послѣдній сказалъ: „да не покажется никогда онъ на глаза мои“! Михола объявилъ эту волю Бога упомянутому человѣку и даль ему такой совѣтъ: „завтра, въ такое-то время, я пойду съ Богомъ мимо твоего дома; ты втапци на крышу дома какъ можно болѣе бревенъ и досокъ и привязавъ за эту кучу веревку, стой на видномъ мѣстѣ и одинъ конецъ веревки держи въ рукахъ. Лишь только мы подѣдемъ къ дому, ты дерни веревку, — все упадетъ съ крыши и произведетъ страшный шумъ“. Человѣкъ такъ и сдѣлалъ; Богъ обратилъ вниманіе на стукъ и шумъ падавшихъ съ крыши бревенъ и увидѣлъ человѣка, котораго не хотѣлъ никогда видѣть. Михола объяснилъ Богу, что это тотъ самый человѣкъ, котораго онъ никогда не хотѣлъ видѣть. Богъ отвѣчалъ: „если такъ, то пусть онъ постоянно находится во вниманіи и богатѣть, я благословляю его“!

б) „Однажды въ древности три бога обходили вселенную, — стерегли ее. Они встрѣтились съ Михолой-богомъ и спросили у него: „что ты дѣлаешь, зачѣмъ здѣсь?“ Михола отвѣчалъ имъ: „я стерегу вселенную, наблюдаю за всѣми государствами.“ Потомъ всѣ они четверо пошли далѣе и ночевали въ одномъ мѣстѣ.

Утромъ чѣмъ-свѣть Михола пошелъ обозрѣвать вселенную; три бога проспали все утро. Когда они встали,—Михолы съ ними не было; онъ пришелъ черезъ иѣсколько времени, весь мокрый и въ грязи. Три бога спросили его: „гдѣ ты былъ? почему такъ замочился и вымарался въ грязи?“ Онъ отвѣчалъ имъ: „утромъ, чѣмъ-свѣть я пошелъ осмотрѣть вселенную,—все ли благополучно, иѣть ли въ народѣ какихъ несчастій отъ демоновъ.“ Три бога сказали ему: „если ты такъ бдителенъ, то одинъ осматривай вселенную, а намъ нечего понапрасну ходить!“ Съ этого времени за всей вселенной надзираетъ одинъ Михола,—поэтому то онъ и извѣстенъ всему міру—и христіанамъ, и буддистамъ, и шаманистамъ.“

с) *Объ Ильѣ-пророкѣ* (разсказъ шамана). „Илья пророкъ былъ такой же человѣкъ, какъ мы, но за святость сдѣлался угоднымъ Богу и богомъ. Однажды кто-то обругалъ его, — а онъ сталъ на одно колесо колесницы (?) и вознесся на небо. На этой колесницѣ онъ ъздитъ по небу, отъ того и гремитъ громъ. Громовой ударъ убиваетъ человѣка, животное, разбиваетъ дерево, домъ потому, что въ нихъ скрываются нечистые духи. По временамъ изъ ада выходятъ демоны и распространяются по всему міру, причиняя людямъ зло. Но тэнгрі, заботящіеся о благѣ людей, посылаютъ Илью пророка убить демоновъ громовымъ ударомъ, ибо иначе можно убить ихъ, какъ громовымъ ударомъ. По этому повелѣнію Илья пророкъ такъ быстро ъздитъ по небу, преслѣдуя демоновъ, которые стараются убѣжать и спрятаться отъ него.“

д) *О потопѣ*. „Когда народъ сильно умножился и много грѣшилъ, Богъ рѣшился погубить его потопомъ. Онъ сошелъ на землю, чтобы найти праведнаго человѣка для продолженія рода человѣческаго послѣ потопа. Онъ нашелъ одного только праведника—Ноя, и велѣлъ ему строить корабль. Ной недолго строилъ, потому что Богъ помогалъ ему невидимо. Во время строенія все люди смеялись надъ Ноемъ и говорили, что онъ сошелъ съ ума. Вотъ, пошелъ сильный дождь, поднялись моря, реки, озера; животный,

по парѣ изъ каждого рода, вошли въ ковчегъ, по одному свисту Ноа. Вода поднималась все выше и выше; люди и животные начали тонуть. Дьяволъ обратился въ морскую мышь и прогрызъ дно и стѣны Ноева корабля; въ него начала заливаться вода. Нои просилъ о спасеніи Бога, который спустилъ съ неба белую кошку, тотчасъ задавившую мышь. Дьяволъ оставилъ Ноя, который вылилъ воду и законопатилъ дыры. Корабль Ноя долго плыть и остановился на горѣ въ турецкомъ царствѣ... (*Окончаніе чисто библейское*).

Кромѣ этихъ легендъ, въ сибирское шаманство вошло еще много другихъ христіанскихъ сказаний и вѣрованій. Но всѣ они передѣланы на шаманскій ладъ. Христіанскій богъ и святые вполнѣ заступили място шаманскихъ божествъ и приняли характеръ послѣднихъ. Когда мы спросили одного крещенаго якута — кто такой Арь-Тоенъ? онъ отвѣчалъ, что — Христосъ. А кто такая Айситъ? — Айситъ, говорилъ онъ, тотъ образъ Богородицы, который стоитъ въ алтарѣ за престоломъ. У якутовъ еще больше, чѣмъ у бурятъ распространены христіанскія сказания; но христіанскія идеи любви и свободы неизвѣстны имъ, какъ и остальнымъ крещеннымъ шаманистамъ. Они заимствуютъ, или лучше сказать — имъ даютъ изъ христіанства только одну видѣнность, — обряды, иконы, да разныя сказанія, никакъ не посвящая ихъ въ высокую сущность христіанской религіи, — и они по прежнему остаются шаманистами.

Злы́е духи.

Во главѣ злы́хъ духовъ стоитъ у бурятъ Эрленгъ. Это былъ, во шаманскихъ преданіяхъ, младший изъ сыновей Чингисъ-Хана, отличающийся злымъ и упорнымъ характеромъ. Онъ ни съ кѣмъ не говорилъ, всехъ удалялся; убить ли какого звѣра, — сѣсть одинъ; захотеть ли спать — лжетъ одинъ, вдали отъ

(*) По этому, говорятъ буряты, «кошка чиста, крокъ рыла».

своихъ братьевъ. Однажды пришелъ къ нему Чингисъ, но Эрленгъ не хотѣлъ говорить съ отцемъ и повернулся къ нему спиною. Чингисъ разсердился и поразилъ его стрѣлою. Умирающій Эрленгъ сказалъ ему: „хотя ты лишилъ меня жизни, но не въ состояніи погубить души моей, хотя не допустилъ меня до престола, но не въ силахъ лишить меня владычества въ темныхъ странахъ земли. Я отомщу тебѣ за все зло, отомщу сыновьямъ твоимъ и ихъ потомкамъ! не будутъ они спокойно царствовать! Хотя подданные ихъ размножатся, но не пройдетъ одного дня, чтобы я не погубилъ нѣсколько человѣкъ изъ нихъ!“ Сказавъ это, Эрленгъ испустилъ духъ и сдѣлался владыкою темнаго царства, находящагося гдѣ-то на сѣверѣ, въ ужасной, бездонной пропасти. Это мѣсто никогда не освѣщается солнцемъ и здѣсь царствуетъ вѣчная зима. Сдѣлавшись царемъ ада, Эрленгъ женился на дочери Буха Ноена, — Шанданъ.

Владѣя легіонами читкуровѣ (демоновъ), Эрленгъ самъ и посредствомъ ихъ всячески старается вредить человѣку. Читкуры безусловно исполняютъ волю своего владыки и за успѣхъ получаютъ отъ него награды. Разлетаясь по всему миру, демоны ссорятъ людей, вовлекаютъ ихъ въ преступленія, насылаютъ болѣзни, причиняютъ смерть. Но тэнгріи, заботясь о благополучіи людей, преслѣдуютъ читкуровъ. Увидѣвъ демоновъ, летающихъ по землѣ, тэнгріи собираютъ облака и посыпаютъ на читкуровъ громъ и молнию. Читкуры стараются избѣжать небесной кары и съ этою цѣлью скрываются въ деревьяхъ, зданіяхъ, животныхъ, даже человѣкѣ. Но куда ни скрылись бы дьяволы, всюду постигнетъ ихъ роковой ударъ, сокрушивъ и то, гдѣ они спрятались. Тенгріи не щадять и человѣка, если читкуры изберутъ его мѣстомъ своего убѣжища.

Тунгусы такъ изображаютъ своего *хархи*, — чернаго бога: живеть онъ въ отдаленныхъ, непроходимыхъ тайгахъ, на сѣверѣ. У него огромные, огненные на выкатѣ глаза, плоскій носъ, чудовищная голова. Его черные волосы на головѣ и бородѣ — все равно, что тайга посдѣ бури. Онъ ходить всегда

въ черномъ тунгусскомъ платьѣ и принимаетъ разные виды на пагубу человѣка: то обернется огромнымъ медвѣдемъ, то представится волкомъ или сохатымъ (1).

Абысы — такъ называется сатана у якутовъ — имѣеть тотъ же характеръ и также обращается въ разныхъ животныхъ, особенно въ корову (2).

У камчадаловъ владыка демоновъ известенъ подъ именемъ *канны*. Канна ужасный хитрецъ и продувной обманщикъ. Онъ имѣеть въ своемъ распоряженіи множество духовъ, которыми наполнены лѣса, воды, особенно же сопки. Одинъ шаманъ рассказалъ, что бѣсы приходятъ къ нему изъ разныхъ мѣстъ и въ разномъ видѣ — одни изъ моря, другие изъ сопокъ; большие и маленькие, безрукіе, обгорѣлые, безбокіе. Морскіе богаче другихъ и одѣты въ платье, сдѣланное изъ травы *шелковника* (3).

Какъ добрые духи происходить отъ благаго божества, такъ и злыя — отъ сатаны. По древнему вѣроученію чувашъ *шайтанс* (сатана) былъ сыномъ главнаго бога. Люди убили его въ то время, когда онъ въ великолѣпной колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, разѣзжалъ по землѣ, всюду разнося довольство и счастіе. Чтобы скрыть отъ бога преступленіе, тѣло кереметя люди сожгли, а пепелъ развеяли по вѣтру. Гдѣ палъ этотъ прахъ, тамъ выросли деревья, а съ ними возродился и кереметь, но уже не въ одномъ лицѣ, а во множествѣ враждебныхъ человѣку существъ (4). По черемисскому сказанію, кереметь сотворилъ подчиненныхъ ему духовъ (*сакче*) изъ камня, находящагося на небѣ. Онъ билъ объ этотъ камень молотомъ, и послѣ каждого удара вылетали изъ него искры, обращавшіяся въ *сакче*. Кереметь сдѣлалъ это изъ подражанія Юмъ, сотво-

(1) Записки Сибирск. Отд. Геогр. Общ. кн. IV, 1857 г. с. 104.

(2) Путешествіе Лессепса, ч. III.

(3) Описаніе Камчатки, ч. III, с. 74, 76 и 159.

(4) Сбоева, Замѣтки о чувашахъ, стр. 110, 111.

рившему такимъ образомъ добрыхъ духовъ⁽¹⁾. Также думаютъ и самоѣды о сотвореніи своихъ тадебщевъ. Вотъ еще подобная же предыдущимъ камачинская легенда: „шайтанъ просилъ у Кудая уголокъ земли въ вѣчное владѣніе, но получилъ отказъ. Тогда онъ сталъ просить на самое короткое время столько земли, сколько покроетъ концомъ своей трости. Кудай согласился. Шайтанъ ударила тростью въ принадлежащую ему точку земли и пробилъ въ ней дыру, изъ которой вышли на свѣтъ всѣ вредоносныя существа⁽²⁾.“

Ойнъ эжинъ (у бурать)—хозяинъ лѣса. Это души тѣхъ людей, которые заблудившись въ лѣсу, умерли тамъ. Эти духи стараются завести человека въ непроходимую трущобу, где онъ непремѣнно долженъ заблудиться и умереть. Съ этой цѣлью Ойнъ эжины откликаются заблудившемуся и такимъ образомъ завлекаютъ его все дальше и дальше въ глубь лѣса, или же водятъ его около одного и того же мѣста.

Камчадалы лѣсныхъ геніевъ называютъ *Ушахчу*. Они имѣютъ видъ человека; жены ихъ носятъ съ собою дѣтей, приросшихъ къ спинѣ ихъ и постоянно плачущихъ. Ушахчу сводятъ людей съ дороги и лишаютъ возможности найти обратный путь⁽³⁾. Въ этихъ злыхъ геніевъ лѣса вѣрять всѣ шаманисты, придавая, конечно, имъ разныя названія.

Ухунъ эжинъ—господинъ воды. Эти духи совершенно не то уже, что *цари водъ*. Дѣйствія и характеръ ихъ совершенно сходны съ дѣйствіями и характеромъ нашихъ русалокъ и во-

⁽¹⁾ Этнограф. Сбори. вып. IV, стр. 211.—Также говорить о твореніи духовъ и русская легенда: „удари Господь жеаломъ въ камень и сотвори Господь отъ искръ огненныхъ Михаила Архангела и Гавриила—взлетѣли ангели. Сатана же изъ камени бѣсовскую неизчислимую силу боговъ.“ Варіантъ этого сказанія передаетъ, что какъ Богъ, такъ и сатана, ударили камень о камень, и у каждого явились свои ангелы (*Православный Собесѣдникъ* 1861 г. кн. III, стр. 263).

⁽²⁾ Сибирскій Вѣстникъ, 1818 г. ч. I, стр. 5.

⁽³⁾ Крашенинниковъ, часть III, ст. 75.

дныхъ. Живутъ они въ глубокихъ мѣстахъ рѣкъ, а выхода на землю, принимаютъ видъ человѣкъ или какаго нибудь животнаго. Откуда влялись они? бурятская миѳология отвѣчаетъ, что это души утопленниковъ.

Духъ Элье (у бурятъ же) является людямъ подъ видомъ коршуна, который сидя на конѣ и запустивъ когти въ его гриву, стрѣлою мчится по горамъ и степямъ. Явленіе его предвѣщаетъ несчастіе ⁽¹⁾.

Ада, Бохолдай, Альбинб,—это души тѣхъ дѣвицъ, которые небыли по своимъ физическимъ или нравственнымъ недостаткамъ замужемъ и тѣхъ мужчинъ, которые были почему нибудь въ пренебреженіи у другихъ. Эти духи принимаютъ различные виды—какого нибудь животнаго, карлика—и являясь неожиданно, пугаютъ человѣка. Живя или въ самыхъ юртахъ, или гдѣ нибудь около, они ночью, томимые голодомъ, ходятъ по юртѣ и ищутъ себѣ поѣсть. Впрочемъ, они не опасны для людей, почему и жертвы имъ не приносятъ. Для избѣжанія же ночныхъ посѣщеній, шаманъ можетъ, посредствомъ известныхъ заклинаній, навсегда заградить для нихъ входъ въ юрту.

Смерть, поклоненіе умершимъ, адъ и его духи.

Большая часть шаманистовъ вѣрить въ личное бессмертие человѣка. Смерть, по ихъ воззрѣнію, есть ничто иное, какъ только переходъ къ другой жизни, въ которой люди будутъ жить точно также, какъ и въ настоящей: съ тѣми же нуждами и стремленіями, съ тѣми же занятіями. Нѣкоторые, впрочемъ, народы держатся мнѣнія, что человѣкъ послѣ смерти принимаетъ новое тѣло. Такъ по вѣрованію лопарей, умершіе имѣютъ такую же душу, какъ и на землѣ,

(¹) Буддизмъ арх. Нила, стр. 231.

но получаютъ новое, отличное отъ прежняго тѣло. (1). Другіе шаманисты считаютъ умершихъ за духовъ, которые живутъ въ области смерти или же блуждаютъ по землѣ, особенно во время ночи и грозы. Они проявляются въ шумѣ вѣтра, въ шелестѣ листьевъ, въ трескѣ костра. Обыкновенные люди неспособны видѣть ихъ, только одни шаманы имѣютъ эту возможность. Наконецъ, есть еще шаманисты, какъ напр. самоѣды, которые не вѣрятъ въ бессмертіе души. По ихъ убѣжденію, человѣкъ нѣсколько времени живетъ въ могилѣ, а съ разрушеніемъ тѣла прекращается и жизнь. Только одни шаманы наслаждаются бессмертіемъ: души ихъ превращаются въ *Итармѣ*, какъ называются тадебіи канинскихъ тундръ. (2).

Представляя загробную жизнь человѣка подобною земной, шаманисты заботятся о доставленіи покойнику разныхъ удобствъ и средствъ, необходимыхъ въ жизни. Всѣ погребальные ихъ церемоніи и соблюдаемые при этомъ обряды имѣютъ цѣлью обеспечить умершаго и тѣмъ избавить себя отъ его посѣщеній, которыя онъ, въ противномъ случаѣ, будетъ дѣлать своимъ родственникомъ, требуя себѣ должного и желая отомстить за невниманіе къ нему.

Бураты кладутъ покойника въ могилѣ головою на ѿверъ; съ нимъ же кладутся одежда и другія житейскія принадлежности. На могилу приводятъ любимаго коня умершаго, убиваютъ его или же пускаютъ въ степь, чтобы покойникъ ъздили на немъ. Этотъ конь считается опаснымъ для живыхъ, почему и называется *Хойна (удаленіе)*.

Тунгусы зашиваютъ покойника въ оленью шкуру и вѣшаютъ на дерево, съ любимымъ оружіемъ умершаго и котломъ, дно котораго пробивается. Туруханскіе тунгусы иногда сожигаютъ покойниковъ. Богучанскіе татары вѣшаютъ покойника

(1) Kastren's Vorlesungen, s. 120.

(2) Кастрена Воспоминанія о путешествіи, стр. 299.

на дерево, срубивши на немъ всѣ сучья, чтобы мертвѣцъ не спустился на землю. (1).

Юраки вкапываютъ въ землю четыре столба и верхи ихъ связываютъ четырьмя перекладинами, на которыхъ вѣшаютъ кожу, съ лежащимъ на ней мертвѣцомъ и переднею частью нарочно убитаго барана. На этой кожѣ умершій долженъ отправиться на небо. Пустивши въ покойника три стрѣлы, родные его уходятъ домой. (2).

Камчадалы, если вѣрить Крашениникову, бросаютъ покойниковъ на съѣденіе собакамъ. Возвращаясь съ этихъ похоронъ они пролазятъ въ нарочно сдѣланныя для того изъ прутьевъ кольца, которыя потомъ относятся въ лѣсъ и бросаются къ западу. Тащившій же покойника, долженъ поймать двухъ птичекъ и одну изъ нихъ сжечь, а другую съѣсть. (3).

Въ старину коряки сожигали своихъ покойниковъ съ слѣдующими обрядами: наряжали ихъ въ лучшее платье и везли на мѣсто сожженія. Здѣсь устраивали огромный костеръ и клади на него вмѣстѣ съ мертвѣцомъ всѣ его принадлежности: топоры, стрѣлы, ножи и т. п. Зажегши этотъ костеръ, кололи оленей, на которыхъ былъ привезенъ покойникъ, мясо ихъ съѣдали, а остатки брасали въ огонь. (4).

Шаманы погребаются на горахъ и утесахъ, въ складенныхъ изъ валежнаго камня пещерахъ и гротахъ. Шамана сажаютъ туда во всѣхъ его доспѣхахъ и заваливаютъ входъ въ пещеру, оставляя лишь небольшое отверстіе. Отъ одного дерева къ другому протягиваютъ веревку и вѣшаютъ на ней бубенъ, лукъ, котелъ и другія принадлежности покойника. Потомъ обводятъ вокругъ могилы принадлежавшаго

(1) Зап. Спб. Отд. И. Р. Геогр. Общ. к. III. 1857 г. ст. 97.

(2) Ibid. стр. 160.

(3) Описаніе Камчатки, ч. III, стр. 136—137.

(4) Ibid. стр. 166.

шаману коня девять разъ и убиваютъ его. Иногда же онъ дѣлается *хойна*, т. е. отпускается на волю. (1).

Поклоненіе предкамъ составляетъ первоначальную форму антропоморфизма и ведетъ свое начало съ древности. У китайцевъ оно было уже во времена основанія ихъ монархіи. Конфуцій считалъ одною изъ первыхъ обязанностей человѣка — поклоняться предкамъ и приносить имъ жертвы. Въ императорскомъ китайскомъ дворѣ есть такъ называемая *зала предковъ*, въ которой приносятся жертвы умершимъ членамъ царской фамиліи (2). Подобныя же залы имѣть каждое китайское семейство; въ известное время здѣсь собираются всѣ члены фамиліи и приносятъ жертвы своимъ предкамъ (3). Кочевые народы Азіи поклонялись предкамъ въ древности и продолжаютъ это до сихъ поръ. Племя *Топа*, перешедшее въ верхнюю Азію изъ южной Сибири, долго еще по своемъ переселеніи почитало могилы отцовъ и посыпало имъ жертвы (4). Монголы, по словамъ Сананъ Сэцэна, дѣлали поклоненіе праху и могилѣ Чингисъ-Хана (5). Хубилай, потомокъ Темучина, выстроилъ въ 1263 г. въ Пекинѣ храмъ своимъ предкамъ — Исукэю, Чингису и другимъ (6). У сѣверныхъ финновъ и самоѣдскихъ народовъ сохранились ясные слѣды древняго религіознаго культа въ честь мертвыхъ. Многіе изъ этихъ народовъ приносили покойникамъ жертвы и устраивали въ честь ихъ праздники, но даже призывали ихъ въ молитвахъ, какъ своихъ помощниковъ и заступниковъ. Между финнами, лопарями и другими шаманистами ходить повѣрье, что шаманы, во время своего экстаза сходятъ душою въ подземное царство и просятъ тамъ у умер-

(1) Будуизмъ А. Нила, стр. 236.

(2) Grossier, Description de la Chine.

(3) Stuhr's Religions-Systeme des Orients, B. I.

(4) Deguines Geschichte d. H  nnen.

(5) Geschichte d. Ost-Mongolen, S. 146, 170, 184 и др.

(6) Іакинеа — Записки о Монголіи, ч. III.

шихъ совѣта и помощи. Въ Калевалѣ поется, что Вейнемейнъ, когда ему недоставало трехъ волшебныхъ словъ, пришелъ на могилу старого Випунена, чтобы получить мудрость отъ выросшаго изъ его внутренностей растенія (Rune XVII). Нѣкоторые самоѣды считаютъ своихъ тадебціевъ за тѣни умершихъ людей (¹). По вѣрованію бурятъ, души нѣкоторыхъ умершихъ людей, особенно шамановъ и шаманокъ, дѣлаются эжинами. Чья душа и какимъ эжиномъ сдѣлалась, — это возвѣщаетъ шаманъ. Самоѣды вѣрять, что шаманы послѣ своей смерти, превращаются въ *итармз* — духовъ, живущихъ на каннинскихъ тундрахъ (²). Остяки послѣ смерти знаменитыхъ шамановъ дѣлаютъ ихъ изображенія и поклоняются имъ, какъ божествамъ. Эти идолы, въ отличіе отъ иоловъ обыкновенныхъ умершихъ людей, — существующихъ только три года — хранятся изъ рода въ родъ (³).

Души умершихъ имѣютъ на живыхъ двоякаго рода вліяніе. Одни — добрыя, благодѣтельствуютъ человѣку, другія же, злыя, стараются вредить ему. Впрочемъ, одна и та же душа можетъ стать въ различныя отношенія къ живымъ людямъ. Вотъ что рассказываютъ балаганскіе буряты о вліяніи на живыхъ людей знаменитыхъ умершихъ шамановъ. Они караютъ и убиваютъ не только буряты, обратившихся къ христіанству, но и русскихъ, — особенно чиновниковъ и купцовъ. Схороненная недалеко отъ Балаганска, шаманка ненавидѣть особенно балаганскихъ купцовъ; отъ того-то они, какъ скоро пріобрѣтутъ кой-какое состояніе, то начинаютъ пить, и шаманка скоро изводить ихъ. Прежніе купцы, боясь ранней смерти, всегда подчивали виномъ покойницу и просили одну живую шаманку приносить умершей жертвы, чтѣ дѣлаютъ до сихъ поръ старые балаганскіе купцы. Смерть исправника Скрябина (1858 г.)

(¹) Кастреиа Vorlesungen, стр. 122.

(²) „Воспоминанія о путешествії“, стр. 299.

(³) Бѣлявскій, Поѣздка къ Ледовит. морю, стр. 99.

буряты приписываютъ другой умершей шаманкѣ, которой онъ долженъ бытъ, чтобы выздоровѣть, принести въ жертву кобылу.

Первая шаманка была дочь одного бурята Булутскаго рода, вскорѣ послѣ ея выхода замужъ за бурата Онгоева рода, у нея заболѣли и отнялись обѣ ноги. Сдѣлавшись шаманкою, она превзошла своимъ чародѣйствомъ всѣхъ шамановъ. Она не ходила, а или — скакала, или летала по воздуху, или ъздила на дикомъ жеребцѣ. Часто въ Балаганскѣ, сидя на улицѣ, она посредствомъ чародѣйства вытаскивала изъ чулановъ русскихъ, лучшіе сѣстры припасы, и ѿла. Русскіе боялись ея, подчи-вали виномъ, и она выпивала за одинъ разъ цѣлую бочку. Русскіе не одинъ разъ пытались убить ее, но безуспѣшно; бросали ее связанною въ Ангару, но она выплывала изъ воды; бросали въ огонь, — не горѣла... Еще живой ей приносили жертвы и буряты и русскіе.

Память знаменитыхъ умершихъ людей хранится впродолженіе одного или двухъ вѣковъ, потомъ исчезаетъ и мѣсто прежнихъ занимаютъ новые покойники. Намъ доводилось слышать, какъ старики буряты укоряютъ молодыхъ людей, что они забываютъ имена тѣхъ, кому поклонялись отцы ихъ. Забвеніе и пренебреженіе къ памяти умершихъ предковъ возбуждаютъ гнѣвъ и мщеніе ихъ. Такъ напр., преемники Чингиса считали священною обязанностью при вступленіи на престолъ поклоняться могилѣ завоевателя. Но Тогонъ, сынъ калмыцкаго князя Эсэна съ пренебреженіемъ отозвался о Чингисѣ, изрубилъ его священные юрты и не хотѣлъ, по совѣту бывшихъ тутъ монголовъ, просить у Темучина прощенія. Не успѣлъ дерзкій отойти отъ гроба завоевателя, какъ кровь хлынула у него изъ горла и онъ палъ мертвымъ. Народъ приписалъ это несчастіе гнѣву оскорблennой тѣни Чингиса (1).

Религіозный культъ въ честь мертвыхъ, состоитъ прежде всего въ жертвоприношеніяхъ имъ. Первая жертва приносится

(1) Ssanang Ssetzen, Ausgabe v. Schmidt. S. 150.

во время погребения. Само́быты и́есколько лѣтъ сряду послѣ погребенія покойника приносятъ на его могилѣ въ жертву оленей. Чуваші совершаютъ поминки въ третій и седьмой день и каждый четвертокъ до шести недѣль послѣ смерти покойника. У нихъ есть постоянная мѣста, назначенные для жертвоприношений умершимъ, это — мазарки. Чуваші приносятъ сюда съѣстное и пиво для угощенія мертвыхъ⁽¹⁾. Коряки совершаютъ поминовеніе умершихъ черезъ годъ послѣ ихъ смерти. Родственники покойнаго берутъ двухъ оленей и множество оленевыхъ роговъ и пришедши на какое нибудь возвышенное мѣсто, колютъ и съѣдаются оленей, а рога втыкаютъ въ землю и шаманъ отсылаетъ ихъ къ покойнику вмѣсто табуна. Когда коряки возвращаются домой, то шаманъ бьетъ ихъ прутомъ, приговаривая, чтобы покойники не брали ихъ къ себѣ⁽²⁾.

У бурятъ существуютъ публичные, торжественные жертвоприношения знаменитымъ шаманамъ. Намъ удалось пріобрѣсть двѣ молитвы, распѣваемыя шаманами при этихъ жертвоприношенияхъ. Вотъ первая — умершему шаману Барлаку, жившему 150 лѣтъ тому назадъ. Въ этой молитвѣ шаманъ, приносящей жертву, говорить часто отъ лица Барлака; такія мѣста мы обозначимъ курсивомъ.

„Я-шаманъ—призываю не по быстротѣ ума, а по силѣ родовой линіи. Барлакъ, сынъ Хогнуга! отъ своего имени попроси Эрленга, восполніи недостатки жертвы! Въ моихъ словахъ нѣть ничего противнаго, въ моихъ дѣйствіяхъ — ничего оскорбительнаго!“

„Съверный и восточный мысъ моей Зукулей⁽³⁾; девяносто девять моихъ заливовъ⁽⁴⁾, восемдесятъ восемь моихъ зап-

⁽¹⁾ Сбоева — Замѣтки о чувашахъ, стр. 136, 133.

⁽²⁾ Описаніе Камчатки, томъ III, стр. 167.

⁽³⁾ Большая падь, въ которой жилъ Барлакъ.

⁽⁴⁾ Заливы р. Уни.

ловъ⁽¹⁾, крутые мои, высокіе, каменные утесы⁽²⁾, Зукум—
место моей родины! Ушу рѣку мою⁽³⁾ я усадилъ тростникомъ,
юлую юру Тархай я покрылъ березовымъ льсомъ! мой
хранитель, производящій молнию и землетрясение! блаудатель
мой, указывающій мнъ путь, сзаду хранящій меня! предки
мои шаманы, призывавшіе высокое небо, предки мои, употреблявшіе
въ войлочной юрте двѣ шаманская трости! хранитель
мой, научившій меня сѣ дѣства шаманскому искусству,
притягивающій меня къ небу, поднимающій меня вверхъ! бу-
бенъ мой подобенъ широкой степи, моя шаманская одежда
подобна льсу. Спавшиe люди вскакивали сѣ постели отъ бра-
чанья моихъ колецъ, лежавшиe вскакивали со страху отъ гула
моего бубна. Черныя тучи служили мнъ спутницами, синie
облака доставляли мнъ прохладу. Багай и Баханъ⁽⁴⁾ мои!
ходатайствуя за нихъ я стоялъ у дверей сорока четырехъ
адовъ до того, что лошадь моя изсохла сѣ съдломъ, самъ я
изсохъ сѣ шубой! Я сдѣлался шаманомъ тогда только, когда
изсохъ какъ кора древесная! хотя и дикъ сивый мой жеребецъ,
но онъ доставляетъ счастіе, хотя и капризна жена
моя Буре, но и она доставляетъ счастіе.

А вотъ другая молитва умершему шаману Шумуру, жив-
шему на устьѣ Селенги.

„Шумуръ ходить по свѣту, чтобы выть подъ ухо спящему,
чтобы говорить лежащему: я не могъ утолить жажды водой
великаго океана; но утоляю жажду чернымъ виномъ (*араки*).
Я погрузился по уши въ красную кровь, находящуюся въ груди,
я погружался по горло въ кровь желудочную. Я не могъ вла-
дѣть собой, за то былъ прозванъ непостояннымъ Шумуромъ;

(¹) Поляны подъ горою Тархай.

(²) Горы Уриуту и Сунъ на восточной окраинѣ пада Зукулей.

(³) На берегу Унги Барлакъ училъ народъ. Всѣ эти горы, р. Унга
и падъ Зукулей, находятся въ Иркутской губерніи, около Балаганска.

(⁴) Дѣти Барлака.

ничто меня не удерживаетъ, я отнимаю и владѣю всѣмъ, чѣдь есть лучшаго; немогу остановиться въ своихъ дѣйствіяхъ! Я изучилъ законы, нравы и обычаи; я — не подданный бѣлаго царя, я подданный цара другаго міра (*Эрлена*)! Мнѣ ни почемъ бѣлый снѣгъ, я не мерзну въ трескучіе морозы! Никто на сѣверной сторонѣ Байкала не можетъ побѣдить мене! Я лѣтаю по широкой долинѣ, какъ листъ, носимый вѣтромъ; въ темнотѣ я не боюсь, потому что знаю шаманское искусство; въ полумракѣ мнѣ еще лучше, потому что у меня длинныя крылья!“

Хотя души умершихъ странствуютъ по землѣ и имѣютъ подъ своею властью нѣкоторые предметы, но постоянное пребываніе ихъ подъ землею или въ могилѣ. Самоѣды и другія сѣверныя племена, которые хоронятъ зимою трупы въ ящикахъ, думаютъ, что души покойниковъ имѣютъ свое пребываніе въ этихъ гробахъ. Другіе же народы, которые своихъ покойниковъ, особенно дѣтей, вѣшаютъ на деревьяхъ, вѣрять, что души ихъ живутъ между древесными вѣтвями и радостно слушаютъ шумъ вѣтра и пѣніе птицъ. Такое воззрѣніе нѣкоторыхъ шаманистовъ есть древнѣйшее; съ развитіемъ миѳологіи, является вѣра въ подземный міръ, въ адъ, гдѣ живутъ души умершихъ людей. То и другое воззрѣнія у большої части шаманистовъ смѣшаны, слиты между собою. Древніе финны, напр., смотрѣли на могилы, какъ на жилища покойниковъ и въ то же время признавали существованіе подземнаго ада — *Туонели*, или *Маналы*. Въ томъ и другомъ случаѣ души умершихъ считались въ зависимости отъ извѣстныхъ божествъ. Божество могилъ извѣстно было подъ именемъ *Кольмы*, повелитель же ада назывался *Туони* или *Мана*. Обиталище его — Манала, по определенному свидѣтельству рунъ, находится подъ землею, однако совершенно подобно земному міру. Тамъ все также, какъ и на землѣ — и солнцѣ светить, есть и воды, и лѣса, и поля, и пашни, и луга и долины; тамъ есть медвѣди, волки, змеи, рыбы, птицы. Но всѣ предметы подземнаго міра вредны, опасны и

мрачны. Обитатели этого міра и во главѣ ихъ Туони—существа злыя и кровожадныя. Жена Туони — старая женщина съ крючковатыми когтями и отвратительнымъ зобомъ. Она угощаетъ своихъ гостей змѣями и лягушками. Къ числу страшныхъ обитателей этого царства принадлежать *Дочери Туони* и *народъ Туонелы*, т. е. души умершихъ, которые стерегутъ Туони и его жена (1).

Подобнымъ же образомъ представляютъ адъ и сибирские шаманисты. Это, по ихъ мнѣнію, подземный, совершенно сходный съ здѣшнимъ, міръ. Тамъ царствуетъ Эрлениг (бурят.), Ирле-Ханѣ (татарскій) и т. д. Покойники тамъ живутъ совершенно такъ же, какъ жили здѣсь—ѣдятъ, пьютъ, работаютъ, дерутся и т. п.

Въ миѳическихъ сказаніяхъ обѣ адѣ, важное мѣсто занимаютъ разсказы о похожденіяхъ живыхъ людей въ подземномъ мірѣ. Калевала говоритъ о путешествіи Вейнемейнена въ жилище бога смерти для узнанія трехъ волшебныхъ словъ. Мощные шаманы также предпринимали путешествіе въ Туонелу, ища тамъ мудрости и знанія. О подобныхъ путешествіяхъ говоритъ и лопарская миѳология. „Эти путешествія, говоритъ Іессенъ, предпринимались по двумъ побужденіямъ—или потому, что шаманъ хотѣлъ умолить своихъ умершихъ предковъ и родственниковъ, чтобы они стерегли его оленей, или же шаманъ отправлялся по случаю болѣзни извѣстнаго лица умилостивить души мертвыхъ, чтобы они продлили жизнь больнаго, а не привлекали его къ себѣ“. Передъ подобнымъ путешествіемъ, шаманъ билъ въ бубенъ и ворожилъ до тѣхъ поръ, пока не падалъ въ изнеможеніи, подобно мертвому. Лопари и другіе шаманисты вѣрятъ, что въ это время душа шамана отдѣляется отъ тѣла и переходить въ адъ (2).

У самоѣдовъ существуютъ также сказанія о путешествіи

(1) Кастрена Vorlesungen über die finn. Mithologie.

(2) Кастрена Vorlesungen, стр. 127—147.

въ подземный міръ, для исканія тамъ мудрости и знанія. Мы приведемъ въ сокращеніи одну изъ такихъ легендъ, сообщающую академикомъ Лепехинымъ (1).

„Одинъ самоѣдъ, живучи въ худомъ чумѣ со старухою матерью, соскучился и пошелъ странствовать. На дорогѣ нашелъ онъ два чума; въ одномъ изъ нихъ женился и поживъ нѣсколько времени, отправился дальше. На одномъ холмѣ онъ встрѣтилъ большой камень, отворотивъ который, нашелъ подъ нимъ доску, а подъ доскою лѣстницу; спустившись по ней, онъ дошелъ до жилища подземныхъ духовъ. Повелитель ихъ спросилъ самоѣда о цѣли его прибытія. „Просвѣщенія ищу“, отвѣчалъ странникъ; „скажи мнѣ—какимъ образомъ произошелъ я на свѣтъ?“ Владыка подземнаго міра послалъ его за отвѣтомъ на землю; здѣсь Христосъ разсказываетъ ему о построеніи вавилонской башни, о разсѣяніи народовъ, въ числѣ которыхъ были будто бы и самоѣды. Затѣмъ самоѣдъ снова спустился въ подземелье; повелитель духовъ далъ ему *пензеръ* (шаманскій бубенъ), говоря:—„возьми и употребляй его при нуждѣ, а мы всегда будемъ приходить къ тебѣ на помощь.“ Возвратившись въ чумѣ, самоѣдъ началъ бить въ пензеръ, и вотъ явилось вдругъ множество духовъ, у которыхъ онъ спросилъ: „каково я буду жить?“ Духи отвѣчали: „въ настоящемъ слу- „чаѣ мы ничѣмъ не можемъ услужить тебѣ; когда же ты сдѣлаешься боленъ, то мы готовы будемъ помочь тебѣ.“ Когда самоѣдъ однажды заболѣлъ и съ помощью пензера вызвалъ духовъ, то при одномъ взглядѣ на нихъ, почувствовалъ облегченіе и вышелъ изъ чума. Когда онъ возвратился, то встрѣтилъ въ дверяхъ старуху, держащую бумагу. „Знаешь ли ты меня?“ спросила она у самоѣда. „Незнаю,“ отвѣчалъ онъ. „Какъ же ты не знаешь меня, я вѣдь мать твоя — сыра-земля; помни меня всегда, я много тебѣ дѣлаю добра и буду дѣлать!“

По вѣрованію сибирскихъ татаръ, въ подземномъ мірѣ цар-

(1) Путешествіе, Спб. 1805 г. ч. IV, стр. 294—296.

ствуютъ девять *Ирле-Хановъ*⁽¹⁾, изъ которыхъ одинъ счи-
тается ихъ княземъ или атаманомъ. Его власти подлежать не
одни мертвые, но еще безчисленное множество видимыхъ и не-
видимыхъ служебныхъ духовъ. Въ числѣ этихъ духовъ есть
девятирогое чудовище *Джилбеганъ*, которое Ѣзитъ на со-
рокарогомъ животномъ. Въ одной легендѣ говорится, что Джил-
беганъ выѣзжалъ однажды изъ подземнаго міра и отрубилъ го-
лову богатырю *Комдей-Миріэну*, когда онъ охотился за *черной*
лисицей⁽¹⁾. Послѣ этого Джилбеганъ возвратился въ царство
Ирле-хановъ и унесъ съ собой голову богатыря. Сестра по-
слѣдняго, *Кубайко*, рѣшилась идти въ подземное царство за го-
ловой брата. По слѣдамъ Джилбегана она дошла до пещеры,
черезъ которую спустилась во владѣнія Ирле-хановъ. Здѣсь
встрѣтила она много чудесныхъ вещей. На дорогѣ видѣла она
семь глиняныхъ кружекъ и старуху, переливавшую молоко изъ
одной кружки въ другую. Немного дальше, на песчаной рав-
нинѣ, стояла привязанная лошадь, хотя не было кругомъ ни
травы, ни воды, но лошадь была тучна и сильна. Дальше, на
зеленомъ и орошенномъ водою лугу, стояла другая, тощая и
хилая лошадь. Въ одномъ мѣстѣ рѣка была запруженна полу-
виной человѣческаго тѣла, между тѣмъ, какъ въ другомъ мѣстѣ,
цѣлыя тѣла не могли запрудить подобной же рѣки. Полная
ужаса, Кубайко прошла мимо всѣхъ этихъ предметовъ и встрѣ-
тила дѣвушку, которая привѣтствовала ее и сказала, что она
принадлежитъ землѣ свѣта. Она пришла въ подземный міръ
для спасенія своего брата, но когда достигла жилища Ирле-
хановъ, то услышала сильные удары молота, испугалась ихъ
и рѣшилась возвратиться на бѣлый свѣтъ. Она дала Кубайко

(1) Одного корня съ буддійскимъ Эрлинг и бурято-шаманскимъ Эр-
ленг.

(2) Черная лисица по татарской міѳологии принадлежитъ подзем-
ному міру; въ татарскихъ поэмахъ она представляется дочерью адскаго
божества Изитъ-хана (Этнограф. Сборн. вып. IV, с. 108).

шелковый платокъ для передачи брату ея *Канмирену*, чтобы онъ, если горить въ огнѣ, то обтирали этимъ платкомъ потъ. Дѣвушки разстались. Кубайко все дальше и дальше проникала во внутренность подземного царства и встрѣтила чудеса, еще удивительнѣйшія прежнихъ. Удары молота слышались все сильнѣе и сильнѣе, и скоро Кубайко увидѣла, что сорокъ человѣкъ ковали, другіе сорокъ дѣлали пилы, а еще сорокъ — приготавляли клещи. Идя по слѣдамъ Джилбегана, Кубайко пришла на берегъ рѣки, текшой при подножіи высокой горы; на берегу этой рѣки стояло жилище Ирле-хановъ⁽¹⁾, — каменный, сорокаугольный домъ⁽²⁾. Передъ входомъ въ него стояло девять листвяницъ, росшихъ на одномъ корнѣ. Къ одному изъ деревьевъ были привязаны лошади Ирле-хановъ. Кубайко увидѣла на одномъ деревѣ слѣдующую надпись: „когда Кудай сотворилъ небо и землю, тогда явилось и это дерево, и до сихъ поръ ни одинъ человѣкъ, ни одно животное не подходили живыми къ этому дереву.“ Прочитавъ надпись, Кубайко вошла въ жилище Ирле-Хановъ и затворила за собою дверь; внутри было темно, и Кубайко заблудилась. Она почувствовала, что ее хва-таютъ невидимыя руки, цѣпляются за ея платье, дергаютъ и терзаютъ её. Она пыталась поймать своихъ мучителей, но напрасно — они не имѣли тѣла! Кубайко закричала, тогда отворилась дверь, просвѣтлѣло и вышелъ атаманъ Ирле-Ханъ. Онъ спасъ Кубайко и пошелъ назадъ, не говоря ни слова; дѣвушка слѣдовала за нимъ; она шла по многимъ покоямъ, которые были пусты и ждали обитателей; за тѣмъ шла она по другимъ, наполненнымъ людьми, покоямъ. Въ одномъ изъ нихъ сидѣли

⁽¹⁾ Подобнымъ образомъ и Вейнемейнеръ, во время своего путешествія по Туонелѣ, пришелъ на берегъ рѣки, при которой возвышалась скала въ на ней стояла жилище самого Туони. (*Kalevala, rune XVI, vers 151*).

⁽²⁾ По словамъ бурята, адъ имѣеть сорокъ угловъ, сорокъ дверей и сорокъ отдѣленій.

старухи и пряли лёнъ; въ другомъ были тоже старухи, но они ничего не дѣлали, а, казалось, хотѣли что-то проглотить, чего они не могли разжевать. Въ слѣдующемъ покоѣ сидѣли женщины среднихъ лѣтъ, на шеѣ и рукахъ у нихъ были камни, которыхъ они не могли пошевелить. Четвертая комната была наполнена мужчинами, съ кольцами на шеѣ, на которыхъ висѣли огромные деревья. Въ пятомъ отдѣлѣніи Кубайко увидѣла прострѣленныхъ мужей, вооруженныхъ стрѣлами и луками; они бѣгали съ крикомъ и воемъ. Та же бѣготня, тѣ же крики и вопли встрѣтили дѣвушку въ шестомъ покоѣ, занятомъ мужчинами, которые ранили себя ножами. Вошедши въ седьмой покой, Кубайко увидѣла бѣшенную собаку и укушенныхъ ею людей, то же бѣщенныхъ и разсвирѣпѣвшихъ. Въ восьмомъ отдѣлѣніи, мужъ и жена лежали подъ одѣяломъ, спитымъ хотя и изъ девяти овечьихъ шкуръ, но покрывавшимъ только одну половину. Въ девятомъ, мужъ и жена лежали подъ одѣяломъ, сдѣланымъ только изъ одной шкуры, и тѣмъ не менѣе, обѣ половины были покрыты. Наконецъ, Кубайко вступила въ десятое отдѣлѣніе, обширное какъ степь. Здѣсь сидѣли восемь Ирле-Хановъ, къ которымъ присоединился и самъ атаманъ, шедшій съ Кубайко. Дѣвушка преклонилась передъ Ирле-Ханами и спросила — на какомъ основаніи, подвластный имъ духъ Джилбеганъ отрубилъ и унесъ голову ея брата? Ирле-Ханы отвѣчали, что это сдѣлано по ихъ приказанію. Они согласились возвратить голову только въ томъ случаѣ, если Кубайко сможетъ вытащить изъ земли семирогаго барана, такъ глубоко вросшаго въ землю, что виднѣлись одни рога. Предпріятіе было опасно, и Ирле-Ханы говорили Кубайко, что она сама можетъ лишиться своей головы; но дѣвушка не испугалась, и Ирле-Ханы пошли изъ покоя, взавши ее съ собой. Они вели ее черезъ девять отдѣлѣній, наполненныхъ человѣческими тѣлами, въ числѣ которыхъ Кубайко увидѣла голову своего брата; она остановилась и заплакала. Но Ирле-Ханы повели ее въ десятый покой, гдѣ былъ закопанъ баранъ. Здѣсь они велѣли Кубайко приступить къ

дѣлу. Она принялась тащить барана и скоро взвалила его на свои плечи. Тогда Ирле-Ханы упали къ ногамъ Кубайко, отдали ей голову брата и проводили ее изъ своего жилища. На дорогѣ они спрашивали — не можетъ ли она, столь сильная богатырша, дать имъ совѣтъ, какъ сжечь богатыря Канмиргэна, который давно уже горить въ огнѣ, но сгорѣть не можетъ. Кубайко захотѣла посмотретьъ его, и Ирле-Ханы повели ее снова черезъ девять покоевъ, въ которыхъ ковали кузнецы; въ десятомъ жарился Канмиргэнъ. Кубайко воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы передать богатырю платокъ отъ его сестры, и просила Ирле-Хановъ освободить Канмиргэна, потому что онъ человѣкъ честный и мучится невинно. Отсюда пошли они дальше и ханы проводили Кубайко до выхода изъ подземного міра. Дорогою, по просьбѣ дѣвушки, Ирле-Ханы объясняли ей чудеса своего царства. „Старуха, которая переливаетъ молоко изъ кружки въ кружку, угощала на землѣ своихъ гостей молокомъ, смѣшаннымъ съ водою; въ наказаніе за это, она должна цѣлую вѣчность отдѣлять воду отъ молока. Половина тѣла, которымъ запруженая рѣка, не терпитъ наказанія; она принадлежитъ мудрому человѣку, который могъ запруживать рѣки и исполнять все, что ни захотѣлъ. Половина трупа его лежитъ для напоминанія проходящимъ, что умный человѣкъ, лишившись даже своихъ членовъ, можетъ совершать великия дѣла своимъ разумомъ. Цѣлые же тѣла, которые не могли запрудить рѣки, должны напоминать, что одною физическою силою, человѣкъ не можетъ сдѣлать ничего. Эти тѣла принадлежали сильнымъ, но не умнымъ людямъ. Жирная лошадь на песчаномъ лугу, служить доказательствомъ, что предусмотрительный человѣкъ и при дурномъ пастбищѣ можетъ хорошо содержать лошадь; напротивъ, тощая лошадь на зеленомъ лугу, показываетъ, что животное и на хорошемъ пастбищѣ будетъ дурно, если оставлено безъ присмотра“. Кубайко спросила: „что за существа схватили меня въ темномъ покоѣ, драли мое платье, мучили меня и не имѣли тѣла?“ Ирле-Ханы отвѣчали: „это наши

служебные, невидимые духи, которые вредятъ злымъ и могутъ умертвить ихъ; отъ добрыхъ же людей они держать себя далеко и не могутъ причинить имъ зла. Женщины, которыхъ прядутъ въ первой комнатѣ, осуждены зато, что пряли на земль послѣ солнечнаго захода, хотя и запрещено заниматься въ это время какою-бы то ни было работою. Сидящія во второмъ отдѣленіи, получали на земль нитки для наматыванья на клубки, но дѣлали клубки пустыми внутри и воровали пряжу. Теперь они осуждены мотать эти клубки, но такъ какъ это невозможно, то клубки будутъ вѣчно сидѣть въ ихъ горлѣ. Молодыя женщины, которыхъ сидѣть въ третьемъ отдѣленіи съ камнами на шеѣ и рукахъ, клали камни въ масло, чтобы прибавить ему вѣсу. За это цѣлую вѣчность, они должны носить тяжелые камни. Мужчины съ кольцами на шеѣ, повѣсились изъ за пресыщенія жизнью. Прострѣленные мужчины въ пятомъ отдѣленіи, также самоубійцы, застрѣлившіеся изъ за несогласія съ женами. Равнымъ образомъ, самоубійцы и раненые мужчины въ шестомъ отдѣленіи; они въ пьяномъ видѣ зарѣзались ножами. Обитатели седьмаго покоя страдаютъ за то, что были неосторожны передъ бѣшенными собаками и укушены ими. Въ восьмомъ покоѣ лежать супруги, которые на земль жили несогласно и каждый старался только о своихъ выгодахъ; они осуждены вѣчно ссориться за одѣяло, которое при согласіи было бы болѣе, чѣмъ достаточно для обоихъ. Лежащіе въ девятомъ отдѣленіи супруги, могутъ служить примѣромъ того, что и малымъ имѣніемъ будутъ довольны супруги, если только будетъ между ними миръ и согласіе. Они не несутъ никакого наказанія, а лежать для того, чтобы при видѣ ихъ, злыѣ еще болѣе чувствовали свое наказаніе⁴.

Выслушавъ все это, Кубайко простилась съ Прле-ханами и возвратилась съ головою своего брата ва бѣлый свѣтъ. Она отыскала трупъ брата и начала плакать, что не можетъ возвратить ему жизни. Кудай сжалася надъ дѣвушкой и далъ ей живой воды. Кубайко вспрыснула этой водой трижды губы

своего брата,— Комдей Миргенъ ожилъ и получилъ прежнюю силу⁽¹⁾.

Съ распространениемъ между шаманистами христіанскихъ, буддійскихъ и мусульманскихъ вѣрованій и сказаний, ученіе объ адѣ, нѣсколько измѣняется. У бурятъ и якутовъ, напр., подземный міръ есть почти совершенно то же, что христіанскій адъ, въ которомъ мучатся грѣшники, а праведники, въ особомъ отдѣленіи, въ раѣ, блаженствуютъ. Самый колоритъ этихъ сказаний и подробности, заимствованы большою частью современныхъ шаманистовъ извѣтъ, преимущественно отъ христіанъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Священные животные, идолы и амулеты.

Мы видѣли уже, что поклоненіе горамъ, деревьямъ, камнямъ почти совершенно потеряло характеръ фетишизма, и шаманисты почитаютъ эти предметы священными, только какъ мѣстопребыванія извѣстныхъ духовъ. Тоже должно сказать объ идолахъ и священныхъ животныхъ: имъ поклоняются не за тѣмъ, что они боги, но потому, что духи благоволили избрать ихъ мѣстомъ своего пребыванія. Впрочемъ нѣкоторые шаманисты въ этомъ отношеніи не вышли еще изъ предѣловъ фетишизма. А что въ древности священные животные считались дѣйствительными божествами, это видно, напр., изъ древне-финской миѳологии. Между священными животными древнихъ финновъ первое мѣсто занимаетъ медведь,— „яблоко лѣса“, „гордость трущобы“. Ему приписывали финны человѣческий умъ и двѣнадцать человѣческихъ силъ. Вотъ что говорятъ руны⁽²⁾ о

⁽¹⁾ Это сказание переведено нами изъ Vorlesungen über die finnische Mithologie, A. M. Кастрена.

⁽²⁾ Kalevala, rune XLVI, v. 355—458.

происхождении медведя: дочь воздуха странствовала въ небесныхъ пространствахъ на облакѣ: она держала въ рукахъ корзину съ шерстью. Шерсть упала въ воду и вѣтеръ прибилъ ее къ лѣсу, богатому медомъ. „Хозайка лѣса“ взяла шерсть и положила ее въ прекрасную кленовую колыбель, которую повѣсила золотою нитю на вѣтвь цвѣтущей пихты. Здѣсь зачался и выросъ прекрасный медведь. „Хозайка лѣса“ не хотѣла давать дитяти зубовъ, но медведь клялся, что онъ не будетъ злоупотреблять ими,—и она дала ему зубы. Медведь не сдержалъ клятвы,—и за это люди убиваютъ его. Однакожъ это считается преступленіемъ и въ честь убитаго устраивается празднество ⁽¹⁾. Преслѣдуя и убивая медведя, финнъ поетъ пѣсни, въ которыхъ извиняется передъ нимъ въ своей жестокости ⁽²⁾. Убитаго медведя дѣлять, варять и ёдять тоже съ пѣснями, но уже на два хора, которые поютъ поперемѣнно. Вотъ одна изъ этихъ пѣсенъ ⁽³⁾: „тише старики,тише бабы,тише и вы—вы, старые герои! Прочь мальчишки изъ сѣней, прочь дѣвушки отъ дверей! Добрый пришелъ въ горницу, счастливый убить! Приди сюда, мой сынокъ, изъ бѣдной земли сѣвера!“..

У древнихъ финновъ были и священныя птицы. Такъ, во время первого странствованія Вейнемайнена, прилетѣлъ *орелъ изъ Туріи*, сѣль къ нему на колѣна, свилъ гнѣздо и снесъ яйца. Изъ этихъ яицъ божественный пѣвецъ сотворилъ солнце и луну, землю и звѣзды ⁽⁴⁾. Кукушка, своимъ крикомъ способствующая, по вѣрованію финновъ, плодородію земли, и крохаль, предчувствующая грозу и предсказывающая о ней свой пѣніемъ, считались священными птицами ⁽⁵⁾. Подобнымъ же уваженіемъ пользовалась пчела; шаманъ призывалъ ее въ

⁽¹⁾ Kastren Vorlesungen, стр. 202.

⁽²⁾ Я. Гриммъ о финск. Эпосѣ. Журн. М. Н. Пр. ч. XLIX, с. 176.

⁽³⁾ Eckerman, Religionsgeschichte. Band IV, стр. 189.

⁽⁴⁾ Гриммъ, о финскомъ эпосѣ. стр. 159.

⁽⁵⁾ Кастрена Vorlesungen, стр. 201.

своихъ молитвахъ, какъ могущую дать спасительное средство въ извѣстныхъ случаяхъ⁽¹⁾. У нынѣшихъ лопарей особенно уваженіемъ пользуются змѣи. О нихъ рассказываютъ, что они живутъ въ общинахъ, управляясь своими законами и обычаями. Въ каждой общинѣ есть начальникъ и покорные ему служители. Разъ въ годъ, въ опредѣленномъ мѣстѣ, змѣи собираются на сеймъ; каждый подчиненный имѣеть здѣсь право высказывать свои жалобы начальнику. Начальникъ не только чинить судъ и расправу надъ змѣями, но опредѣляетъ наказанія людямъ и другимъ тварямъ, умертвившимъ или оскорбившимъ кого-нибудь изъ его подчиненныхъ⁽²⁾.

Буряты и якуты считаютъ священными лошадей, посвященныхъ духамъ. Кромѣ того, якуты почитаютъ бѣлогубыхъ жеребцовъ, подъ видомъ которыхъ живетъ въ улусѣ и хранить его отъ несчастій эсхеитѣ—духъ-посредникъ между людьми и небожителями. О бурятскомъ Буха Ноенѣ (*порозъ*) мы уже говорили. Къ числу священныхъ животныхъ у бурятъ принадлежать лебеди, вороны, коршуны, гагары, орлы. Духи принимаютъ иногда видъ этихъ птицъ, почему они и называются эжитей шобутѣ—„птицами, имѣющими Владѣтеля.“ Такъ напр., экъ-юренъ, равно какъ и якутская кубей хатунъ, спускались въ древности на землю въ видѣ лебедя. Эту птицу якуты и буряты не смѣютъ бить и раззорять ея гнѣзда. „Одинъ охотникъ,—говорить бурятская легенда—раззорилъ гнѣздо лебедя и принесъ дѣтенышъ его домой. Лебедь, въ отмщеніе за это, сжегъ весь улусъ, принесши горящую головню во рту и бросивъ ее на крышу дома.“ Духъ элье является людямъ подъ видомъ коршуна. Гагара участвовала въ твореніи міра. Всѣхъ этихъ птицъ буряты и якуты не употребляютъ въ пищу и не смѣютъ пугать ихъ; иначе эжинъ птицы нашлетъ какое-нибудь несчастіе. По этому, когда летить надъ юртою лебедь или орель,

(1) Кастренъ. Kalevala, гипе XV, vers 393.

(2) Кастрена путешествіе, стр. 236.

то шаманисты плещутъ вверхъ молоко или вино, въ жертву пролетающей птицѣ. Полевые черви считаются у бурятъ существами личными. Они раздѣляются на нѣсколько царствъ, изъ которыхъ каждымъ владѣеть особый государь. Эти цари вступаютъ иногда между собою въ войну; пришедши во владѣнія непріятелей, черви стараются подъѣдать хлѣбные корни и тѣмъ стараются нанести вредъ враждебному царству.

Камчадалы почитаютъ многихъ животныхъ: медвѣдей, волковъ, тюленей, китовъ, и имѣютъ идовъ всѣхъ этихъ животныхъ. Голову убитаго медвѣдя вѣшаютъ на дерево и поклоняются ей, равно какъ и головѣ убитаго тюленя, въ честь которой устраивается праздникъ и приносится жертва (¹). Кроме того, уважаются мыши. Онѣ кочуютъ въ Камчаткѣ съ мѣста на мѣсто и иногда на нѣсколько лѣтъ исчезаютъ съ полуострова; это считается худымъ предзнаменованіемъ ненастія и неудачныхъ звѣриныхъ промысловъ. Напротивъ, возвращеніе мышей считается до того благопріятнымъ предзнаменованіемъ, что туземцы разсылаютъ другъ къ другу извѣстія о приходѣ мышей, какъ о событии весьма важномъ и радостномъ. Когда мыши уходятъ съ Камчатки, то камчадалы говорятъ, что онѣ уплыли за море, на ловлю звѣрей. Судами мышей считаются раковины, которая поэтому и зовутся *мышиными байдарами* (²).

Ящерицы считаются за шпіоновъ, посланныхъ подземнымъ владыкой съ тѣмъ, чтобы извѣщали его, кому человѣку пора умереть. Если камчадалъ увидитъ ящерицу, то убиваетъ ее и растерзываетъ на части; а случится ей уйти отъ своего предѣдователя, опъ впадаетъ въ тоску и отчаяніе, каждый часъ ожидая смерти (³).

Выдра почитается особенно у колошай. Готовящейся въ шаманы уходитъ въ лѣсъ; духи посылаютъ ему выдру, которую

(¹) Описаніе Камчатки, томъ II, стр. 266.

(²) Ibid. т. II, стр. 228, 229.

(³) Ibid. стр. 350.

онъ убиваетъ однимъ звукомъ *о*, вырѣзываетъ у ней языкъ и кладеть себѣ въ ротъ. Это одно изъ самыхъ необходимыхъ средствъ пріобрѣтенія дара предсказаний⁽¹⁾.

Идолы и разные священные амулеты известны у монголо-бурятовъ подъ именемъ *онгоновъ*. Католические миссіонеры среднихъ вѣковъ рассказываютъ о монголахъ, что они имѣли одного общаго идола, держали его въ большой чести, молились ему и приносили жертвы. Дѣлать другихъ идоловъ считалось преступленіемъ, соединеннымъ съ опасностью жизни. Упомянутый идолъ стоялъ посреди юрты, ему приносили въ жертву кобылье молоко и другіе роды пищи. Если убивали животное, то сердце его клали передъ идоломъ и оно лежало тутъ до слѣдующаго дня. Передъ шатромъ хана стоялъ тоже драгоценный идолъ, ему посвящали лошадей, которыхъ съ тѣхъ поръ считались священными и не употреблялись на работу⁽²⁾.

Въ настоящее время у бурятъ не всѣ духи имѣютъ онгновъ, а только нѣкоторые, большую частью души знаменитыхъ шамановъ и шаманокъ. Онгоны дѣлаются шаманами изъ дерева, жести, овчьеи шкуры. Деревянные идолы имѣютъ нѣкоторое подобіе человѣка, голову, руки, ноги, глаза изъ свинца или коралловъ. На звѣриныхъ же шкурахъ шаманы красной краской малюютъ человѣческую фигурку, вставляютъ оловянные или свинцовые глаза, или просто намазываютъ на овчинной мездрѣ жиромъ носъ, ротъ, глаза. Эти кожанные идолы называются *золо-заямче* — „судьба-счастіе.“ Есть еще у бурятъ идолы Буха Ноена, эжиновъ солнца и луны. Изображенія послѣднихъ состоять изъ деревянныхъ кружковъ, обитыхъ красною шелковой матеріей. Одни изъ онгоновъ висятъ по стѣнамъ юрты, другіе лежать въ ящикѣ. На стѣнѣ юрты виситъ еще особаго рода онгонъ — деревянный ящичекъ и въ немъ

(1) Шаманство, Н. Щукина въ приблѣж. къ Ж. М. Н. П. 1846 г.

(2) Deguines, übersetzt von Dähnert, theil III, S. 7.

шкуры бурундука, бѣлки, горностая; шаманъ читаетъ надъ этимъ ящичкомъ заклинаніе,—и онъ становится онгономъ.

Онгоны заводятся въ юртѣ по волѣ духовъ, возвѣщаемой шаманомъ. Сначала заводятъ только трехъ онгоновъ, а черезъ нѣсколько времени остальныхъ. Заведеніе этихъ идоловъ стѣть бурятамъ не малыхъ издержекъ, потому что при этомъ бываютъ кобылу и устроютъ празднество. Онгоны имѣютъ благотельное вліяніе на хозяевъ, охраняя ихъ юрту и имущество; но по смерти хозяевъ они бываютъ вредны оставшемуса послѣ нихъ потомству, почему новые жильцы юрты выносятъ ихъ въ поле и, принесши въ жертву барана или лошадь, сожигаютъ идоловъ. Этотъ обрядъ называется *онотъ харюлана*, „возвращеніе онгоновъ.“

Идолы якутовъ имѣютъ видъ небольшихъ болванчиковъ, вырѣзываются изъ дерева и обшиваются берестой по два и по три вмѣстѣ.

Идолы пользуются у бурятъ и якутовъ большимъ уваженіемъ. Если же бурять не имѣть онгоновъ или не оказываетъ имъ должнаго почтенія, то духи насылаютъ разныя несчастія на его семейство. Если кто, говорятъ шаманы, наступить на онгона, то духи лишаютъ его жизни. Извѣстія, сообщаемыя многими этнографами, будто бы буряты сѣкутъ своихъ идоловъ, ложны.

Идолы тунгусовъ, называемые *шовоки*, бываютъ изъ дерева, желѣза, олова; дѣлаются и освящаются они шаманомъ. Одни изъ нихъ представляютъ духовъ, другіе — тѣла небесныя, треты — животныхъ. Идолъ солнца состоитъ изъ деревяннаго или жестянаго изображенія человѣческаго лица. Жестяные идолы называются *таненг*. Кроме человѣческихъ изображеній планетъ и духовъ, изъ жести дѣлаютъ изображенія медвѣдей, львовъ, рыбъ, лебедей. Каменные идолы — камни, неопределенной формы въ которыхъ воображеніе шамана находить подобіе человѣка (¹).

(¹) Georgi, Reise, стр. 279.

У съверныхъ камчадаловъ висятъ въ юртѣ два идола — *хантай* и *ажушакъ*. Хантай имѣеть одну половину, до груди, человѣческую, а вторую рыбью. Ставится онъ подъ очага на годъ; по истечениіи этого срока, дѣлаются другаго хантая и ставить на-ряду со старымъ. *Ажушакъ* — это небольшой столбикъ, съ верхушкою, обдѣланною на подобіе человѣческой головы. Онъ ставится надъ домашнею посудою, хранить юрту и отгоняетъ лѣсныхъ духовъ⁽¹⁾. *Урилыдачъ* — болванчики съ обтесанными головами — дѣлаются для годового праздника, вмѣстѣ съ изображеніями волка и кита, а послѣ праздника сожигаются. Идолъ бога огня *пома*, о которомъ уже говорено. *Итуниз* — идолъцы, дѣлаемые въ упомянутой празднике и втыкаемые въ потолокъ. Идолъ *байбаянай* вырѣзывается на деревѣ передъ началомъ звѣриной ловли; ему приносять въ жертву животное и кровью его мажутъ лицо идола, желая при этомъ, чтобы промышленники видѣли на охотѣ кровь каждый день⁽²⁾.

Объ идолахъ самоѣдовъ, остыковъ и другихъ шаманистовъ, мы не говоримъ, потому что сущность идолопоклонства одна и та же у всѣхъ шаманистовъ, разница только въ названіяхъ да въ мелкихъ частностяхъ, которыми растягивать нашу статью намъ не хочется.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Шаманы, священные обряды, кудесничество.

Жрецы разматриваемой нами религіи, известны подъ именемъ *шамановъ*. Это слово происходитъ отъ манджурскаго *саманъ*, корень которого *сам* даетъ нѣсколько монгольскихъ и манджурскихъ словъ; напр. мандж. *сам-арамби* — возмущать,

⁽¹⁾ Крашенинниковъ, т. III, стр. 27.

⁽²⁾ Ibid., т. II, стр. 258.

биться, монг. *сам-оромой* — то же, *сам-ау* — возмущившийся, мандж. *сам-дамби* (¹) — плясать. Вообще, значение этих словъ означаетъ тревожное, беспокойное состояніе, а *саманъ* или *шаманъ* означаетъ человѣка взволнованнаго, изступленнаго, скакуЩаго (²) *).

Слово *шаманъ* употребляется изъ послѣдователей шаманства только бурятами, тунгусами и якутами, прочие же шаманисты имѣютъ свои названія шамановъ — самоѣды зовутъ ихъ *тадибей*, чуваши—*юмза*, монголы—*боог* или *бб*, тибетцы — *хлаба* и т. д.

Шаманы являются еще въ глубокой древности; уже при Шакьямуни они были на верху своей славы, какъ свидѣтельствуетъ буддійская книга *Умперунѣ-Далай*. При появленіи буддизма, шаманы должны были выдержать упорную борьбу съ его проповѣдниками. Шакьямуни объявилъ себя противникомъ всѣхъ шамановъ и осудилъ ихъ на погибель. Будучи на одномъ состязаніи съ представителями *Черной Вѣры*, Шакьямуни рѣшилъ ихъ участь однимъ мановеніемъ руки, — едва коснулся онъ своего сѣдалища, — оно потряслось, раздался дикий голосъ, похожій на ревъ слона; явились изъ земли духи и начали по-

(¹) Не сюда ли нужно отнести происхожденіе самоѣдскаго *самбадава* — колдовство, кудесничество?

(²) Черная Вѣра, Банзарова; стр. 104 и 105.

*) Не знаю, почему не производить название *саманъ* или *шаманъ*, отъ китайскаго *ша-мынь*, въ свою очередь искаженнаго, изъ санскритскаго *шраманъ* — общаго названія буддистовъ. Буддизмъ явился въ Китаѣ въ началѣ IV столѣтія, и первые его жрецы были кудесники. Вліяніе Китая на Сѣверо-Восточную Азію не сомнительно; если и говорить, что шаманство и буддизмъ не одно и тоже, то все же можно предположить, что здѣсь название *шаманъ* заимствованное. При томъ въ буддизме такъ много толкуется о чарахъ, что скорѣе допустить, что шамансkie обряды представляютъ искаженные остатки древняго буддизма, занесеннаго въ Сѣверо-Восточную Азію за-долго до Чингасхана. Эти остатки встрѣтились враждебнопотомъ съ возобновленнымъ буддизмомъ. Пр. В. П. Васильева.

рижать шамановъ. Несчастные искали спасенія въ бѣгствѣ, но рѣка преградила имъ путь и погибель ихъ сдѣлалась неизбѣжною. Изъ шести сотъ тысячъ уцѣлѣло только двѣсти шамановъ; они то разсѣявшись по міру, служили орудіемъ тѣхъ понятій о Черной Вѣрѣ, которая до сихъ поръ удерживаются ея послѣдователями (1).

Нынѣшніе шаманисты представляютъ древнихъ шамановъ гораздо выше современныхъ. Отчего же шаманы дѣлаются все хуже и хуже, на это отвѣтаетъ слѣдующая легенда, записанная нами отъ балаганскихъ бурятъ. „Первый шаманъ назывался *Хара Гыргенъ*. Это былъ знаменитѣйший изъ шамановъ, — для него все было возможно — и мертваго воскресить, и бѣднаго обогатить. Богъ, видя такое могущество Гыргена и опасаясь, какъ бы онъ впослѣдствіи невоспротивился ему, пожелалъ испытать его. Для этой цѣли онъ взялъ душу одной богатой дѣвицы. Когда она сдѣлалась отчаянно больна, вслѣдствіе взятія души, то отецъ ея обратился къ упомянутому шаману съ просьбою — исцѣлить больную. Собравши всѣ свои силы, Хара Гыргенъ сѣлъ на бубенъ и полетѣлъ по сводамъ небеснымъ и по всему пространству ада преисподняго, отыскивая душу дѣвицы. Вдругъ, онъ видѣлъ ее въ бутылкѣ на столѣ у Бога, а бутылку Богъ заткнулъ пальцомъ правой руки, чтобы душа не выскочила. Хитрый шаманъ превратился въ желтаго паута и сильно ужалилъ Бога въ правую щеку, такъ что онъ отъ боли, схвативъ правою рукою щеку, выпустилъ изъ бутылки душу. Шаманъ воспользовался этимъ и возвратилъ душу умиравшей дѣвицѣ. Но разгневанный Богъ ограничилъ могущество Хара Гыргена, и съ тѣхъ поръ шаманы стали все хуже и хуже.“

Подобную же легенду рассказываютъ самойды о великомъ

(1) Эта легенда, конечно не имѣющая исторической достовѣрности, находится въ Улшерунѣ *Далай*, изъ которой переведена А. Ниломъ въ его *Буддизмъ*; стр. 219—227. Нами она сокращена.

тадибъ Уріеръ, который, будучи недоволенъ земною жизнью, вознесся на небо. Послѣ него не было уже такихъ великихъ тадибовъ (1).

Шаманы въ настоящее время не составляютъ отдельного сословія или касты, но въ древности это званіе принадлежало известнымъ фамиліямъ и было наследственно. Остатки такого порядка сохранились до сихъ поръ. Нынѣ у бурятъ только тотъ можетъ быть шаманомъ, кто имѣеть шамана между своими предками, для чего, поступающій на эту должность, обязанъ объявить всю свою родословную по отцовской линіи. У остыковъ до нынѣ шаманы передаютъ своимъ дѣтямъ свой сань и обязанность. Бездѣтные уступаютъ свою должность друзьямъ или воспитанникамъ. У колошай шаманство почти всегда наследственно. Потомки шамановъ у бурятъ могутъ безъ посвященія приносить жертвы и умолять духовъ, между тѣмъ какъ не имѣющіе въ своей фамиліи шамановъ, подвергаются за это опасности — подпасть гнѣву духовъ и даже лишиться отъ нихъ жизни. Все это утверждаетъ нась въ томъ мнѣніи, что шаманы составляли нѣкогда касту, сословіе.

Одни изъ шамановъ призываются, по ихъ словамъ, на это служеніе духами и называются *дѣйствительными*; другие поступаютъ на шамансскую должность безъ всякаго призванія свыше и называются *ложными*. Еще шаманы дѣлятся у бурятъ на *бѣлыхъ* и *черныхъ*; первые служатъ добрымъ духамъ, а послѣдніе — злымъ. Бѣлые находятся всегда въ непримиримой враждѣ съ черными, отличающимися звѣрскимъ характеромъ. Буряты рассказываютъ, что бѣлые и черные сражаются между собою, бросая другъ въ друга топорами на сто верстъ и болѣе. Вражда эта обыкновенно кончается смертью одного изъ противниковъ. Побѣда остается большою частью на сторонѣ того, кто имѣеть больше и знаменитѣе предковъ-шамановъ. Послѣдніе въ этомъ, равно какъ и въ другихъ важныхъ слу-

(1) См. Этнogr. Сборникъ, вып. IV, стр. 298.

чаяхъ, ходатайствуютъ за своего потомка передъ духами, отчасти и сами помогаютъ ему.

Теперь намъ слѣдуетъ говорить о посвященіи въ шаманы; нужно впрочемъ замѣтить, что у манжуровъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ, шаманы принимаютъ свою должность безъ всякихъ обрядовъ посвященія (¹).

Многіе изъ шамановъ призываются, по ихъ словамъ, на это служеніе духами. Признаками такого призванія служать—явленіе самихъ духовъ или умершихъ шамановъ, частые обмороки, головокруженія, способность угадывать будущее, предсказаніе шамановъ, что такой-то ребенокъ долженъ быть по волѣ духовъ шаманомъ, или, наконецъ, особенные, чудесныя явленія. Такъ напр., тунгусы вѣрять въ сверхъестественное призваніе къ шаманскому служенію. Ребенокъ, у которого изъ носа или рта течетъ кровь, назначается въ это званіе духами и берется шаманомъ для воспитанія. Этого и достаточно у нѣкоторыхъ народовъ, чтобы быть шаманомъ, у другихъ же считается необходимымъ обрядъ посвященія, а иногда нѣкоторые тѣлесные подвиги и пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ средствъ, открывающихъ новому шаману міръ духовъ. У колопей, желающей поступить въ шаманы, уходитъ въ лѣса и живеть тамъ до тѣхъ поръ, пока явится къ нему духи и, главный изъ нихъ пошлетъ выдру. Онъ убиваетъ ее однимъ словомъ *о!*, произнесеннымъ на разные лады четыре раза. Выдра опрокидывается на спину и умираетъ, высунувши языкъ. Шаманъ вырѣзываетъ у нея языкъ, кладетъ его въ особенную коробочку и прячетъ въ какомъ-нибудь потаенномъ мѣстѣ. Если случится найти эту коробочку кому-нибудь изъ непосвященныхъ, то онъ сойдетъ съума. Шкура съ выдры снимается и навсегда остается при шаманѣ, какъ признакъ его должности. Шаманъ, которому не явились ни духи, ни выдра, идетъ на могилу шамана и спить тамъ,

(¹) Китай, соч. Іакинеа, ч. IV, стр. 56.

(²) Georgi, Beiträge ein. Reis., стр. 286.

или отрѣзываетъ у мертваго мизинецъ, вынимаетъ зубъ, — и держить во рту, пока явятся духи (1).

У бурятъ, готовящійся въ шаманы, приглашаетъ себѣ въ наставники пожилаго и опытнаго шамана и, подъ его руководствомъ, знакомится съ миѳологіей. За три или за четыре дня до совершеннія обряда посвященія, готовящійся съ девятью избранными товарищами и со старымъ шаманомъ, ъздить по своему и окрестнымъ улусамъ, на верховой лошади, держа въ рукахъ длинную березовую вѣтвь. Съ нею онъ останавливается передъ дверьми каждой юрты и вышедшій хозяинъ долженъ привязать къ вѣтви какой-нибудь длинный лоскутокъ. Кромѣ того богачи и родственники будущаго шамана дарятъ его.

Въ день совершеннія обряда посвященія, народъ собирается къ назначенному для этого мѣсту, гдѣ садятъ въ землю девять березъ по три въ рядъ и украшаютъ ихъ шкурами девяти разныхъ животныхъ. Готовящійся сидитъ на войлокѣ передъ березами; старый шаманъ нѣсколько разъ поливаетъ ему голову холоднымъ *тарасуномъ* (2), а товарищи хлещутъ его по головѣ вѣтвями до тѣхъ поръ, пока онъ задрожитъ. Тогда поднимаютъ его на войлокѣ къ березамъ и онъ, уцѣпившись за вѣтви, окружаетъ каждую березу три раза, потомъ съ крикомъ соскачиваетъ на войлокъ, который держатъ его товарищи и поютъ положенный гимнъ.

Этотъ обрядъ совершается не вездѣ одинаково, у нѣкоторыхъ бурятъ и тунгусовъ онъ получаетъ такое измѣненіе: надѣвъ полный служебный нарядъ на себя и на своего ученика, старый шаманъ начинаетъ бѣгать съ нимъ вокругъ девяти бе-

(1) Прибавл. къ Ж. М. Н. П. 1846 г., стр. 50.

(2) *Тарасунъ* — хмѣльной напитокъ изъ молока. Онъ имѣеть священное происхожденіе, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста у Сананъ-Сэцэна: „однажды въ руки утомившагося Темучина, черезъ верхнее отверстие юрты, спустилась чаша съ тарасуномъ. Бывшіе тутъ признали это за даръ неба своему сыну, Чингису.“ (С. Сеценъ, стр. 83.)

резъ, прыгая и напѣвая. Потомъ ловко вскаиваетъ онъ на березу, становится въ приготовленномъ для того уступѣ, усиливаетъ крики и кривлянья; всему этому подражаетъ стоящій внизу его ученикъ. Эта сцена должна по настоящему повторяться девять дней, но по причинѣ сопряженныхъ съ нею хлопотъ и издержекъ, ограничиваются ее обыкновенно тремя днями.

Если ученикъ непонятливъ и не перенимаетъ скоро всего необходимаго для шаманства, то наставникъ приносить жертвы и умоляетъ духовъ открыть разумъ своему питомцу.

До совершения этого обряда и нѣсколько времени послѣ, будущій шаманъ и его наставникъ ходятъ вмѣстѣ, привязанные другъ къ другу шолковымъ снуркомъ за кисти шапокъ. Въ это время готовящійся въ шаманы, долженъ повторять всѣ слова своего ментора и дѣлать тоже самое, что тотъ дѣлаетъ. Но когда развязываютъ снурокъ, соединявший ихъ, тогда новый шаманъ дѣлается уже самостоятельнымъ. Въ это время начинается пиръ, и новый шаманъ долженъ впервые дебютировать въ своей должности, принести жертву, а иногда и предсказать собравшемуся народу о какомъ-нибудь событии.

Обрядъ посвященія въ шаманы, называющійся у бурятъ „омытіе тѣла“ (*бэя улаху*), долженъ повторяться въ жизни шамана до трехъ разъ и каждое омытіе служить повышеніемъ его на степень высшаго служенія. Поэтому только омытый три раза, имѣть право носить при богослуженіи всѣ священныя одежды и символические знаки, напр. желѣзные когти и т. п. Прежде бывали шаманы, омытые трижды и имѣвшіе всѣ священные атрибуты, но нынѣ, когда влияніе шамановъ и уваженіе къ нимъ народы, значительно ослабѣли, обрядъ омытія совершается не болѣе одного раза.

Въ обычной жизни шаманы не имѣютъ никакого внешнаго отличія отъ другихъ лицъ, только у якутовъ они не стригутъ волосъ. При совершении же богослуженія, шаманы надѣваютъ особенные одежды и имѣютъ разные инструменты. Сюда относятся:

1) *Верхний кафтанъ*; у однихъ народовъ онъ шьется изъ сукна, у другихъ—изъ звѣриныхъ шкуръ и увѣшивается разными побрякушками, кольцами, изображеніями миѳическихъ животныхъ.

2) *Личина*; у самоѣдскихъ тадибовъ ее замѣняетъ платокъ, которымъ закрываются глаза и все лицо, потому что тадибъ глядить въ міръ духовъ внутреннимъ зрѣніемъ.

3) *Шапка* считается одною изъ главнѣйшихъ принадлежностей шамана. Тадибей, потерявшій шапку, отвѣчаетъ за нее тадебціямъ своею головою.

4) *Мѣдная или жельзная бляха* на груди.

5) *Бубенъ*—важнѣйшая принадлежность шамана, безъ которой онъ не можетъ ни принести жертвы, ни произвести заклинанія, ни вызвать духовъ. Бубенъ неразлучный спутникъ шамановъ и послѣ ихъ смерти: его вѣшаютъ на шаманскихъ могилахъ.

Бубенъ дѣлается самимъ шаманомъ и у нѣкоторыхъ народовъ изъ извѣстнаго только дерева. У лопарей онъ дѣлается изъ березы, сосны или ели, вѣтви которыхъ должны быть обращены къ сторонѣ солнечнаго заката ⁽¹⁾. Бубенъ всегда круглый и обтянутъ шкурой оленя или какого-нибудь другаго звѣра. На кожѣ, а иногда на самомъ деревѣ, рисуются изображенія солнца, луны, пороза и др. божествъ. Кромѣ силы вызывать духовъ, бубенъ имѣеть еще волшебную силу носить шамана „по высотамъ небеснымъ и по всему пространству ада преисподняго.“ У лопарей и финновъ, шаманскій бубенъ былъ въ большой чести. Его завертывали въ овечью шкуру и хранили въ скрытыхъ мѣстахъ. Въ случаѣ перехода въ новое жилище, бубенъ уносили послѣ всего съ разными церемоніями и устраивали при этомъ праздникъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Eckermann's. Mythologie. Band. IV, стр. S. 138.

⁽²⁾ Поэмы Минус. Татаръ. Этногр. Сборникъ, стр. 88.

⁽³⁾ Eckermann, B IV. S. 140.

Древние шаманы имели не по одному бубну, а по пять-шесть; въ одной татарской легенде говорится: „есть шаманъ о 9 бубнахъ, Баламонъ Камъ, онъ знаетъ все, что дѣлается на свѣтѣ.“¹⁾

6) Палки, которыми бьютъ въ бубенъ.

Шаманы исполняютъ обязанности жреца, лекаря и волхва-предсказателя. Прежде мы поговоримъ о жертвоприношенияхъ, потомъ о лѣчении и, наконецъ, перейдемъ къ волшебству и кудесничеству.

Жертвоприношения.

Жертвоприношения у шамановъ бываютъ общія и частныя, непремѣнныя и случайныя.

Къ числу общественныхъ непремѣнныхъ жертвоприношений относятся такъ называемые *тайманы* (у бурятъ), которые совершаются трижды въ годъ. Первый тайлганъ бываетъ весною и празднуется нынѣ въ честь южныхъ царей. Совершение этого праздника, мы видимъ еще за-долго до Р. Х. Во времена династіи Хунну, народъ собирался ежегодно (въ 5 луну) для жертвоприношения предкамъ, небу, землѣ и духамъ (¹). Рубруквісъ тоже говоритъ, что монголы ежегодно, 9 мая, устраивали большой праздникъ, посвящали богамъ кобылицъ, разливали по землѣ кумысъ (²). Этотъ тайлганъ есть праздникъ обновленія природы и наступленія весны, когда стада приносятъnomadu приплодъ и обильное количество молока. По этому-то монголы собирали кобыль и привязывали ихъ къ веревкѣ, протянутой между двумя столбами. Одинъ изъ присутствующихъ садился верхомъ на кобылу, а другой — на жеребца. Первый обѣзжалъ кругомъ собранное стадо, а послѣдній, взявши сосудъ съ кумысомъ, обливалъ имъ животныхъ; къ гривѣ посвященной лошади привязывали лоскутокъ красной матеріи. Все это дѣлалось по прочтеніи шаманомъ известныхъ молитвъ (³).

(¹) Банзаровъ; Пл. Карпини, гл. XL, стр. 11.

(²) Voyage; Liv. 1; chap. LXV.

(³) Черная Вѣра, стр. 109.

Этотъ праздникъ до нынѣ совершается калмыками, подъ названіемъ *урусъ-сара* и татарами-шаманистами, подъ именемъ *сабанъ*. Буряты же отправляютъ его такимъ образомъ:

Нѣсколько семействъ собираются на жертвенную гору и устраиваютъ тамъ жертвеннікъ; саженяхъ въ двадцати отъ него ставятъ рядами посудины съ кислымъ молокомъ и тарасуномъ, назначенными для возліяній. Немного поодаль стоять жертвенные животныя. Когда всѣ буряты соберутся, шаманъ беретъ *жодо* (¹), обжигаетъ его кончикъ и освящаетъ посуды, открывая ихъ и погружая въ нихъ жодо. Потомъ идетъ къ жертвенному и, обращаясь къ югу, неистово-громко читаетъ на-распѣвъ молитву. Тогда подходятъ къ шаману буряты, назначенные помочь ему, по одному изъ семьи. Они въ правой руцѣ держать чашку съ тарасуномъ, а въ лѣвой — поваренку съ молокомъ. Подошедши къ шаману, буряты три раза повторяютъ *цокъ*, — *цокъ*, — *цокъ*, произнесенное шаманомъ. Послѣдній идетъ мимо своихъ помощниковъ и, мокая жодо въ чашкѣ каждаго, брызжетъ къ югу. Обошедшіи всѣхъ, онъ указываетъ своимъ жодо на небо, а помощники бросаютъ вверхъ свои чашки съ крикомъ: „да будетъ счастіе!“ Когда чашки упадутъ, буряты смотрять, какъ ляжетъ чашка: если вверхъ дномъ, то значитъ въ семействѣ будетъ несчастіе, если же, напротивъ, то — счастіе. Это повторяется трижды. Затѣмъ приступаютъ къ рѣзанью животныхъ, которыхъ шаманъ обливаетъ сперва тарасуномъ, потомъ пореть имъ животъ и, просунувши во внутренность руку, вырываетъ дыхательное горло. Прикоснувшись своимъ жодо къ умирающимъ животнымъ, шаманъ обращается къ югу, говоря: „прими!“ Затѣмъ убивши, снимаютъ съ нихъ кожу, мясо кладутъ въ котель и, немного поваривши, вынимаютъ и дѣлять на три части: одну шаману и старикамъ, другую — приносящимъ семействамъ, третью — посѣтителямъ. Ко-

(¹) Березовая палочка, на концѣ которой находится пихтовая кора, сожигаемая при жертвоприношениі.

сти же, отдѣленныя отъ мяса, посвящаются богамъ⁽¹⁾. Послѣ дележа начинается борьба и конская скачки. Обѣжавшій другихъ, выливаетъ немнога тарасуна на гриву своего коня, а остатокъ подаетъ одному изъ стариковъ. Послѣ скачекъ всѣ идутъ къ пищѣ, єсть которую только теперь шаманъ разрѣшаеть, прочитавши молитву. Наѣвшись и напившись до пьяна, буряты возвращаются домой. Впереди ёдетъ шаманъ, одинъ изъ бурятъ, сопровождающихъ его, держить въ рукахъ горячую головню. За шаманомъ слѣдуютъ буряты на арбахъ или верхомъ; одни кричатъ по волчынѣ, другіе поютъ, иные затягиваютъ пѣсню. Если же это бываетъ во время засухи и въ день тайлгана случится дождь, то радость бурята бываетъ еще неистовѣе.

У якутовъ этотъ весенний праздникъ совершается слѣдующимъ образомъ: на большомъ лугу строятъ шалашъ и даютъ ему коническую форму. Онъ дѣлается изъ тонкихъ жердей и покрывается березовою корою; зеленые вѣтви раскладываютъ по полу и украшаютъ стѣны шалаша; по срединѣ устраивается очагъ. Когда всѣ гости соберутся, старшій изъ шамановъ призываетъ двухъ якутовъ, известныхъ своимъ честнымъ поведениемъ; приказываетъ имъ взять большую чашу, называемую *чоронг* и наполнить кумысомъ *симиро*⁽²⁾. Якуты, ставши лицомъ къ западу, три раза льютъ кумысъ изъ чорона на очагъ, въ жертву Арь-Тоену. Потомъ, повернувшись немного направо, льютъ столько же разъ въ честь Кубей-Хатунъ. Послѣ этого, смотря на югъ, якуты дѣлаютъ возліянія добрымъ духамъ; къ востоку — 27-ми родамъ воздушныхъ божествъ; а къ сѣверу — 8-ми родамъ адскихъ божествъ и душамъ умершихъ шамановъ.

(1) Шаманисты, какъ видно изъ примѣра лопарей, принося въ жертву кости и другіе остатки, вѣрють, что боги облекаютъ эти кости кожею и мясомъ, и такимъ образомъ создаютъ изъ нихъ новое, живое существо. (Eckermann, B. IV. S. 166).

(2) Особеннаго рода сосудъ.

Наконецъ совершается возліяніе въ честь ъэмнаксинъ, послѣ чего шаманъ, обратившись къ западу, произносить благодарственную молитву богамъ и просить ихъ впредь быть милосердыми къ народу. Окончивъ молитву, шаманъ снимаетъ свою шапку и обмахиваясь ею, кричитъ: *уруй, уруй, уруй*, что повторяютъ всѣ присутствующіе. За тѣмъ начинается пиршество, на которое впрочемъ не допускаются женщины и люди съ замаранною честю. Шаманы пьютъ первыми, потомъ чаша обходитъ, по теченію солнца, всѣхъ гостей. Послѣ борьбы и скачекъ, которыми обыкновенно сопровождается этотъ праздникъ, якуты садятся на лошадей, образуютъ полукругъ, пьютъ еще разъ, обращаясь къ солнцу, и возвращаются домой (1).

Телеуты устрояютъ около 20 іюля большое общественное жертвоприношеніе. Для этого собираются въ полѣ и приводятъ трехъ лошадей или коровъ, убивши снимаютъ съ нихъ кожу, а мясо кладутъ въ котлы и варятъ. Потомъ всѣ становятся лицомъ на востокъ и шаманъ, ударяя въ бубень, читаетъ молитву. Затѣмъ начинается пиръ, мясо съѣдаются а кости сожигаются.

Второй тойланъ у бурятъ отправляется въ честь царей водъ и въ честь земли; третій имѣеть цѣллю — поблагодарить духа владѣтеля утуговъ, за хороше сѣнокосы. О послѣднемъ известно, что онъ началъ существовать еще съ древности. Во время династіи Хунну, народы средней Азіи ежегодно осенью приносили жертвы богамъ полей и плодородія (2). Марко-Поло пишетъ, что монголы 28 августа совершали празднество, принося въ жертву богамъ кумысъ и прося ихъ о продолженіи здоровья и жизни. Кромѣ того, шаманы въ тотъ праздникъ приносили въ жертву лошадей, быковъ, козъ; изъ мяса ихъ дѣжалось пиршество для всего народа, сопровождаемое борьбою и

(1) Geographie de W. Guthrie; tom. II; pag. 207 и 208.

(2) Черная Вѣра, стр. 110.

коинскими скачками⁽¹⁾. Обряды, соблюдаемые пыншными монголами-шаманистами, при второмъ и третьемъ тайлганѣ, тѣ же самые, какъ и при первомъ, съ незначительными измѣненіями.

Минусинскіе татары собираются лѣтомъ на гору, обращаются лицомъ къ востоку, сожигаютъ на жертвенникѣ барана и умоляютъ небо, землю и воды — быть милостивыми. День оканчивается пиромъ и играми⁽²⁾.

У камчадаловъ общественное жертвоприношеніе совершается въ ноябрѣ. Прежде всего метутъ юрту и пошептавъ надъ соромъ, выбрасываютъ его. Юрту выстилаютъ сѣномъ, дѣлаютъ изъ соколовъ топоры и обвиваютъ ихъ сладкою травою. Потомъ посылаютъ въ лѣсъ за березами, необходимыми при жертвоприношенніи. До времени принесенія березъ, дѣлаютъ Хантая и другихъ идовъ, потомъ садятся вокругъ очага и шаманъ, взявши въ руку лопату, обвитую травою, говоритъ такую молитву къ огню: „Кутху повелѣлъ намъ приносить тебѣ жертву однажды въ годъ; мы исполняемъ это и просимъ, чтобы ты миловалъ и сохранилъ насть, не причинялъ скорбей и бѣдъ, не дѣлай пожара!“ Эта молитва заключается пляскою вокругъ очага.

Принесенную изъ лѣса березу, взвосятъ на юрту и опускаютъ въ верхнее отверстіе. Находящіеся въ юртѣ съ крикомъ тянутъ березу внизъ, къ себѣ, — но стоящіе на кровлю держать ее. Кончается же тѣмъ, что береза опускается въ юрту. Затѣмъ, сдѣлавши 55 идовъ, мажутъ ихъ брускию, а одна изъ женщинъ приносить сдѣланного изъ травы кита, кото-раго камчадалы тотчасъ разрываютъ на части.

На другой день, праздникъ начинается приготовленіемъ чи-щи и окуриваніемъ юрты жженными ремешками, къ которымъ должны прикоснуться всѣ присутствующіе, а женщины, окуривъ себя и семейство, надѣваютъ эти ремешки на каждого; за тѣмъ окуриваютъ юрту травою. Принесши березовыхъ прутьевъ и

(1) Voyage, Livre 1, chap. LXV.

(2) Ж. М. В. Дѣль 1856 г. кн. VI, от. III, стр. 38.

согнувшись ихъ въ кольца, всѣ пролезаютъ въ нихъ для очищенія. Наконецъ пирутъ и выносятъ березу, которая должна лежать весь годъ на балаганѣ (1).

Жертвоприношеніе при водруженіи шаманской вѣхи совершаются Пекинскими шаманистами ежегодно. Евнухъ царского двора отправляется въ горы и срубаетъ тамъ ель, вышиною футовъ въ двадцать, съ десятью колѣнцами, или рядами сучьевъ. Эту вѣху водружаютъ передъ входомъ въ храмъ. Въ день жертвоприношенія ставятъ передъ онгонами вино и хлѣбенное. Затѣмъ протягиваютъ по храму бичевку, вѣшаютъ на нее бумагу, а на вѣхѣ выставляютъ флагъ. Шаманка читаетъ молитвы и ей вторятъ разные музыкальные инструменты. Если присутствуетъ государь, то онъ получаетъ жертвенное мясо (2).

Жертвоприношенія небу, какъ видно изъ китайскихъ лѣтописей, начались съ глубокой древности и совершались четыре раза въ годъ на пограничныхъ четырехъ горахъ, соответствовавшихъ четыремъ странамъ свѣта. Во время весеннаго равноденствія, императоръ отправлялся на гору, лежащую въ сторонѣ солнечного восхода, и приносилъ тамъ жертву небу, чтобы оно имѣло попеченіе о посѣянныхъ и начинавшихъ уже всходить зернахъ. Лѣтомъ, во время солнечного поворота, на полуденной горѣ приносилась вторая жертва, съ цѣлью—испросить у неба благотворной теплоты возбуждающей въ землѣ производительныя силы. Въ осеннее равноденствіе приносили на западной горѣ, третью жертву и умоляли небо—избавить плодоносныя поля, отъ вреднаго дѣйствія грозы, вѣтра, насѣкомыхъ и т. п. Наконецъ, при жертвоприношениіи на сѣверной горѣ, во время зимняго поворота солнца, благодарили небо за всѣ блага прошедшаго года и просили о продолженіи благодѣяний въ наступающемъ годѣ (3). Нынѣ же Пекинскіе шаманисты приносятъ жертвы небу такимъ образомъ:

(1) См. подробнѣе: Камчатка, Краш. ч. III, стр. 84—97.

(2) Китай Іакинеа, ч. IV, стр. 65.

(3) Stuhr, Band I, ss. 19, 20.

передъ каменною тумбою съ вѣховой, посреди служебнаго дома, ставить длинный столъ съ тремя тарелками для предложеній; средняя изъ нихъ съ рисомъ, прочія пусты. На сѣверо-востокъ отъ вѣхи ставится длинный столъ для жертвенного мяса. Во время служенія, шаманка дважды, передъ молитвою, окропляетъ рисъ освященою водою. Послѣ этого приводятъ жертвеннное животное, выпускаютъ изъ него кровь, разнимаютъ по хребетнымъ позвонкамъ, срѣзываютъ съ нихъ мясо и варятъ. На правую изъ пустыхъ тарелокъ кладутъ позвонки, а на лѣвую — желчь. Сваренное мясо изрѣзываютъ въ куски и кладутъ въ два сосуда, между которыми ставятъ еще два съ просяною кашею. Подлѣ сосудовъ кладутъ разливную ложку и палочки, употребляемыя вмѣсто вилокъ; остальное мясо изрѣзываютъ въ куски и положивши въ лоханки, покрываютъ кожею. Подшаманка вторично окропляетъ рисъ водою, дважды передъ молитвою и дважды послѣ молитвы; между тѣмъ нанизываютъ шейные позвонки на ниточку, и вѣшаютъ на вѣхѣ, а срѣзанное съ нихъ мясо, окропленный рисъ и желчь, кладутъ въ сосудъ, прикрепленный къ верхнему концу вѣхи⁽¹⁾.

Буряты тоже приносятъ жертвы небу, но время этихъ жертвоприношеній не узаконено и обрядовъ особенныхъ нѣть. Намъ удалось пріобрѣсть молитву, читаемую при этомъ жертвоприношении. Приводимъ ее безъ всякихъ измѣненій:

„Малое, малое небо я призываю по числу, призываю со времени Югозападныхъ царей, спустившихся съ неба! Великое, великое небо призываю со всею ясностью, призываю съ того времени, какъ спустились съ него девять прекрасныхъ царей! Небо доставляетъ счастіе тому, у кого разобьетъ громовою стрѣлою юрту, доставляетъ милость тому, у кого убьетъ коя, корову. Отъ неба, гдѣ обитаютъ цари, упала, оторвавшись, громовая стрѣла, отъ сине-серебристаго неба, съ громомъ спу-

(1) Ibid. стр. 61.

стилась стрѣла, — на стадо, просить стада, на домъ, — просить счастія!“

Жертвоприношеніе по случаю грома совершается съ древности. Гоагуйцы (въ кв.) любили громовые удары и при каждомъ кричали и стрѣляли въ небо. Осеню слѣдующаго года, на мѣстѣ громоваго удара зарывали въ землю барана и зажигали надъ нимъ свѣточъ. Шаманка читала молитвы, а мужчины верхомъ много разъ обѣзжали это мѣсто. Потомъ одинъ изъ мужчинъставилъ снопъ ивовыхъ вѣтвей и обливалъ кумысомъ. Женщина же завертывала кости барана въ кожу и ставила себѣ на голову (¹).

Уранхиты имѣли обыкновеніе, во время сильной молніи и грома, бранить небо, молнію и громъ. Если перунъ убьетъ четвероногое животное, то мясо его не ъдятъ, уходить и удаляются отъ него (²).

У древнихъ монголовъ было тоже возліяніе по случаю грозы и по случаю первого грома весною. У нынѣшихъ бурятъ это жертвоприношеніе совершается такимъ образомъ: выбираютъ сивую лошадь, ставятъ ей на спину чашку съ молокомъ. Шаманъ обрызгиваетъ этимъ молокомъ сперва лошадь, а потомъ брызгаетъ молокомъ и виномъ къ небу и на четыре страны свѣта. Потомъ окуравши лошадь богородскою травою и пихтовою корою, а къ гривѣ привязавъ какой-нибудь доскотокъ, отпускаетъ ее. Бросаясь, она роняетъ чашку съ молокомъ, надъ которой потомъ шаманъ молится о здоровье и благополучіи жертвопринесителя. Лошадь же не употребляется на работу все лѣто, и принадлежитъ уже повелителю громовъ. Если она околѣтъ, то отрѣзавъ у нея хвостъ и гриву, вплетаютъ ихъ другой лошади которая въ такомъ случаѣ замѣняетъ погившую (³).

Минусинскіе татары посвящаютъ духу грома белую ло-

(¹) Исторія народовъ Средн. Азіи. ч. 1, стр. 250.

(²) Раш. Эддинъ стр. 141.

(³) Сибир. Вѣстн. 1824 г. ч. 1. стр. 71.

шадь; приводятъ ее на мѣсто моленія, снимаютъ узду и пускаютъ ее въ поле; съ тѣхъ поръ она неприкосновенна (1).

Богинѣ солнца чуваша приносить жертву въ первый день пасхи. Вставши на зарѣ, чувашенинъ разводить огонь передъ дверями своего дома и стережетъ восходъ солнца. При первыхъ лучахъ восходящаго солнца, чувашенинъ кладеть въ огонь хлѣбъ, и яйца и кланяясь огню, поминаютъ своихъ умершихъ родственниковъ (2).

Будля (у бурятъ). Жертва эта приносится тогда, когда ребенку исполнится два года. Этою жертвою умоляется Эжинъ, покровитель младенческаго возраста, чтобы онъ хранилъ дитя и содѣйствовалъ скорѣйшему возрастанію его.

Жертва, приносимая бурятами злымъ духамъ, называется *кырыб*; она не имѣть опредѣленнаго времени и совершается слѣдующимъ порядкомъ: на полѣ ставятъ длинный березовый шестъ, занимъ котлы съ виномъ, по лѣвую сторону которыхъ стоитъ жертвеннное животное. Шаманъ троекратно призываетъ духовъ и приносить имъ вино. Затѣмъ разрѣзываютъ у животнаго грудь и, засунувъ во внутренность руку, жгутъ сердце и тѣмъ ускоряютъ смерть животнаго. Шаманъ, погрузивъ въ рану жодо и поднявъ окровавленную вѣтвь къ небу, говоритъ: „будь за жизнь уплата, за тѣло подарокъ! счастіе свое оставляй здѣсь, а несчастіе уноси прочь! Долой! лети скорѣе стрѣлы, легче пера!“ Съ убитаго животнаго снимаютъ кожу, такъ что ноги, голова, горло, сердце и легкія остаются въ сердцѣ. Ее надѣваютъ на шестъ, воткнутый въ землю; она виситъ до тѣхъ поръ, пока вороны и сородки не растаскаютъ её. Мясо и кишкі варятъ. Между тѣмъ устроиваютъ костеръ и жгутъ на немъ кости и жилы убитой скотины. По окончаніи троекратнаго призыва духовъ, съ предложеніемъ мяса, шаманъ беретъ деревянный ковшъ, кладеть въ него кусочки, отрѣзанные отъ желуд-

(1) Ж. М. В. Д. 1856 г. кн. 6 стр. 38.

(2) Ibid. стр. 225.

ка и кишекъ, бросаетъ ихъ на тотъ огонь, гдѣ варилось мясо. Это жертва тѣмъ низшимъ духамъ, которые не смѣли подступить къ горящимъ на кострѣ костямъ, для вдыханія питательнаго запаха. Здѣсь шаманъ восклицаетъ: „носящимся на заревѣ горящаго огня, на парахъ кипящаго котла“. Почекнувъ ковшомъ изъ котла бульону, выливаетъ на огонь въ жертву тѣмъ духомъ, которые не смѣютъ носиться надъ костромъ, а бѣгаютъ подъ нимъ. Шаманъ восклицаетъ: „шепчущіе подъ костромъ и дрожащи подъ тѣнью, это вамъ!“ Подойдя къ котламъ съ виномъ и махая ковшомъ, шаманъ кричитъ: „большое счастіе отъ 90 царей; первое счастіе отъ многихъ царей!“ Хозяинъ подставляетъ руки и шаманъ кладеть на нихъ ковшъ. Послѣ того, взявши отъ хозяина ведра съ мясомъ, становится на колѣно передъ костромъ и склонивъ свою голову, начинаетъ призываніе сперва обще, а потомъ обращается къ тому духу, въ честь котораго дѣлается жертвоприношеніе, скачетъ, кривляется, громко произноситъ непонятные слова, мычить и машеть ведромъ около головы. Это значитъ, что духъ вселяется въ шамана и начинаетъ говорить его устами; хозяинъ беретъ ведро, а духъ, вселившійся въ шамана, разсказываетъ его устами свои дѣянія и происхожденіе; благодарить хозяина за почести, обѣщая ему разныя блага, или укорять его за медленное исполненіе обѣтовъ и прощаетъ единственно по просьбѣ шамана. Успокоившись, шаманъ начинаетъ молитву: „призываю, призываю! Призываніемъ, призываю счастіе и благополучіе! Просится у пространнаго неба; у протяженной земли, у 90 югозападныхъ царей, у девяти бѣлыхъ старцевъ, у отца нашего Буха-Ноена, у чрева матери нашей Буданъ-Хатунъ, просится у духа (которому приносили жертву, просится рабу (такому-то) долгій вѣкъ, продолжительное благоденствіе, наслажденіе, радость, толстая кожа въ четверть аршина, крѣпкая, желѣзнай жизнь! Просится, чтобы умоляемый духъ принялъ жертву и сдѣлался защитникомъ и хранителемъ! Просится исцѣленіемъ извѣ, уничтоженіе немощей, большое скотоводство, семейное многолюдство“. Кончивъ призываніе, шаманъ

подаетъ хозяину ведро съ жертвеннымъ мясомъ; затѣмъ шаманъ бросаетъ иѣсколько кусочковъ мяса на огонь; остальное дѣлается между присутствующими⁽¹⁾.

Сацала, или приношеніе въ жертву вина, вотъ какъ описывается г. Щукинымъ: въ юртѣ, около огня ставится иѣсколько котловъ вина. Хозяинъ сидя на полу, окуриваетъ вино богословскою травою, можжевельникомъ, пихтовою корою и т. п. Почекнувшись изъ одного котла деревянною чашкою немногого вина, подаетъ шаману; который вставши на ноги и поднявши чашку вверхъ, начинаетъ призыванія: „взываю ко всѣмъ и приношу всѣмъ! о, пространное небо, протяженная земля, девяносто югозападныхъ царей, девять бѣлыхъ старцовъ! умножившіе племя бурятъ до нынѣшняго числа, какъ просо въ урожай, какъ кипѣніе не изсякающаго ключа. Отецъ нашъ Буха-Ноенъ, мать наша Буданъ-Хатунъ! призываю васъ!“ Затѣмъ шаманъ воспѣваетъ происхожденіе, характеръ и могущество того духа, которому приносится жертва. Далѣе призываетъ его родственниковъ и товарищей — участвовать въ почести. Если настоящая жертва приносится по случаю болѣзни, то шаманъ просить духовъ принять жертву, освободить душу больного отъ мученій, даровать ему пріятный сонъ, аппетитъ и долголѣтнее здравіе. Потомъ, плеснувшись изъ чашки вино вверхъ, чашку подаетъ хозяину. Наливши снова, чашку возвращаетъ шаману, который повторяетъ прежнее призываніе. Принявши изъ рукъ хозяина чашку въ третій разъ, шаманъ говоритъ: „сначало было приношеніе царю человѣковъ,—теперь призывается царь каждой горы, каждой кочки, каждого мѣста. О вы, носящіеся по эхамъ высокихъ горъ, по прохладамъ долинъ, по влагамъ глубокихъ морей! примите угощеніе хозяина и будьте къ нему милостивы.“ Затѣмъ шаманъ призываетъ души всѣхъ шамановъ, погребенныхъ въ окрестности и просить ихъ участвовать въ почести, просить помочь ему умилостивить духа, раздраженнаго хозяиномъ. Принявъ

(1) О Шаманствѣ. Щукина. Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846 г. стр. 57.

чашку въ четвертый разъ, шаманъ обращается къ той стѣнѣ, гдѣ висятъ онгоны: снисшедшіе отъ неба-царя, по приказанию тысячи хатайтановъ! Снисшедшіе отъ высшаго неба по благорасположенію тысячи тысячи Усайтановъ! это приношеніе вамъ, возьмите!“ Потомъ просить онгоновъ охранять юрту отъ злыхъ, пускать въ нее только добрыхъ, исполнять желанія хозяина, исцѣлять немощи, будить во-время отъ сна, напоминать забытое, и т. п. Послѣ призыванія наливаютъ полную чашу вина, и шаманъ, принявъ ее, льетъ по каплѣ на огонь, приговаривая: „отецъ—лысое небо! мать—Юренъ небо! младшій сынъ—плѣшиваго неба старецъ Сагадай, жена его Сахалу! лежа дающіе, грызя разжигающіе! огонь Булу-Ханъ и жена его Гули (мѣдь)! о вы, имѣющіе даху изъ сѣрой мерлушки и требующіе въ жертву неменѣе какъ годовалаго барана; утромъ бывающіе съ кочку, а къ ночи вырастающіе съ гору! Сдѣлайте, чтобы такой-то былъ богатъ скотомъ, имѣль многочисленное семейство, былъ счастливъ на звѣриныхъ промыслахъ! послѣ призыванія духовъ, хозяинъ и шаманъ пьютъ изъ чашки вина; затѣмъ всѣ присутствующіе распиваютъ вино, находящееся въ котлахъ⁽¹⁾.

Это жертвоприношеніе совершается и другимъ образомъ⁽²⁾ но различія здѣсь неважны.

Къ жертвамъ же относится, такъ называемое *кормленіе идовъ*, которое состоитъ въ томъ, что идоламъ даютъ въ ротъ кость, мясо, хлѣбъ или мажутъ ихъ масломъ, жиромъ и т. п. Самоѣды мажутъ губы хеговъ кровью и жиромъ убитаго животнаго, говоря при этомъ *кушайте!*

Болѣзни, по вѣрованію шаманистовъ, бываютъ слѣдствиемъ гиѣва духовъ, которые вселясь въ человѣка, мучать его. Для изгнанія этихъ духовъ-мучителей, призываются шаманы. Вотъ какъ у разныхъ народовъ они отправляютъ эту обязанность.

Остяки къ юртѣ больного приводятъ нѣсколько оленей, по

(1) Приб. къ Ж. М. Н. П. 1846 г. 54.

(2) Ibid. стр. 56.

назначенію шамана. Къ ногѣ одного изъ оленей привязываютъ конецъ веревки, а другой конецъ даютъ въ руку больнаго, и когда послѣдній дернетъ веревку, то олена убиваютъ, голову и рога ставятъ на коль, мясо съѣдаются, а жиромъ мажутъ больнаго. ⁽¹⁾

У киргизовъ шаманъ садится противъ больнаго, играетъ на балалайкѣ, поетъ, кричитъ, кривляется. Потомъ вскакиваетъ съ мѣста, бѣгаєтъ по юртѣ, или выбѣжавъ изъ нея, садится на первую попавшуюся лошадь и во всю прыть мчится по степи, гонясь за духомъ, мучающимъ больнаго. Возвратившись въ юрту, онъ бѣть больнаго плѣтью, думая изгнать духа, кусаетъ его до крови, замахивается ножемъ, плюетъ въ глаза. Эта исторія повторяется девять дней ⁽²⁾.

Пришедши къ больному, якутскій шаманъ, садится на сѣдельномъ потникѣ. Сначала онъ задумывается, что-то бормочеть, потомъ вскакиваетъ, и взявши бубенъ, съ крикомъ бѣгаєтъ по юртѣ, наконецъ, кинувъ бубенъ межъ ногъ, въ безчувствіи падаетъ наземь. Вставши, онъ объявляетъ имя того духа, который одержить больнаго и которому угодно въ жертву такое-то животное. Для жертвоприношенія устраивается на четырехъ столбахъ невысокій помостъ. Шаманъ, обхвативъ животное по брюху, бормочеть и кричитъ, а якуты увѣрены, что въ него все-ляется духъ. Наконецъ животное убиваютъ, мясо кладутъ на помостъ, а шкуру вѣшаютъ на двухъ столбахъ; разводятъ огонь, мясо варятъ и съѣдаются,бросивъ предварительно кусокъ жира въ огонь; кости возлагаютъ на жертвеникъ ⁽²⁾.

Для избавленія больнаго отъ болѣзни, тунгусы убиваютъ птицу или другое животное; по крови и печени шаманъ узнаетъ болѣзнь и ея причину. Онъ также объявляетъ, чѣмъ боги могутъ быть умилостивлены — новыми идолами или принесеніемъ жертвъ.

⁽¹⁾ Путешествіе Палласа.

⁽²⁾ Шаманство у народ. Сѣв. Азіи, стр 35.

⁽²⁾ Ж. М. В. Д. 1854 г. кн. VII, стр. 21.

Жертву приносить въ юртъ вечеромъ. Шаманъ беретъ больнаго за голову обѣими руками, сосетъ у него лобъ, плюетъ въ лицо и постоянно гладить болѣвое мѣтто⁽¹⁾.

Къ числу священныхъ дѣйствій принадлежитъ еще присяга. Она имѣеть у шаманистовъ три вида — клятва передъ огнемъ, о которой мы уже говорили; клятва передъ идолами и медвѣжьей шкурой и клятва передъ обожаемыми предметами природы.

Клятва передъ идолами и медвѣжьей шкурой, у остяковъ совершается такъ: передъ идоломъ стоитъ остьакъ, держа въ руки топоръ или ножъ, которымъ онъ долженъ ударить идола въ носъ и сказать: „пусть звѣрь растерзаетъ меня въ лѣсу, пусть постигнуть меня всевозможная несчастія, если я сказалъ неправду о томъ, въ чемъ присягаю здѣсь!“ Клятва передъ медвѣжьей шкурой: „если я сказалъ неправду, то пусть медвѣдь растерзаетъ меня, пусть топоръ убьетъ, пусть подавлюся я хлѣбомъ, пусть ножъ поразить меня“. Иногда присягающаго заставляютъ стать передъ шкурой на колѣни и укусить ее⁽²⁾. У Самоѣдовъ клятва произносится надъ остроконечнымъ кускомъ земли или снѣга, отъ котораго присягающій долженъ отрѣзать ножемъ небольшую часть. Это значитъ, что клятвопреступникъ долженъ разсыпаться какъ земля, разстаять какъ снѣгъ. Клянутся также и надъ головой медвѣда, приговаривая „если я лгу, то пусть онъ меня сѣсть“⁽³⁾.

О клятвѣ передъ священными предметами природы, напр. передъ Шаманскимъ камнемъ, мы говорили выше.

Кудесничество, ворожба, предсказанія.

Силы природы въ глазахъ шаманиста ничто иное, какъ духи, а дѣйствія этихъ силъ — обнаружение воли духовъ. Такимъ

⁽¹⁾ Georgi's Bemerkungen, S. 282.

⁽²⁾ Geographie de W. Guthrie, tome II, p. 125.

⁽³⁾ Зап. И. Р. Геогр. Общ. 1853 г. кн. VII, стр. 101.

образомъ шаманисты считаютъ себя въ полной зависимости отъ духовъ, но врожденное человѣку чувство жизни, заставляетъ ихъ изъискивать средства къ отклоненію вреднаго влиянія божествъ. Для этого нужно знать—какъ умыслы духовъ, такъ и средства къ отвращенію ихъ вредныхъ дѣйствій. Это, знаніе принадлежитъ шаманамъ, которые одни изъ всѣхъ смертныхъ находятся въ ближайшемъ общеніи съ духами. При известныхъ обстоятельствахъ, духи сообщаютъ шаману такія свѣдѣнія, которыя недоступны обыкновенному человѣку. Пропадетъ ли, напр., у кого лошадь,—онъ обращается къ шаману, послѣдній вызываетъ духовъ и узнаетъ отъ нихъ какъ, найти пропавшую лошадь. Желаетъ ли кто узнать о будущемъ,—духи сообщаютъ черезъ шамана и объ этомъ.

Находясь въ близкомъ общеніи съ духами, шаманъ при ихъ помощи, можетъ совершать такія дѣла, которыхъ совершенно не по силамъ обыкновенному человѣку. Сюда относятся разные фокусы, лѣтаніе по воздуху, превращеніе въ животныхъ и т. п.

Мы будемъ говорить о шаманскомъ кудесничествѣ на столько, на сколько это можетъ относиться къ миѳологии. Физиологическое изслѣдованіе подобныхъ явлений лежитъ въ предѣловъ нашей статьи.

Такъ какъ шаманисты не имѣютъ определенныхъ мѣстъ для богослуженія и такъ какъ шаманить приходится часто непредвидѣнно, во всякое время и на всакомъ мѣстѣ, то шаманство можетъ совершаться вездѣ — въ юртѣ, въ лѣсу, на горѣ, на берегу рѣки или озера и т. д. Шаманы выбираютъ для совершения своихъ обрядовъ мѣста глухія, темныя и большою частью ночное время, чтобы въ темнотѣ казаться болѣе страшными и таинственными. На избранномъ мѣстѣ сожигается костеръ, вокругъ которого собираются зрители. Шаманъ надѣваетъ свои священные одежды и беретъ бубень, подъ унылые звуки которого онъ начинаетъ пѣть свои заклинанія, сперва тихо, потомъ все громче и громче. Наконецъ онъ приходить въ изступленіе, дѣлаетъ огромные прыжки, кривляется и кри-

чить голосами разныхъ животныхъ. Пѣна клубится у его рта, налитые кровью глаза страшно вращаются. Вотъ онъ въ изнеможеніи упалъ на землю и его душа сошла въ міръ духовъ, узнать то, что нужно. У нѣкоторыхъ уже народовъ духи сами приходятъ къ шаману и сообщаютъ ему желаемое свѣдѣніе, и шаманъ въ этихъ случаяхъ не имѣть необходимости доходить до изнеможенія и обморока. Вотъ какъ напр. самоѣдскій тадибъ призываетъ духовъ въ случаѣ пропажи оленя: „придите, придите, духи волшебные! Если не придетe, я самъ приду къ вамъ! Пробудитесь вы, о, духи волшебные, я пришелъ къ вамъ; вставайте!“ — „Что кричишь ты, что тревожишь нашъ покой?“ спрашиваетъ самъ себя шаманъ отъ лица явившагося ему тадебція, и тотчасъ отвѣтываетъ: „пришелъ ко мнѣ одинъ самоѣдъ, онъ сильно мучитъ меня: пропалъ у него олень.“ Тадебцій отправляется отыскивать оленя и, возвратившись, сообщаетъ шаману о томъ мѣстѣ, гдѣ онъ видѣлъ оленя.

У прежнихъ лопарей заклинательнымъ пѣснямъ шамана вторили всѣ присутствующіе, продолжая пѣть и тогда, когда шаманъ падалъ навзничъ и положивъ себѣ на спину бубень, засыпалъ какъ мертвый. Во время сна, непродолжавшагося долѣ 24 часовъ, лицо шамана было темно-зеленое, и по нему струились капли пота. Пробудившись, онъ разсказывалъ видѣнное имъ въ мірѣ духовъ (1).

Крашенинниковъ такъ описываетъ шаманство у камчадаловъ: „двѣ бабы садятся въ уголъ и непрестанно шепчутъ. Одна изъ нихъ привязываетъ крапивную нитку къ ногѣ и качаетъ ею. Если ей поднимать ногу покажется легко, то это считается счастливымъ предзнаменованіемъ, а если тяжело — то напротивъ. Между тѣмъ она призываетъ духовъ и скрежещетъ зубами, а когда явится духъ, то она начинаетъ хохотать. Черезъ полчаса бѣсы уходятъ и ворожея кричитъ пить (ишики)!

(1) Eckermann's Mythologie. Band IV, S. 139.

Нѣкоторые говорятъ, что во время грома и молний Пилячучъ вселяется въ шаманокъ и способствуетъ имъ угадывать⁽¹⁾.

Шаманы обладаютъ способностью творить чудеса; народныя преданія особенно выхваляютъ за это древнихъ шамановъ. С. Сэнэнъ разсказываетъ о камѣ *Бомбо*, что онъ умертвилъ своими заклинаніями 97 человѣкъ⁽²⁾. Самоѣды говорять о старинныхъ шаманахъ, что они летали по воздуху, плавали подъ водою, поднимались до облаковъ, прокалывали себя копьями, давали изрубить себя въ куски и потомъ воскресали и т. д. Особенно сѣверъ Финнляндіи знаменитъ былъ своими кудесниками, и въ средніе вѣка слова *финнъ* и *волшебникъ* были тождественны. Изъ Швеціи и Лапландіи многіе приходили учиться къ финскимъ шаманамъ волшебному искусству⁽³⁾. Русскіе тоже часто посѣщали финскихъ кудесниковъ.

Кромѣ бубна и колотушки, финскіе и лопарскіе шаманы имѣли: 1) *вѣтряные узлы*, 2) *гань* и 3) *тиро*.

1) Финны продавали часто корабельщикамъ вѣтеръ въ канатъ съ тремя узлами. Если развязывали первый узелъ, то поднимался благопріятный, умѣренный вѣтеръ, со вторымъ узломъ вѣтеръ становился сильнѣе, когда же развязывали третій узелъ, то мгновенно поднималась страшная гроза и буря. Волшебники также могли останавливать корабли на всемъ ходу, производить штиль и т. п., и только мѣсячная кровь дѣвушекъ могла противодѣйствовать этимъ чарамъ.

2) *Ганы* хранились въ кожанныхъ мѣшкахъ, въ горныхъ пещерахъ. Это были синеватыя, безкрылые, похожія на муху животныя. Волшебникъ посыпалъ ихъ въ известное мѣсто и они приносили туда несчастіе.

3) *Тиро* величиною съ гречкій орѣхъ, покрытъ желтою шерстью и весьма легокъ. Онъ летаетъ со скоростью вѣтра и

(1) Описаніе Камчатки, ч. III, стр. 82.

(2) Geschichte d. Ost-Mongolen, S. 241.

(3) Eckermann, B. IV, S. 142, 137.

поражаетъ все встрѣчающееся ему. Раненный *таномъ* долженъ умереть отъ рака; раны *тиро* хотя мучительны, но несмертельны (1).

4) *Судной камень* считается шаманами хорошимъ пособіемъ въ дѣлахъ судебныхъ.

5) Камчадалы жгутъ *жилы каменнаю барана*, при чёмъ преступника корчитъ и сводить у него жилы.

6) *Змѣиное горло*; черезъ него финскій шаманъ проѣживаетъ воду въ ротъ больнаго.

7) *Трава*, которую змѣя держитъ во-рту, когда плыветъ. Она даетъ силу кусать самое твердое желѣзо и охранять въ дѣлахъ судебныхъ (2).

8) Монголо-буряты и тунгусы ворожатъ посредствомъ сожиганья *бараньей лопатки*, по трещинамъ которой узнаютъ то, что нужно. Подобная ворожба была еще при Чингисъ-Ханѣ. Этотъ государь, передъ каждымъ походомъ, заставлялъ *Ёмай Чуцая* ворожить — успешно ли предпріятіе и самъ повѣрялъ его ворожбу сожиганіемъ *лѣкихъ барана* (3).

9) Камчадалы, по словамъ Крашенинникова, шепчутъ на *рыбы шалы*, на траву *тонишичъ*, и по нимъ предсказываютъ будущее.

10) Къ числѣ средствъ узнанія будущаго относится гаданіе по полету и крику птицъ, по вою собаки и т. п.

Предметы шаманскихъ предсказаній самые различные: погода, урожай хлѣба, судьба человѣка, общественные бѣдствія и т. д.

Шаманская фокусы состоятъ въ томъ, что шаманы лижутъ раскаленное желѣзо, грызутъ камни, показываютъ изъ рта голову утки, глотаютъ шпаги, рубятъ себя невредимо топоромъ по брюху и т. д. Всѣ эти фокусы имѣютъ цѣллю убѣдить людей въ сверхъестественной силѣ, обитающей въ шаманѣ.

Слово человѣческое, по миѳическому воззрѣнію, обладаетъ

(1) Ibidem.

(2) Путешествіе Кастрена, стр. 237.

(3) Іакинеа. Истор. первыхъ четырехъ хановъ, стр. 107.

чрезвычайною волшебною силою. Оно сотворило міръ, оно можетъ умертвить человѣка, наслать на него болѣзнь и бѣду, а также и избавить отъ нихъ. На такомъ миѳическомъ воззрѣніи основаны всѣ заговоры и волшебная пѣсни. Послѣдними особенно знаменита была древняя Финляндія. У вышнихъ шаманистовъ заклинанія дѣлаются большею частію съ враждебнымъ намѣреніемъ, съ цѣлью повредить человѣку или наказать его. Вотъ что разсказываетъ одинъ очевидецъ чувашского заклинанія. „Одинъ чувашинъ пересѣкъ мѣрѣ дорогу, торопливо пробираясь въ глубь лѣса. Вышедши на небольшую поляну, онъ сбросилъ съ головы шляпу и грянулъ оземь, произнося въ полголоса какую-то молитву. Вставши на ноги, онъ распоясался, скинувъ рукавицы, кафтанъ и совершенно нагой насколько времени шепталъ что-то про себя, вперивъ глаза на востокъ и изредко покачивая головой. Потомъ вдругъ завылъ дикимъ, пронзительнымъ голосомъ. Вопли его прерывались восклицаніями: *злая кереметь, лихая кереметь, услышь мою молитву, немедленно излови, умретви его!* Произнося эти слова, онъ валялся по землѣ, рылъ ее руками, кувыркался, скрежеталъ зубами.“ (1)

Народное суевѣrie представляетъ особенно сильнымъ и действительнымъ родительское проклятие. Такъ въ одной, напр. бурятской легендѣ разсказывается, что молодой бурятъ отправился странствовать по свѣту, не смотря на запрещеніе своего отца, который проклялъ его за такое ослушничество. Странствователь не имѣлъ нигдѣ успѣха. Состарѣвшись въ своихъ несчастливыхъ приключеніяхъ, онъ пришелъ къ своимъ братьямъ, но они его не узнали. Такъ какъ онъ славился необычайною силою, то братья предложили ему, въ доказательство того, что онъ братъ ихъ, убить однимъ выстрѣломъ изъ лука быка. Онъ поразилъ быка, но тутъ ему измѣнили послѣдня силы, и онъ мертвымъ повалился къ ногамъ своихъ братьевъ.

С. Шашковъ.

(1) Сбоева. Замѣтки о чувашахъ, стр. 116.